

ISSN 2313-061X

Научно-методический журнал

ВЕСТНИК

Издается с 2014 года

4 (12) ВЛАДИМИРСКОГО
2016 ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ АЛЕКСАНДРА ГРИГОРЬЕВИЧА
И НИКОЛАЯ ГРИГОРЬЕВИЧА СТОЛЕТОВЫХ

Социальные и гуманитарные науки

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых»

Издатель

Владимирский государственный университет
имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых

*Издание зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)*

ПИ № ФС77-56199 от 28 ноября 2013

Журнал входит в систему РИНЦ
(Российский индекс научного цитирования) на платформе elibrary.ru

Вестник ВлГУ является рецензируемым и подписным изданием

Подписной индекс: 93515 в Объединенном каталоге «Пресса России»

ISSN 2313-061X

© ВлГУ, 2016

Редакторы:

А. А. Амирсейидова

Е. В. Невская

Корректор

Е. П. Викулова

Технический редактор

С. Ш. Абдуллаева

Верстка оригинал-макета

Е. А. Кузьминой

Автор перевода

А. В. Борзов, кандидат

ист. наук, доцент

За точность и добросовестность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы

Адрес учредителя:

600000, Владимир,

ул. Горького, 87.

Владимирский

государственный

университет имени

Александра Григорьевича

и Николая Григорьевича

Столетовых

Адрес редакции:

600014, г. Владимир,

пр-т Строителей, д. 3/7,

ауд. 231^а

Подписано в печать 26.12.16

Формат 60×84/8

Усл. печ. л. 12,09

Тираж 500 экз.

Заказ №

Издательство

Владимирского государственного

университета

имени Александра Григорьевича

и Николая Григорьевича

Столетовых

600000, Владимир,

ул. Горького, 87

Редакционная коллегия серии

«Социальные и гуманитарные науки»

- Е. М. Петровичева* доктор ист. наук, профессор
директор Гуманитарного института
(главный редактор серии)
- Е. И. Аринин* доктор филос. наук, профессор
зав. кафедрой философии и религиоведения
(зам. главного редактора серии)
- М. В. Артамонова* кандидат филол. наук, доцент
директор Педагогического института
- И. Й. Деретич* доктор филос. наук, профессор
руководитель проекта «История
сербской философии», Философский
факультет, Белградский университет
- В. В. Жданов* доктор филос. наук университета
Фридрих-Александра, Эрланген –
Нюрнберг (Германия)
- С. И. Реснянский* доктор ист. наук, профессор
академик РАЕН
- И. Я. Кантеров* доктор филос. наук, заслуженный
профессор МГУ им. М. В. Ломоносова
- К. А. Аверьянов* доктор ист. наук, профессор
ведущий научный сотрудник ИРИ РАН
- Ю. В. Кривошеев* доктор ист. наук, профессор
зав. кафедрой исторического регионоведения
Исторического факультета СПбГУ
- Т. Л. Лабутина* доктор ист. наук, профессор
ведущий научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН
- И. К. Лапина* доктор ист. наук, профессор
зав. кафедрой Всеобщей истории
- А. В. Лубков* доктор ист. наук, профессор
проректор Московского педагогического
государственного университета
- С. А. Мартынова* кандидат филол. наук, доцент
зав. кафедрой русской и зарубежной
литературы
- М. В. Пименова* доктор филол. наук, профессор
зав. кафедрой русского языка
- Г. С. Егорова* кандидат ист. наук, доцент
кафедры истории России (отв. секретарь
редакционной коллегии)

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Т. О. Галкин, Т. С. Дарьина История изучения эпохи палеометалла во Владимирской области (ранний железный век).....	5
Д. А. Макеев У истоков развития владимирского исторического краеведения.....	13
Г.С. Егорова, М. Д. Ломоносов «Воспитываем убежденных атеистов»: реализация программы антирелигиозного воспитания в школах Владимирской области при Н. С. Хрущёве	29

ФИЛОЛОГИЯ

Е. И. Зиновьева Лексикографический портрет существительного <i>казна</i> в обиходном языке московской Руси.....	45
В. А. Глущенко, Е. А. Тищенко К вопросу о методе лингвосториографических исследований	51
Ю. Б. Орлицкий Стиховая уникальность исторических поэм М. Волошина.....	57
А. В. Марков Умиление: к истории понятия	65

ФИЛОСОФИЯ

М. Т. Андрюшенко Об одной неизвестной ступени признания истинности.....	73
Н. И. Петев Рецепция эсхатологических образов и нравственная рефлексия.....	83
Е. И. Аринин Философия религии, идентичность и социальные общности Владимирского региона	92
Сведения об авторах	102

CONTENTS

HISTORY

- T. O. Galkin, T. S. Daryina**
History of the paleometall period studies in Vladimir region
(Early Iron Age)..... 5
- D. A. Makeev**
The origins of Vladimir local history studies 13
- G. S. Egorova, M. D. Lomonosov**
"Raising convinced atheists": implementation of the antireligious
school education program in Vladimir region under N. S. Khrushchev 29

PHILOLOGY

- E. I. Zinovieva**
Lexicographic portrait of the noun *treasury* in everyday
Russian of Muscovite Rus 45
- V. A. Glushchenko, K. A. Tyshchenko**
Method of linguistic historiography researches..... 51
- Yu. B. Orlytsky**
Verse Uniqueness of historical poems by M. Voloshin 57
- A. V. Markov**
Affection: the history of the concept 65

PHILOSOPHY

- M. T. Andrjuschenko**
An unknown step of recognition of truth..... 73
- N. I. Petev**
The reception of eschatological imagery and moral reflection 83
- E. I. Arinin**
The philosophy of religion, identity and social community of Vladimir region..... 92
- Contributors** 102

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА ВО ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ (РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК)

Часть 1. XIX век – 20-е годы XX века

В статье рассматривается история изучения памятников эпохи раннего железного века во Владимирской области от момента обращения исследователей к этой проблеме (середина XIX столетия) до 20-х годов XX столетия.

Ключевые слова: дьяковская культура, городецкая культура, краеведение, ранний железный век.

Историю изучения культур раннего железного века (далее – р.ж.в.) на территории Владимирской области сложно назвать полной и ясной. Она имеет отрывочный и фрагментарный характер. Последние исследования заставляют нас по-новому взглянуть на местные археологические памятники.

Для понимания тех этнических процессов, которые происходили на огромной территории лесной зоны Восточной Европы (и Владимирской области как безусловной её части) в р.ж.в. и римское время, нам необходимо обратиться к опыту предшественников.

Историю изучения памятников р.ж.в. во Владимирской области можно разделить на три периода: дореволюционный, или, по терминологии О. Н. Бадера и Г. С. Лебедева, «уваровский», советский и современный. Границы между этими «периодами» предстают весьма размытыми по той

причине, что многие дореволюционные исследователи будут работать до 20-х годов XX века, а ряд исследователей 1990-х – начала 2000-х – использовать методологические установки советской эпохи.

Выбор хронологических рамок исследования обусловлен прежде всего тем, что в середине XIX века начинается планомерное археологическое изучение памятников интересующей нас эпохи, а верхней границей становится разгром музейного краеведческого движения, в определенной степени эти исследования прекративший. Второй этап, речь о котором пойдет в следующих наших работах, связан с иными методическими и идеологическими установками.

Впервые к изучению подобных памятников обратился ещё А. С. Уваров в ходе своих масштабных работ 1851 – 1854 годов во Владимирской губернии. В частности, им было об-

следовано городище близ с. Васильково [22, с. 41], однако граф не придал в тот момент большого значения этому памятнику, в основном сосредоточившись на изучении близлежащих курганов. Тем не менее стоит отметить, что это было чуть ли не первое в Европейской России городище, вскрытое широкой площадью [14, с. 37]. Впрочем, указывая целый список *городищ* на территории губернии, А. С. Уваров относил их к «мерянскому народу», что для уровня развития археологической науки 2-й половины XIX века было вполне приемлемо, поскольку автор однозначно указывал на их «финскую принадлежность» [22, с. 47 – 48].

После прекращения деятельности графа А. С. Уварова интерес Московского археологического общества к древностям Владимирской губернии не ослабевает. Безусловно, в какой-то степени это связано и с тем, что имение Карачарово, принадлежавшее графу А. С. Уварову еще с 1840-х годов, находилось в Муромском уезде, однако сам интерес к владимирским древностям со стороны Московского археологического общества (МАО) нам представляется более глубоким.

Так, муромский краевед Н. Г. Добрынкин еще в 1868 году обследует нижнеокские городища Воютино, Окшово и Муратово [12, с. 1 – 2], а К. Н. Тихонравов проводит исследования на городищах, упомянутых в работе А. С. Уварова [21, с. 149 – 152]. Впрочем, Н. Г. Добрынкин с 1878 года являлся членом

корреспондентом, а с 1901 года действительным членом Московского археологического общества [24, с. 144 – 149], возглавляемого с 1884 года вдовой А. С. Уварова графиней П. С. Уваровой. Таким образом, интерес МАО к Владимирской губернии не ослабевал никогда.

В конце XIX века, а точнее, после принятия проекта архивной реформы Н. В. Калачова в 1884 году в 39 губерниях Российской империи, в том числе и во Владимирской (с 1898 года), формируются губернские учёные архивные комиссии, которые помимо архивного делопроизводства занимались и археологическими исследованиями, правда, в меньшей степени и не столь тщательно, как того требовалось.

В нескольких работах ВУАК говорится о раннем железном веке. «В селе Воютине, расположенном на высоком левом берегу р. Оки, мною было осмотрено так называемое «Городище» <...> никаких остатков в валу не было найдено; что касается самой площадки, где можно было бы встретить, если только это действительно городище, так называемые «культурные ямы», – то ни раскопок, ни тщательного её исследования не было произведено, а потому ни о времени сооружения вала, ни о назначении самого городища – судить невозможно» [25, с. 24]. В отчёте Н. М. Соколова и П. И. Попова отмечается, что в бассейне Клязьмы около г. Вязники обнаружены следы поселений р.ж.в.: «Пока найдены следы быта поздней эпохи каменного периода, имеются следы железного века...» [20, с. 21].

Благодаря 20-летней деятельности ВУАК создан исторический архив и краеведческий музей (1906), была собрана библиотека и коллекция вещественных памятников старины, которые, пережив события 1917 года, продолжают существовать до наших дней.

Революция и последовавшие за ней события, с одной стороны, поставили российскую археологию на грань выживания [23, с. 33 – 40]. С другой, новые веяния и события активизировали именно региональные исследования, пик которых пришелся на 1920-е годы, в частности, на деятельность комплексной антропологической экспедиции МГУ, возглавляемой Б. С. Жуковым. В состав этой экспедиции входил тогда ещё студентом О. Н. Бадер. Во многом именно с ним мы можем связать новый этап в изучении памятников эпохи палеометалла на территории Владимирской области.

О. Н. Бадером были обследованы городище Лысая гора близ г. Гороховца и Пировы Городищи в Вязниковском районе [1, с. 4], однако материалы этих исследований так и не были опубликованы в полном объеме в связи с тем, что отчеты не сохранились. Сама же коллекция хранится в Вязниковском музее [18, с. 14].

Именно в 1920-е годы в нашей области (как и во многих других регионах России) получило развитие краеведческое движение. Это движение, тесно связанное с музейным делом, во многом повлияло и на архео-

логические исследования. Сотрудники музеев Владимирской области принимали участие в разведках и раскопках памятников древности как самостоятельно, так и сотрудничая с антропологической экспедицией МГУ во второй половине 20-х годов.

«В мае 1918 г. была создана первая комиссия по охране памятников искусства и старины при Владимирском губернском отделе народного образования, а в августе этого же года – Губернская коллегия по делам музеев и охране памятников искусства и старины» [16, с. 94]. По Положению Наркомпроса от 21 мая 1921 г. на Губмузеи возлагалось: «б) охрана произведений искусства, памятников старины, народного быта и природы, регистрация и взятие на учет, <...>, г) производство археологических раскопок и реставрационных работ – в обоих случаях лишь с ведома и разрешения Главмузея» [13, с. 9].

В планах работы Главмузея прослеживается, что уже с 1921 года в обязательный штат служащих включается археолог [12, Л. 14]. Стоит отметить, что законодательное запрещение проводить самовольные раскопки и разведки памятников археологии очень тщательно оговаривалось во многих официальных отчетах Главмузея. Например, в переписке Владимирского музея, посвященной охране памятников старины и искусства за 1920 – 1921 годы, можно встретить следующую запись: «Владимирский Губернский Отдел Народного Образования в целях охранения художественных и исторических цен-

ностей Владимирского края обязывает всех проживающих на территории Владимирской губернии граждан и находящиеся в губернии учреждения принять к неуклонному исполнению нижеследующие положения обязательного постановления: ... IV. Производство археологических раскопок на территории Владимирской губернии может проходить с разрешением и ведома Губернского Отдела Народного Образования, причём, все находимые при раскопках вещи, а также клады, подлежат учёту Губернского Подотдела Искусства и Музеев при Губотнаробе для распределения их между музеями по принятому в центре плану. V. Безусловно, воспрещается порча и вскрытие древних валов, курганов, городищ и могильников в пределах Владимирской губернии» [5, Л. 438 – 438 об].

Наибольшую активность в исследованиях памятников культур р.ж.в. в этот период проявляют Владимирский, Муромский и Вязниковский музеи. Среди сотрудников музеев археологическими исследованиями памятников р.ж.в. занимались директор Владимирского музея А. И. Иванов, заведующий Муромским музеем Ф. Я. Селезнёв и сотрудник Вязниковского музея К. М. Большаков. Их наработки в области археологических исследований городищ дьяковской и городецкой культур нашли отражение во владимирских изданиях 20-х годов: «Музейное дело во Владимирской губернии за время революции» и «Материалы по изучению Владимирской губернии».

Судя по первому изданию, в тот период в области достаточно активно проводилась регистрация памятников не только «гражданских и церковных», но и археологических, в том числе и городищ. Последних на тот момент было выявлено 46 [20]. Среди известных сегодня городищ р.ж.в. были упомянуты Кидекша, Якиманское городище, Пировы – Городищи, Окшовское городище, Чаадаевское городище, Кондраковское городище и Золотая Чаша.

Судя по «Материалам по изучению Владимирской губернии», в период с 1923 по 1925 годы заведующим Муромского музея Ф. Я. Селезнёвым была проведена разведка Чаадаевского городища. Автор разведки описал внешний вид городища: «...два бугра по обеим сторонам дороги кажутся как бы признаками вала от бывшего здесь укрепления. К 3. на расстоянии 100 метров вдоль дороги идет глубокий овраг, а к востоку на таком же расстоянии – откос Окской поймы. Ниже Городка метров на 200 протекает речка Выжега почти перпендикулярно к дороге, образуя в свою очередь глубокий овраг. Таким образом, северная часть Городка круто обрывается в виде горного выступа. Весенние воды округлили последний, а по восточному склону его проведена дорога с мостовой» [19].

Среди исследований городищ р.ж.в. стоит упомянуть открытие сотрудником Вязниковского музея К. М. Большаковым городища р.ж.в. около д. Тарханово. В разведывательном шурфе было найдено не-

сколькo обломков сетчатой керамики [217, с. 132]. Судя по планам Вязниковского музея, это событие, предположительно, произошло в 1925 год: «Научно-исследовательская часть... обследование Городка вблизи дер. Тарханова в 19 верстах от гор. Вязников» [11, Л. 119].

Важной вехой в археологическом изучении памятников городецкой и дьяковской культур Владимирского края была Антропологическая экспедиция МГУ под руководством Б. С. Жукова в 1926 – 1929 годы. Этой экспедицией были произведены разведки и раскопки памятников восточных районов Владимирского края. В июле 1927 года сотрудник Антропологического Института О. Н. Бадер, будучи в составе этой экспедиции, получил открытый лист от Отдела по ДелаМ Музеев Главнауки НКП «на право производства археологических раскопок в Вязниковском и Муромском уездах Владимирской губернии» [5, Л. 59.]. В течение работы экспедиции с 1927 по 1929 годы он «заложил небольшие раскопы на городище близ села Пировы – Городищи в Вязниковском районе и на городище Лысая Гора близ Гороховца. Это типично дьяковские городища» [17, с. 132]. Если судить по «Предварительному отчету о работах Антропологической комплексной экспедиции за 1927 год», то изначально культурные наслоения городища не определялись точно как дьяковские, указывалось только, что «городище является памятником славянской культуры, но *некоторой своей ча-*

стью даёт более древнюю культуру (курсив наш. – Т. Г., Т. Д.) своих первых дославянских насельников» [2, Л. 11]. Видимо, в ходе исследований 1927 года культурная принадлежность этих слоёв так и не была выяснена и, возможно, потому О. Н. Бадер продолжил исследование городища и в 1928 году. В июне 1928 года О. Н. Бадеру был снова выдан открытый лист «на право производства археологических раскопок в пределах: 1) Вязниковского уезда...» [6, Л. 94].

Участие в Антропологической экспедиции приняли и музеи Владимирского края. Судя по планам Муромского музея на 1926 – 1927 годы, сотрудники его поставили себе задачу «принять участие в организуемом профессором Б. С. Жуковым комплексном обследовании Владимирской губернии, выделив сотрудника музея для работы в этнографическом отряде экспедиции, и с целью ознакомления с методами научного исследования и сбора материала, а также внести в экспедицию 150 руб. с тем, чтобы собранный материал, научно-обработанный, поступил в Муромский музей» [11, Л. 108 об. – 109]. В 1927 году совместно с Муромским музеем экспедицией было раскопано Кондраковское городище [15, с. 7].

Вязниковский музей также в 1927 году планировал «антропологическое изучение Вязниковского уезда совместно с экспедицией научно-исследовательского института 1-го Московского Государственного Университета» [11, Л. 120]. В отчёте за

1926 – 1927 годы отмечено, что «Музей совместно с Антропологической комплексной экспедицией 1-го Московского Государственного Университета провел две экспедиции: этнографическую и археологическую (палеоэтнологическую). Добытый материал от работ экспедиции поступил в Вязниковский музей» [11, Л. 216]. Совместная работа музея и Антропологической экспедиции была продолжена в 1928 – 1929 годы [7, Л. 36 об.]. О совместной работе Вязниковского музея и Антропологической экспедиции может свидетельствовать получение сотрудником музея К. М. Большаковым в июне 1928 года (почти одновременно вместе с О. Н. Бадером) открытого листа на производство археологических исследований в Вязниковском уезде Владимирской губернии [6, Л. 89]. Большаков принимал участие в раскопках Пирова – Городища и в 1927 году, судя по уже вышеназванному «Предварительному отчету о работах Антропологической комплексной экспедиции за 1927 год»: «Кроме того, в работах Экспедиции принимали участие: ... 3) Заведующий Вязниковским музеем – Большаков К. М. ...» [2, Л. 17]. К тому же участие заведующего Вязниковским музеем подтверждается и отчетом о работе Вязниковского отделения Владимирского окружного научно-краеведческого общества за 1928 – 1929 годы: «На общем собрании членов общества т. Бадер ставил доклад, член общества К. М. Большаков принимал участие в раскопках (Пирова – Городище)» [3, Л. 49].

Активную археологическую деятельность по исследованию городищ р.ж.в. проводили и сотрудники Суздальского музея, в частности А. Ф. Дубынин. Так, в отчете музея за 1925 год указано, что «26 августа состоялось общее собрание научного общества. Членом-сотрудником А. Ф. Дубыниным был прочитан доклад «Суздальский район в археологическом отношении», и 28 августа была организована разведочная экскурсия в села Васильки и Якиманское – расположенные на крутых берегах Нерли, где в 50-е годы. прошлого столетия проводились раскопки Уваровым. Были обследованы курганы, городища, в результате чего был получен интересный материал, по разработке которого в этих местах летом 26-го года могут быть произведены раскопки» [9, Л. 45]. Возможно, именно благодаря этому обследованию Якиманского городища и была составлена в 1925 году анкета этого археологического памятника Суздальского уезда. В анкете описан внешний вид городища: «1) В 7 – 8 верстах от г. Суздаля на юго-восток, на возвышенном правом берегу реки Нерли, существует с. Якиманское. От с. Барское – Городище река Нерль течет с севера на юг и у с. Якиманского делает под прямым углом поворот на восток. В этом месте в реку впадает небольшой ручеек, который примыкает ко дну весьма глубокого и широкого оврага. Спускаясь одной стороной крутым оврагом к реке, другой стороной – ко дну оврага, – стоит высокий и крутой холм, представляю-

ший отдельную возвышенность, которая отлично защищена рекой и оврагом. Стратиграфически этот холм господствует над окрестностью, окидывая на несколько верст течение реки вверх и вниз. Этот холм носит название «Городок». На площадке этого холма стоит каменная церковь, и кругом нее раскинуто небольшое кладбище» [8, Л. 276 – 276 об.].

Что касается культурно-временной принадлежности материала исследований Дубынина, то в годовом отчете Суздальского музея за 1926 – 1927 годы указывается, что при разведке была получена керамика дьякова типа [11, Л. 229]. Несмотря на то что раскопки предполагались в 1926 году, А. Ф. Дубынин «по независящим от Музея обстоятельствам» смог приступить к ним только летом 1927 года. Именно в этом году, судя по отчету, археолог снова обследовал с. Васильки. Повторное обследование села подтвердило результаты 1925 года. В с. Якиманском же «была сделана зачистка обнажений культурного слоя и путем заложения пробных шурфов была установлена мощность этого культурного слоя, и были собраны весьма интересные (довольно значительные по размеру) куски керамики Дьяковой культуры» [11, Л. 231].

Судя по отчёту Суздальского музея, материалы этих исследований были обработаны. Предполагалось составление археологической карты обследованного района, все снимки, как фото, так и топографические, а также дневники предполагалось отправить в археологическое отделение краеведческого отдела Музея. На основе этого материала планировалось обследование других частей Суздальского района и производство археологических раскопок в 1927 – 1928 годы. [11, Л. 233]. В частности, снова были предприняты раскопки Якиманского городища в 1928 году [6, Л. 115].

Таким образом, можно проследить преемственность традиций изучения р.ж.в. от возникновения интереса к подобным памятникам (50-е годы XIX века) через его развитие в начале XX столетия до 20-х годов XX столетия, когда в результате «чисток» и разгрома краеведческого движения археологическое изучение памятников Владимирской области прекратилось или сместилось в сторону архитектурной археологии (работы Н. Н. Воронина). Новый этап изучения памятников начнется в послевоенный период и будет принципиально иным.

Библиографические ссылки

1. Бадер О. Н. Археологические исследования в бассейне Оки, их последние результаты и некоторые вытекающие проблемы // Памятники истории и культуры / Всерос. отд-е ; сост. В. М. Маслов. Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1983. Вып. 2. С. 3 – 14.

2. ГАВО. Ф. Р – 1103. Оп. 1. Д. 29.
3. ГАВО. Ф. Р – 1103. Оп. 1. Д. 37.
4. ГАВО. Ф. Р – 1826. Оп. 1. Д. 1.
5. ГАВО. Ф. Р – 1826. Оп. 1. Д. 121.
6. ГАВО. Ф. Р – 1826. Оп. 1. Д. 160.
7. ГАВО. Ф. Р – 1826. Оп. 1. Д. 188.
8. ГАВО. Ф. Р – 1826. Оп. 1. Д. 38.
9. ГАВО. Ф. Р – 1826. Оп. 1. Д. 57.
10. ГАВО. Ф. Р – 1826. Оп. 1. Д. 8.
11. ГАВО. Ф. Р – 1826. Оп. 1. Д. 94.
12. Добрынкин Н. Г. Указания о некоторых местностях с народными о них представлениями в Меленковском уезде (археологическая заметка) // Владимирские губернские ведомости. Часть неофиц. 1868. 6 апр. С. 1 – 2.
13. Иванов А. И. Музейное дело во Владимирской губернии за время революции // Труды Владимирского государственного областного музея. Вып. 2. Материалы по изучению Владимирской губернии. Владимир : Призыв, 1926. [Электронный ресурс]. URL: http://84.53.202.21:8081/biblioteka/b/bk/01smw/01_07vts/b000000606/FB/index.html#11/z (дата обращения: 10.10.2016).
14. Кренке Н. А., Ершов И. Н. Городище Васильково на реке Нерль // Российская археология. 2016. № 1. С. 37 – 50.
15. Материалы по изучению Владимирской губернии. Владимир : Типография № 1 Владгубполиграфтреста, 1928. С. 7.
16. Мошенина Н. Н. Обзор археологического изучения Владимирского края // Владимирскому музею 125 лет. – Владимир, 1981. С. 94.
17. Седов В. В. Археологическое изучение Владимирской области // Памятники истории и культуры / Всерос. отд-е ; сост. В. М. Маслов. Ярославль : Верх.-Волж. кн. изд-во, 1976. Вып. 2. С. 122 – 142.
18. Седова М. В. Ярополч Залесский / отв. ред. А. В. Куза ; Ин-т археологии АН СССР. М. : Наука, 1978. 160 с.
19. Селезнёв Ф. Я. Археологические исследования в окрестности Муромы // Труды Владимирского государственного областного музея. Вып. 2. Материалы по изучению Владимирской губернии. Владимир : Призыв, 1926. [Электронный ресурс]. URL: http://84.53.202.21:8081/biblioteka/b/bk/02jxb/02_08wmpn%20/b000001776/FB/index.html#46/z (дата обращения: 10.10.2016).
20. Соколов Н. М., Попов П. И. Заметки о современном состоянии дюнных стоянок в долине реки Клязьмы в окрестностях гор. Вязников Владимирской губернии // ТВУАК. Кн. 17. Владимир : Типография Губернского Правления, 1917. С. 1(3) – 21(23).
21. Тихонравов К. Н. Городища во Владимирской губернии // Владимирские губернские ведомости. Часть неофиц. Вып. 19. Владимир, 1855. С. 149 – 152.

22. Уваров А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам. М. : Синодальная тип., 1872. 217 с.

23. Формозов А. А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. 2-е изд., доп. М. : Знак, 2006. 344 с.

24. Формозов А. А. Муромские исследователи каменного века // Российская археология. 2001. № 2. С. 144 – 149.

25. Щеглов И. Л. Следы доисторического человека в Меленковском уезде Владимирской губернии // ТВУАК. Кн. 3. Владимир : Типо-Литография Губернского Правления, 1901. С. 13(16) – 24(27).

T. O. Galkin, T. S. Daryina

HISTORY OF THE PALEOMETALL PERIOD STUDIES IN VLADIMIR REGION (EARLY IRON AGE)

Part 1. The 19th century – the 1920s.

The article deals with the history of research of the monuments of the Early Iron Age in Vladimir region from the moment of the first steps in investigations (mid-19th century) up to the 1920s.

Keywords: Dyakovskaya culture, Gorodetsckaya culture, local history, Early Iron Age.

УДК 94(47).08(470.314)

Д. А. Макеев

У ИСТОКОВ РАЗВИТИЯ ВЛАДИМИРСКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО КРАЕВЕДЕНИЯ

В настоящей статье отмечены вопросы зарождения владимирского исторического краеведения, отражено участие в этом длительном процессе церковной интеллигенции – представителей духовной семинарии Владимира, старейшего учебного заведения России.

Ключевые слова: Владимир, духовная семинария, воспитанники, преподаватели, историческое краеведение.

Становление владимирского исторического краеведения по праву можно связать с появлением и деятельностью духовной семинарии – старейшего учебного заведения города Владимира. Семинария, учрежденная в 1750 году, имела статус среднего духовного учебного заведения, задачей которого была подготовка священнослужителей для пра-

вославной церкви и для духовно-нравственного воспитания и просвещения населения. Краткий исторический обзор деятельности Владимирской духовной семинарии с 1750 – 1918 годы представлен в небольшой книге протоиерея Георгия Горбачука, ректора Владимирской Свято-Феофановской духовной семинарии [1]. Появление одной из первых на Руси духовной семинарии во Владимиро-Суздальском крае не стало случайностью. Именно здесь веками крепились православная вера, морально-эстетические и культурные идеалы русского народа, отразившиеся в литературе и зодчестве древних лет. Так, в суздальских литературных памятниках были представлены «характеры стойких духом, чистых душой подвижников, посвятивших свои жизни служению людям, общему благу. Они дополняли народный идеал богатыря – защитника рубежей Русской земли, выработанный народной эпической поэзией» [2].

С образованием в 1796 году Владимирской губернии наметилось оживление культурно-просветительской жизни Владимиро-Суздальского края. В губернском центре открылось народное училище, ставшее главным для уездных народных училищ и школ. В 1804 году во Владимире была учреждена губернская мужская гимназия. К началу XIX века возрос престиж духовной семинарии в общественно-культурной жизни губернии. Училищная реформа 1808 – 1814 годов усовершенствовала образовательные программы духовных учеб-

ных заведений. Значительно была усилена естественно-образовательная и гуманитарная подготовка семинаристов, что позволяло им после окончания семинарии поступить на учёбу в высшие учебные заведения. Введение широкого перечня общеобразовательных гуманитарных дисциплин (языков, истории, философии, биологии, математики), а также наличие профессиональных богословских предметов способствовало росту качества семинарского образования. Семинаристы начинали приобретать научные навыки, что стимулировало развитие их творческих способностей. По признанию И. В. Макаровой, преподаватели духовной семинарии «на собственном примере воспитывали в них личностные качества духовно-нравственного порядка», доказывался высокий уровень «искусности» и педагогического мастерства преподавателей средних духовных учебных заведений [3]. Их выпускники становились высококвалифицированными священнослужительскими и преподавательскими кадрами. Владимирская духовная семинария стала центром формирования церковной интеллигенции. Многие из семинаристов связывали свою жизнедеятельность с общественно-государственной службой, культурой, наукой, литературой, журналистикой и народным просвещением.

Владимирский историк-краевед, библиограф А. В. Смирнов в ряде очерков представил «целую вереницу полезных деятелей на общественном поприще», воспитанных

Владимирской духовной семинарией за время своего существования [4]. Наиболее именитым воспитанником Владимирской духовной семинарии был Михаил Михайлович Сперанский (1772 – 1871). В числе лучших учеников он был направлен для завершения обучения в столичную Александро-Невскую духовную семинарию, которую окончил в 1791 году с дипломом магистра богословия. Дальнейшая жизнедеятельность М. М. Сперанского была связана с гражданской службой и, в частности, с Министерством внутренних дел Российской империи. Вскоре он приобрел известность выдающегося государственного деятеля, стал первым крупным российским реформатором, основателем юридической школы в России. М. М. Сперанский сохранил память об учёбе и времени, проведённом в стенах Владимирской духовной семинарии.

Среди воспитанников духовной семинарии Владимира были известные русские учёные. Одним из них был Тимофей Федорович Осиповский (1765 – 1832), известный математик, профессор Императорского Харьковского университета [5]. С именем Т. Ф. Осиповского связано становление российской математической научной школы. Не менее именитым учёным стал выпускник Владимирской духовной семинарии Вукол Михайлович Ундольский (1815 – 1864). Высшее образование он получил в Московской духовной академии. В семинарские годы В. М. Ундольский увлекся древнерусской

письменностью и историей. За время работы в Главном архиве Министерства иностранных дел России он приобрел опыт собирательства древних письменных документов и старинных печатных книг, стал глубоким знатком славяно-русских рукописей. Заслугой его стало спасение для науки ценных историко-культурных памятников древнерусской письменности. Среди спасенных им русских реликтов были рукописи и владимиросуздальского происхождения, среди них: «Сказание о князьях Владимирских», «Жития» Ефросинии, Евфимия и Иоанна Суздальских. В. М. Ундольский занимался не только собирательством письменных памятников русской старины, но и исследованием древних рукописей и старинных книг [6]. С именем В. М. Ундольского было связано становление отечественного источниковедения – важной отрасли исторической науки.

К числу известных выпускников Владимирской духовной семинарии принадлежит литературовед, критик, профессор, академик АН СССР Павел Иванович Лебедев-Полянский (1882 – 1948). За время обучения в семинарии ему пришлось познать бесправие и бедность семинарского быта, в 1895 году он стал свидетелем бунта семинаристов. В семинарские годы Павел Лебедев зачитывался сочинениями прогрессивных русских писателей, в нелегальной библиотеке семинарии знакомился с отдельными работами К. Маркса, Ф. Энгельса, К. Каутского и Ф. Лассаля; он отметился пропаган-

дой социалистических идей среди семинаристов, гимназистов и рабочих города Владимира. После окончания семинарии Лебедев поступил на медицинский факультет Императорского Юрьевского (Дерптского) университета. Здесь он присоединился к социал-демократическому движению и за революционно-пропагандистскую деятельность 10 февраля 1904 года был исключён из университета, до суда был выслан под гласный надзор во Владимир. С 1908 по 1917 годы он находился в эмиграции, становится активным деятелем большевистской партии. В советские времена П. И. Лебедев-Полянский входил в состав Коллегии Народного комиссариата просвещения РСФСР, был главным редактором ряда журналов, исполнял ответственные государственные поручения. Некоторое время он являлся профессором Первого Московского государственного университета. Широкую известность среди научной общественности получили его многие литературоведческие исследования, литературно-критические статьи и очерки. Увлечённость творчеством революционно-демократических писателей и публицистов у П. И. Лебедева-Полянского зародилась в годы учебы во Владимирской духовной семинарии [7].

Воспитанником Владимирской духовной семинарии был Иван Гурьевич Руфанов (1884 – 1964), известный учёный-медик, хирург. После окончания духовной семинарии в 1905 году он поступил на медицин-

ский факультет Московского университета, который окончил в 1911 году. С началом Первой мировой войны ушел добровольцем в армию в качестве хирурга. В 1918 – 1923 годы служил в Красной Армии. После Гражданской войны участвовал в организации Первого Московского медицинского института, стал доктором медицинских наук, заслуженным деятелем науки, академиком АМН СССР.

Среди воспитанников духовной семинарии Владимира выделился Сергей Александрович Красовский (1894 – 1971). Во время учёбы он увлечённо пел в семинарском хоре, проявив красивый бас и певческие способности. После окончания семинарии учился пению во Владимирской музыкальной школе, затем в Московской консерватории. С. А. Красовский становится оперным певцом, солистом Большого театра, заслуженным артистом РСФСР [8].

Многие сведения о выпускниках Владимирской духовной семинарии, внесших заметный вклад в развитие культуры и науки России, содержатся в многотомной «Православной энциклопедии», Биографическом словаре Брокгауза и Эфрона, биобиблиографическом словаре «Владимирская энциклопедия» (Владимир, 2002). В кандидатской диссертации С. В. Авериной отмечены краеведческие поиски во Владимире в XIX веке, дана характеристика деятельности Владимирского губернского статистического комитета (ВГСК) по историко-археологическому и этногра-

фическому изучению Владимирской губернии. Особое внимание уделено деятельности Владимирской учёной архивной комиссии (ВУАК) как центра по исследованию историко-культурного наследия Владимирского края. Диссертация С. В. Авериной является обстоятельным исследованием, в котором отмечены вопросы зарождения исторического краеведения во Владимирской губернии во второй трети XIX – начале XX века, в ней отмечено участие духовенства и разночинной интеллигенции в историко-археологическом изучении Владимирского края [9].

Доцент Владимирского государственного университета Л. В. Кириллова в статье о зарождении владимирского краеведения в XIX – начале XX века отметила, что начало его развития было связано с именем Александра Ивановича Герцена, отбывавшего в 1838 – 1840 годах ссылку в этом городе. В 1839 году А. И. Герцен был приглашён на должность редактора неофициальной части газеты «Владимирских губернских ведомостей». При его участии в газете стали появляться краеведческие заметки и статьи об истории Владимира, Суздаля, Шуи и других городов губернии, описания их древнейших архитектурных памятников. Были опубликованы и другие краеведческие материалы, в том числе очерки о публичной библиотеке Владимира, развитии ремесла и промышленности в Вязниках. Службой в качестве редактора неофициальной части газеты «Владимирские губернские ведомости», как утвер-

ждает Л. В. Кириллова, А. И. Герцен заложил основы традиций местного краеведения, продолженные Я. Е. Протопоповым и К. Н. Тихонравовым. Значительным был их вклад в историко-археологическое изучение Владимирского края [10]. В учебном пособии кандидата исторических наук Н. В. Мягтиной также признается за А. И. Герценом роль основоположника владимирского краеведения, при его участии во «Владимирских губернских ведомостях» подготавливались к публикации краеведческие исследования [11].

Историк-краевед В. М. Маслов, признавая роль Герцена в привлечении внимания владимирской общественности к краеведческим проблемам, отмечал, что настоящее развитие и наблюдение за состоянием и успехами историко-археологического изучения краеведами Владимирского края началось при участии В. И. Доброхотова и К. Н. Тихонравова [12]. В то же время следует признать, что изучение владимирской старины и историко-культурного наследия края стало проявляться с конца XVIII – начала XIX века. Распространение знаний о прошлом Владимиро-Суздальской земли было связано с просветительской и историко-поисковой деятельностью преподавателей и воспитанников Владимирской духовной семинарии. Некоторые из них стали участниками к становлению владимирского краеведения. В настоящей статье предпринята попытка отразить участие представителей и воспитанников Владимирской духовной семи-

нарии в становлении владимирского исторического краеведения. Хронологически статья охватывает период от рубежа эпохи просвещённого абсолютизма (XVIII века) и начала XIX столетия до закрытия духовной семинарии в августе 1918 года.

Исследователи справедливо отмечают, что становление краеведения как самостоятельного направления в изучении истории и культуры Владимиро-Суздальского края было связано с деятельностью газеты «Владимирские губернские ведомости», учреждённой в 1837 году. В начальные годы деятельности газеты А. И. Герцен, являясь редактором её неофициальных «Прибавлений», помещал на газетных страницах собственные сочинения об истории местного края, о его памятниках. Но вряд ли можно причислить его к основоположникам владимирского краеведения. В этом может убедить книга «Былое и думы», в целой главе которой А. И. Герцен отразил свою жизнь и деятельность во Владимире в годы ссылки.

Краеведческие тенденции проявились с начала XIX века, во многом они были связаны с культурно-образовательной деятельностью Владимирской духовной семинарии. Педагоги семинарии проявляли интерес к археологии и историко-культурному наследию Владимиро-Суздальского края, а также к различным сторонам общественно-культурной жизни губернии. К числу первых организаторов историко-археологического изучения Древней Руси относился Яков Егоро-

вич Протопопов (1815 – 1881), уроженец Суздаля. В годы учебы во Владимирской духовной семинарии он увлекся историей и культурой Владимиро-Суздальской земли. После окончания семинарии Протопопов становится чиновником канцелярии губернатора, сдружился с А. И. Герценым, а с середины 1839 года становится его помощником в редактировании материалов для публикации на страницах «Прибавлений к Владимирским губернским ведомостям». При его непосредственном участии появлялись статьи и заметки, отражавшие различные стороны культурной, хозяйственной и прочих сторон жизни губернии. Им подготавливались к печати в газете очерки по истории и археологии края. Я. Е. Протопопов по праву относится к «первым местным исследователям», привлёкшим к краеведению и других деятелей (В. И. Доброхотова, К. Н. Тихонравова, В. А. Барина), ставших его учениками и последователями [13]. В 1843 году с поступлением на службу корректором в типографию Московского университета Я. Е. Протопопов переехал из Владимира в Москву. Связи с губернской газетой он не прерывал, продолжая направлять в редакцию свои статьи и заметки, комментарии к краеведческим публикациям, поддерживал переписку с краеведами Владимира.

После ухода Протопопова из «Владимирских губернских ведомостей» на некоторое время краеведческое направление газеты было ослаблено и оживилось в 1849 году с при-

ходом нового редактора Василия Ивановича Доброхотова, историка и археолога. Окончив в 1834 году Владимирскую духовную семинарию, он поступил на гражданскую службу. Доброхотов проявил усидчивость в исследовании истории и археологии Владимирского края. Он стал автором двух книг: «Памятники древности во Владимире Клязьминском. Соборы: Успенский и бывший придворным в. к. Всеволода» (М., 1849) и «Древний Боголюбов-город и монастырь с его окрестностями» (М., 1852). Первая книга Доброхотова привлекла внимание известного историка М. И. Погодина, откликнувшегося на неё рецензией в журнале «Москвитянин» (1849, № 18). На вторую книгу откликнулся критическим отзывом К. Н. Тихонравов, знаток владимирской старины, в том же журнале (1853, № 11). 26 сентября 1854 года по состоянию здоровья Доброхотову пришлось оставить пост редактора [14].

В 1863 году редакцию «Ведомостей» возглавил историк, археолог и краевед Константин Никитич Тихонравов (1822 – 1879). Он был выпускником Владимирской духовной семинарии, с его именем связано восстановление и развитие традиций предшественников в сфере краеведческого исследования Владимиро-Суздальского края. В 1862 году под редакцией К. Н. Тихонравова вышла в свет первая «Памятная книжка Владимирской губернии». На протяжении четверти века Тихонравов являлся редактором «Владимирских гу-

бернских ведомостей» (1863 – 1879), с 1865 года и до последних дней жизни сотрудничал с газетой «Владимирские епархиальные ведомости». Он стал автором более 700 очерков, статей и заметок по статистике, истории, археологии и этнографии Владимиро-Суздальской земли. Длительное время К. Н. Тихонравов работал секретарем губернского статистического комитета, принял участие в организации изданий его «Трудов» и «Ежегодника». При Тихонравове газета «Владимирские губернские ведомости» превратилась в одно из лучших периодических изданий России, в которых печатались археологические и этнографические исследования и неизданные ранее исторические документы. К. Н. Тихонравов состоял членом Российского географического общества, Московского общества истории и древностей российских, Петербургского археологического общества. Основным трудом К. Н. Тихонравова стала книга, изданная в 1880 году после его смерти, «Древности Суздальско-Владимирской области, сохранившиеся в пределах Владимирской губернии. Век XI». По его инициативе в 1854 году во Владимире был основан Губернский историко-краеведческий музей, вначале располагавшийся в здании Владимирской мужской гимназии. Благодаря К. Н. Тихонравову и его сподвижникам город Владимир в 50 – 70-е годы XIX века стал «одним из центров отечественного краеведения» [15]. С именами К. Н. Тихонравова, Я. Е. Протопопова, В. И. Добро-

хотова в первую очередь было связано становление владимирского исторического краеведения. Большое внимание первые владимирские краеведы уделили описанию городов и достопримечательностей губернии, древних памятников русского зодчества, археологических находок, истории строительства и реставрации церковных объектов (соборов, монастырей, приходов и т. п.) Владимирской епархии. Ими освещались и наиболее значимые события в церковной и светской жизни населения губернии, отмечались особенности быта крестьянства и состояния крестьянских хозяйств в XIX веке.

К числу известных краеведов, работы которых не утратили значения для краеведов и в наши дни, относится писатель-историк, воспитанник Владимирской духовной семинарии Ксенофонт Федорович Надеждин (1840 – 1890). Он родился 18 января 1840 года в семье протоиерея Владимирского кафедрального собора, преподавателя духовных учебных заведений губернского центра. После окончания семинарии в 1859 году К. Ф. Надеждин обучался в Санкт-Петербургской духовной академии, которую окончил в 1863 году с ученой степенью кандидата. С января 1864 года он стал профессором Владимирской духовной семинарии, преподавал философию и гражданскую историю России, кропотливо занимался сбором материалов по истории духовной семинарии Владимира. Публикации К. Ф. Надеждина во «Владимирских епархиальных ведо-

мостях», основанные на изучении обширного круга оригинальных материалов, привлекли внимание многих специалистов и читающей общественности. Наиболее значительным его трудом стала книга «История Владимирской духовной семинарии с 1750 года по 1840 год» (Владимир на Клязьме, 1875), ее издание было приурочено к 125-летию духовной семинарии. Автором с большими подробностями была отражена повседневная жизнь и организация учёбы семинаристов, отмечены наиболее значимые события в более чем вековом развитии Владимирской духовной семинарии. О преподавательской и краеведческой деятельности К. Ф. Надеждина представлен интересный материал в биобиблиографическом очерке владимирского библиографа А. В. Смирнова [16].

Известным историком-краеведом был профессор Владимирской духовной семинарии Неофит Владимирович Малицкий (1871 – 1935), уроженец Волынской губернии, воспитанник Волынской духовной семинарии. Высшее духовное образование он получил в Петербургской духовной академии, затем окончил Петербургский археологический институт. Во Владимирской семинарии Малицкий служил с 1896 года, здесь он преподавал гражданскую историю. Во время преподавательской службы в семинарии Н. В. Малицкий увлекся историей и культурой Владимиро-Суздальского края. Он стал автором многих церковно-исторических исследований, в том числе трех

сборников очерков под общим названием «Из прошлого Владимирской епархии», содержащих материалы о развитии духовного образования на Владимиро-Суздальской земле, статьи и заметки с описанием многих монастырей и пустынь. Значительный интерес представили два выпуска его «Истории Владимирской духовной семинарии», изданных в 1900 и 1902 годах. Первый выпуск охватывает 1750 – 1814, второй выпуск – 1814 – 1869 годы. Третий выпуск «Истории» Малицкого, изданный в 1903 году, содержит списки выпускников духовной семинарии с 1750 по 1900 годы. Наряду с упомянутой выше книгой Надеждина работы Малицкого представляют основательный очерк по истории Владимирской духовной семинарии с года ее основания до рубежа XIX и XX столетий, дают представление о состоянии учебного процесса в духовной семинарии, жизни семинаристов, просветительской и профессиональной деятельности преподавателей семинарии. Немало статей религиозно-краеведческого характера К. Ф. Надеждина и Н. Ф. Малицкого было опубликовано на страницах газеты «Владимирские епархиальные ведомости», издававшейся с 1865 года. По утверждению Н. В. Мягиной, эта газета стала «ценным историческим источником по истории церковного краеведения и истории Владимирской епархии, дающим возможность всесторонне оценить различные стороны церковно-общественной жизни второй половины XIX – начала XX века» [17]. На страницах

газеты публиковались материалы религиозного характера, освещалась также деятельность Владимирской духовной семинарии.

Незаурядной личностью оказался выпускник Владимирской духовной семинарии Василий Гаврилович Добронравов (1861 – 1919), деятельность которого была связана с краеведением. После учебы в семинарии он закончил церковно-историческое отделение Санкт-Петербургской духовной академии, в 1888 году возвратился в родную семинарию, преподавателем которой состоял по 1916 год. Преподавательскую работу он сочетал со службой в светских организациях на общественных началах. В 1894 – 1902 годах Добронравов являлся делопроизводителем Владимирского отделения Императорского православного Палестинского общества. С 1902 года В. Г. Добронравов стал епархиальным наблюдателем за церковно-приходскими школами губернии. С учреждением в 1898 году ВУАК В. Г. Добронравов становится её членом, погружается в изучение истории и культуры Владимирского края, становится автором ряда краеведческих исследований. Наиболее значительными из них стали: «Историко-статистическое описание приходов и церковей Владимирской епархии с 1884 по 1909 год», «Исторический очерк церковных школ Владимирской епархии с 1884 по 1909 год», «Владимирская губерния в историко-археологическом отношении». Все эти работы были изданы в конце XIX и начале XX века во Владимире. В

1913 году им была опубликована книга «Суздаль и его достопримечательности». Особой вехой в деятельности Добронравова стало руководство Владимирским губернским историческим музеем в 1907 – 1918 годах. Специальное двухэтажное здание для музея было построено в 1900 – 1906 годы по планам архитектора В. Г. Бергена в псевдорусском стиле на средства меценатов. 17 июня 1907 года музей был открыт для посещения населением в новом здании и на новом месте, где располагается и в наши дни [18].

Определенный интерес для краеведов представляют заметки и статьи Николая Ивановича Сперанского, помещенные на страницах «Владимирских губернских ведомостей». Н. И. Сперанский после окончания четвертого курса семинарии Владимира поступил на учебу в Демидовский лицей города Ярославля, который окончил в 1884 году со степенью кандидата права. Недолго служил в Министерстве юстиции, на судебной должности в Сибири, затем вернулся во Владимир на место судебного следователя. Здесь он сотрудничал с «Владимирскими губернскими ведомостями». На страницах газеты нередко появлялись его краеведческие статьи, в которых отражалась бытовая сторона крестьянской жизни, как юрист иногда он в них касался вопросов правового порядка. Н. И. Сперанский был особо увлечён историей древнерусской литературы, поэтому в его публикациях отражались вопросы о развитии ли-

тературы в условиях дробления Русского государства. Интерес Сперанского к русской культуре и филологии впервые проявился в годы учёбы во Владимирской духовной семинарии. В книге «История древней русской литературы» (М., 1914) им было отмечено возникновение на северо-востоке политических и отчасти литературных центров: Суздаль, Ростов, Владимир на Клязьме, Рязань, позднее и Москва [19].

В трудах духовного писателя, воспитанника Киевской духовной академии, профессора Владимирской духовной семинарии в 80 – 90-х годах XIX века Василия Марковича Березина отразились проблемы состояния духовной культуры Владимирского края. Наиболее значимым трудом В. М. Березина стало 5-томное «Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии», созданное в соавторстве с В. Г. Добронравовым. Этот труд отразил многие вопросы о хозяйственной деятельности церковных приходов Владимирской губернии в XIX веке.

К числу первых попыток анализа состояния и развития народного образования во Владимирской губернии в XVIII – XIX веках относится книга владимирского краеведа Василия Васильевича Касаткина [20]. Им было отмечено, что учащиеся духовной семинарии относились к наиболее грамотной части городского населения. Образовательный уровень среднего семинариста и среднего гимназиста был примерно одинако-

вым. Многие выпускники духовной семинарии, связывавшие свою судьбу со светской жизнедеятельностью, становились школьными учителями, литераторами, газетными и другими служащими, пополняя ряды местной интеллигенции.

Владимирский краевед Андрей Торопов отметил особые достижения Владимирской духовной семинарии в развитии церковно-лингвистических традиций. С первых лет существования в духовной семинарии сложился высокий уровень преподавания древних языков [21]. Первые филологические опыты семинаристов поддерживались преподавателями семинарии, лучшие их сочинения помещались в «Семинарском вестнике». Это были сочинения на темы богословия, философии, истории и филологии. Среди них были стихи, басни, сатирические и публицистические заметки, короткие повести, рассказы. После семинарии некоторые выпускники, решившие связать свою жизнь со светской деятельностью, становились публицистами, краеведами и деятелями музейного и архивного дела. Другие поступали учиться на историко-филологические отделения высших учебных заведений. Так, Иван Владимирович Цветаев (1847 – 1913), глубоко увлекаясь изучением латыни и древнегреческого языка в семинарские годы, после окончания духовной семинарии Владимира пытался учиться на медика, но по состоянию здоровья ему пришлось отказаться от этой цели и перевестись с медицинского факультета на классическое от-

деление Императорского университета Санкт-Петербурга, которое успешно закончил. Со временем он становится крупным искусствоведом, историком, специалистом в изучении античности. С 1889 года И. В. Цветаев становится профессором кафедры истории и теории искусств Московского университета, в 1904 году он был избран членом-корреспондентом Императорской Академии наук. В 1912 году по инициативе И. В. Цветаева в Москве был создан Музей изящных искусств.

С конца XIX века в обществе России ощущалось приближение глубоких перемен во многих сферах жизни и деятельности населения, большинство людей оказалось в состоянии растерянности, проявляло недовольство своим материальным состоянием. При росте бесправия и нищеты людей труда в стране участились массовые протесты, множились бунтари, нередкими становились отказы духовных семинаристов от церковных санов. Специалист в области изучения истории духовного образования в России Т. Г. Леонтьева отметила, что за оскорбления и унижения семинаристы воздавали своим наставникам «сторицей, а некоторых преподавателей ненавидели лютой ненавистью... Конформизм, ханжество и лицемерие пропитывали семинарскую среду, Взаимная нелюбовь пастырей и их чад накапливалась годами» [22]. Подобные процессы не обошли и Владимирскую семинарию, о чем свидетельствуют воспоминания Митрополита Евлогия (Георгиевско-

го). 16 августа 1895 года, после стихийного бунта семинаристов иеромонах Евлогий (Василий Семенович Георгиевский) прибыл во Владимир с инспекторской проверкой духовной семинарии. Ему предстояло выяснить причины волнений семинаристов и убедиться в обоснованности отчисления 75 человек (в семинарии обучалось 500 человек). Многие из отчисленных семинаристов имели весьма отдаленное отношение к бунту. После инспектирования о. Евлогий (Георгиевский) был назначен главным наставником Владимирской духовной семинарии. Будущий митрополит обратил внимание на увлеченность семинаристов атеистическими и даже социалистическими идеями. В качестве причин роста таких настроений, по его мнению, стало бесправие и нищета семинаристов, устаревшие законы, определявшие порядки в семинариях и их зависимость от светских властей, а также «допотопная» мебель и вся материальная база духовной семинарии. Вспоминая о службе в духовной семинарии Владимира, Митрополит Евлогий писал: «Придешь, бывало, на молитву, в огромном зале стоят человек триста-четыреста, и знаешь, что 1/2 или 1/3 ничего общего с семинарией не имеют: ни интереса, ни симпатии к духовному призванию. Поют хором молитвы, а мне слышится, поют не с религиозным настроением, а со злым чувством; если бы могли, разнесли бы всю семинарию» [23]. Попытки изменить устоявшуюся систему и нормы отношений между

семинаристами и их преподавателями, освободить учебно-воспитательный процесс в семинарии от консерватизма порождали недовольство семинарского начальства и верхов Владимирской епархии, заботившихся о сохранении контроля над семинарским образованием.

Духовные семинарии не были изолированными от общества. Молодые люди, обучавшиеся в них, стремились осмыслить жизнь простого народа, реагировали на общественно-политические события в стране, некоторые из них становились активными безбожниками, примыкали к народофильскому движению. В 1880 году во Владимире возник нелегальный кружок, который организовал «подпольную» библиотеку, составленную из произведений прогрессивных русских писателей Н. Г. Чернышевского, Н. А. Добролюбова, А. И. Герцена, Д. И. Писарева, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. А. Некрасова, Г. И. Успенского, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и др. Познание смысла жизни населения страны семинаристы увязывали с проблемами и перспективами своей жизнедеятельности. Некоторые из них не допускались к церковной службе, так как оказались причастными к нелегальным и бунтарским организациям. Нигилизм и склонность к террору проявлялись среди семинаристов во многом не только под влиянием неудовлетворенности, жестокостей, бесправия их положения в семинарии, но и откликались на перемены и важнейшие события,

происходившие в стране. В революционные дни 1905 – 1906 годов среди владимирских семинаристов произошли волнения; они приняли участие во всеобщей политической стачке 1905 года, а в марте следующего года устроили демонстрацию, протестуя против казни лейтенанта Шмидта. Для усмирения семинаристов была вызвана полиция, пять человек арестовано [24]. Некоторые из семинаристов покидали духовную семинарию, примыкали к революционному движению. Заметной активностью отличился семинарист Дмитрий Николаевич Семёновский (1894 – 1960). Обучаясь в семинарии, он проявил склонность к поэзии, и первые его стихи появились летом и осенью 1912 года в газете «Старый владимирец» («На пашне», «Рабы города», «Микула»). Художественными достоинствами стихи начинавшего поэта особо не отличались, но их содержание свидетельствовало о его неравнодушии к интересам людей труда и увлеченности народной лирикой русского поэта Н. Некрасова. В конце 1912 года поэт-семинарист становится одним из организаторов и участников ученической забастовки. За причастность к организации забастовки Семёновский был исключен из духовной семинарии с так называемым «волчьим билетом», без права поступления в какое-либо другое учебное заведение России [25].

Схожей оказалась судьба семинариста Николая Николаевича Колоколова (1897 – 1933), сподвижника Дмитрия Семёновского. Учась во

Владимирской духовной семинарии, он опубликовал первые стихи и рассказы в газетах «Владимирский листок», «Старый владимирец». Н. Н. Колоколов, вместе с Дм. Семёновским, был исключен из семинарии как один из зачинщиков ученической забастовки [26]. В 1913 и 1914 годах Семёновский и Колоколов успели издать во Владимире две части маленькой книжечки под названием «Сребролунный орнамент». После духовной семинарии оба начинавших поэта перебрались в Москву, где с помощью Максима Горького стали слушателями Народного университета Шанявского.

Исследователь древнерусского и традиционного церковного искусства Василий Тимофеевич Георгиевский (1861 – 1923) также был воспитанником Владимирской духовной семинарии. После ее окончания в 1881 году он продолжил духовное образование на церковно-историческом отделении Киевской духовной академии. Затем Георгиевский стал преподавателем Владимирского женского епархиального училища, а с основанием ВУАК принял активное участие в ее деятельности по изучению истории, изучению и систематизации знаний по истории Владимирского края. В. Т. Георгиевский проявил незаурядные способности архивиста и краеведа; им было составлено описание церковно-исторических памятников городов Владимира, Суздаля, Вязников. Среди его трудов выделялись книги: «Город Владимир на Клязьме и его достопримечательности» (Владимир, 1896), «Каталог старопе-

чатных книг церковно-исторического древнехранилища при братстве Святого благоверного Великого Князя Александра Невского» (Вязники, 1898). Его книга «Древнерусское шитье в ризнице Троице-Сергиевой лавры» (М., 1914) оказалась одной из первых обобщающих работ о древнерусском народном искусстве. С 1918 года В.Т. Георгиевский состоял в составе Комиссии по сохранению и раскрытию древней живописи в России при Музейной коллегии Народного комиссариата просвещения РСФСР, принимал участие в расчистке фресок XII века в Дмитровском соборе и фресок начала XV века в Успенском соборе во Владимире. За производство этих работ он получил грамоту Святейшего Патриарха Тихона и благословение на работы и осмотр чудотворной иконы Боголюбской Божией Матери и Церкви Боголюбова монастыря [27]. По признанию В. М. Маслова, владимирский краевед Н. Н. Ушаков в 1913 году в книге «Спутник по древнему Владимиру и городам Владимирской губернии» предпринял попытку представить обобщенное описание археологического изучения Владимира, Боголюбова, Суздаля, их памятников и достопримечательностей [28].

Особо следует отметить вклад в становление владимирского краеведения историка русской литературы, библиографа и писателя, общественного деятеля Александра Васильевича Смирнова (1854 – 1918), воспитанника Владимирской духовной семинарии. После окончания семинарии А. В. Смирнов обучался в уни-

верситетах Варшавы (1874 – 1876) и Москвы (1876 – 1881). Получил высшее медицинское образование. Во время учёбы в Москве Смирнов познакомился с русским историком Василием Осиповичем Ключевским, это знакомство пробудило в нём интерес к историко-литературным и библиографическим поискам. Возвратившись в 1882 году на родину, А. В. Смирнов долгое время работал губернском санитарным врачом, медицинскую практику сочетал с общественной деятельностью, сотрудничал с газетой «Владимирские губернские ведомости». На страницах газеты с 1886 по 1918 годы им было опубликовано около двухсот статей и заметок краеведческого характера. Значительную ценность стали представлять его библиографические очерки о владимирцах, изданные в пяти томах под названием «Уроженцы и деятели Владимирской губернии, получившие известность на различных поприщах общественной пользы» (Владимир, 1896 – 1919). Не меньший интерес имели его три выпуска под названием «Портретная галерея уроженцев и деятелей Владимирской губернии» (Владимир, 1900 – 1914), а также сборник «Материалы для истории Владимирской губернии», включающий около шестисот пятидесяти уникальных документов по истории края. Интересные сведения содержат опубликованные им ежегодные отчеты о деятельности ВГУАК, в них отражены вопросы общественно-политической жизни населения губернии в конце XIX – начале XX века [29].

К работе в области краевой библиографии в составе Владимирской учёной архивной комиссии А. В. Смирнов привлек Ивана Филипповича Масанова (1874 – 1945), ставшего известным библиографом, историком-краеведом. А. В. Смирнов совместно с И. Ф. Масановым опубликовали «Указатель содержания неофициальной части "Владимирских губернских ведомостей"» с 1838 по 1900 годы включительно и «Владимирских епархиальных ведомостей» с 1865 по 1900 годы включительно» (Владимир, 1902). В этом издании отразился период становления владимирского исторического краеведения, а также представлена тематика первых владимирских краеведов, среди которых немало было представителей духовной интеллигенции Владимира.

Следует признать, что у истоков владимирского краеведения находились преподаватели и воспитанники духовной семинарии Владимира. Их труды были посвящены в основном проблемам богословия и состояния церковной жизни губернии, в то же время в них отразился ряд вопросов исследования владимирских древностей и историко-культурных памятников, затрагивались некоторые аспекты мирской общественной и культурной жизни губернии. Следует признать, что воспитанниками духовной семинарии был придан значительный импульс зарождению исторического краеведения Владимира.

Библиографические ссылки

1. Протоиерей Георгий Горбачук. Очерк истории Владимирской духовной семинарии. Владимир, 2012.
2. Овчинников Г. Ничиная с летописцев. По литературным вехам и местам // Владимир. Литературно-художественный и краеведческий сборник. Владимир, 1995. С. 176.
3. Макарова И. В. Деятельность преподавателей духовных семинарий Владимирской, Костромской и Ярославской губерний (60-е годы XVIII – первая четверть XIX в.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2005. С. 20.
4. Смирнов А. В. Уроженцы и деятели Владимирской губернии, получившие известность на различных поприщах общественной пользы // Материалы для биобиблиографического словаря. Вып. 5-й. Владимир, 1917. С. 75.
5. Макеев Д. А. Тимофей Федорович Осиповский: биографические страницы жизни и деятельности русского ученого и просветителя // Форум городов России : материалы науч.-практ. конф. Владимир, 2008. С. 102 – 112.
6. Макеев Д. А. Вукол Михайлович Ундольский: у истоков собирательства древнерусских памятников // II Форум городов России : материалы науч.-практ. конф. Владимир, 2010. С. 78 – 81.

7. Макеев Д. А. Владимирские эпизоды в жизни и деятельности учёного и публициста П. И. Лебедева-Полянского // Вестник Владимирского государственного педагогического института. 2006. № 13. С. 129 – 130.
8. Красовский Сергей Александрович // Орехово-Зуевская энциклопедия : биограф. слов. Орехово-Зуево, 2004. С. 154 – 155.
9. Аверина С. В. Развитие краеведческих исследований во Владимирской губернии во второй трети XIX – начале XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Иваново, 2010. С. 20 – 21.
10. Кириллова Л. В. Становление и развитие владимирского краеведения в XIX – начале XX века [Электронный ресурс]. URL: <http://www.rusnauka.com> (дата обращения: 21.10.2016).
11. Мягтина Н. В. Историческое краеведение : учеб. пособие. Владимир, 2013. С. 27 – 28.
12. Маслов В. М. Археологическое изучение Владимира и Боголюбова с 30-х годов XIX века до настоящего времени // Памятники истории и культуры. Вып. 2. Ярославль, 1983. С. 15 – 18.
13. Кутузов А. Исторические корни «Владимирских ведомостей» уходят в XIX век [Электронный ресурс]. URL: <http://marktreview.net> (дата обращения: 08.01.2016) ; Протопопов Яков Егорович, редактор газеты «Владимирские губернские ведомости» [Электронный ресурс]. URL: <http://lubovbezust.ru> (дата обращения: 08.01.2016).
14. Василий Иванович Доброхотов, историк, редактор «Владимирских губернских ведомостей» [Электронный ресурс]. URL: <http://lubovbezusl.ru> (дата обращения: 09.01.2016).
15. Кутузов А. Указ. соч. ; Тихонравов Константин Никитич [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 21.10.2016).
16. Смирнов А. В. Уроженцы и деятели Владимирской губернии, получившие известность на различных поприщах общественной пользы // Материалы для биобиблиографического словаря. Вып. 4-й. Владимир, 1910. С. 51 – 70.
17. Мягтина Н. В. Указ. соч. С. 18.
18. Аксенова А. И. Хроника жизни «Музея-скитальца» // Живая история. Памятники и музеи Владимиро-Суздальского историко-архитектурного и художественного музея-заповедника. М., 2000. С. 48.
19. См.: Колобанов В. А. Владимиро-суздальские литературные памятники XIV – XVI вв. : учеб. пособие. М., 1982. С. 24.
20. Касаткин В. В. Исторический очерк народного образования в городе Владимире и его области. Владимир, 1901 ; Касаткин В. В. Мои ученические годы во Владимире. Воспоминания // Днесь светло красуется. Владимир в старой открытке. Владимир, 1995. С. 116.
21. Торопов А. Не только в букве, но и в духе // Годова гора. Литературно-художественный и краеведческий сборник. Вып. 3. Владимир, 2003. С. 151 – 153.

22. Леонтьева Т. Г. Православная культура и семинарский быт (конец XIX – начало XX в.) // Отечественная история. 2001. № 3. С. 173 – 174.
23. Евлогий (Георгиевский), митрополит. Путь моей жизни. М., 1974. С. 81 ; Владимир в воспоминаниях митрополита Евлогия (Георгиевского) // Литературно-художественный и краеведческий сборник. Кн. 13. Владимир, 2000. С. 106 – 108.
24. Владимирская духовная семинария [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.wiki2.org> (дата обращения: 10.01.2016).
25. Дм. Семёновский и поэты его круга. Л., 1989. С. 7, 54.
26. Там же. С. 320.
27. Вздорнов Г. И. Георгиевский Василий Тимофеевич // Православная энциклопедия. Т. X. М., 2005. С. 654 – 655.
28. Маслов В. М. Указ. соч. С. 19 – 20.
29. Александр Васильевич Смирнов, биография [Электронный ресурс]. URL: <http://www.people.ru> (20.12.2016) ; История и культура Владимирского края [Электронный ресурс]. URL: <http://knowledge.allbest.ru> (дата обращения: 11.01.2016) ; Тельчаров А. Д. Александр Васильевич Смирнов – к истории культурной жизни русской провинции конца XIX – начала XX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1976.

D. A. Makeev

THE ORIGINS OF VLADIMIR LOCAL HISTORY STUDIES

The article analyzes the origins of Vladimir local history studies. The author pays special attention to the participation of the church intelligentsia – faculty members of the theological seminary of Vladimir – in this process.

Keywords: Vladimir, theological seminary, students, faculty, local history studies.

УДК 94(47).084.9(470.314)

Г. С. Егорова, М. Д. Ломоносов

«ВОСПИТЫВАЕМ УБЕЖДЕННЫХ АТЕИСТОВ»: РЕАЛИЗАЦИЯ ПРОГРАММЫ АНТИРЕЛИГИОЗНОГО ВОСПИТАНИЯ В ШКОЛАХ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ ПРИ Н. С. ХРУЩЁВЕ

В статье ставится задача изучить особенности реализации программы атеистического воспитания в школах Владимирской области при Н. С. Хрущеве. На основе материалов региональной периодической печати и методических пособий Владимирской области были проанализированы методика

проведения мероприятий атеистического воспитания, их характер, границы легальности, а также особенности доказательной базы.

Ключевые слова: антирелигиозная кампания Н. С. Хрущева, атеистическое воспитание в школе, Владимирская область, русская православная церковь.

В многострадальной истории взаимоотношений государства и церкви в XX веке период хрущевских гонений долгое время был обойден вниманием историков. Последние два десятилетия были отмечены выходом крупных работ, в сферу научного анализа которых попали такие аспекты данного периода, как государственно-церковные отношения [33], история церковного инакомыслия [2, 32], проблемы церковного ренегатства [26, 29] и др. Однако перед историками все еще стоит задача написания полной истории церкви, которая невозможна без использования методологии социальной истории, «ставящей на первый план рядового человека и его поведение в нечеловеческих условиях социальных трансформаций XX века» [1].

Обращение к поведению человека в истории обусловлено и особенностями антицерковной кампании Н. С. Хрущева, целью которой было институциональное уничтожение церкви не с помощью физического устранения адептов веры, сноса памятников и искоренения памяти о церкви как атавизме «империалистической эпохи» [33], а посредством изменения мировоззрения советских людей через распространение атеистической пропаганды и ряда запретительных мер преимущественно экономического харак-

тера. Официальная политическая доктрина того времени имела целью построение в СССР коммунистического общества в ближайшие десятилетия, что исключало религию как элемент духовной жизни. Идеологов партии, выдвинувших лозунг опережающего развития СССР по пути строительства коммунизма, не устраивала медленная трансформация общественного сознания, в котором православие занимало особое место. «По их мнению, религия тормозила научный и общественный прогресс, отвлекала людей от трудового процесса» [7, с. 120].

Опасения властей по поводу «религиозного ренессанса» имели основание: страна, проснувшись от партийно-идеологической «спячки», обратилась к поискам духовности. Статистика показывает увеличение численности служащих священников и действующих приходов: в 1954 году в стране насчитывалось 13 422 прихода и 11 912 священнослужителей, в 1955 году соответственно – 13 463 и 11 993, в 1956 г. – 13 477 и 12 185 [29, с. 38; 5]. М. В. Шкаровский отмечает также возрождение духовного образования: осенью 1956 года по сравнению с 1951 удвоилось число абитуриентов. Количество учащихся дневного отделения увеличилось до 1094 человек, а заочного превысило 400 [32, с. 357].

Среди прочих мер идеологической дискредитации РПЦ (травля в прессе, выступления ренегатов, общественное порицание верующих) приоритетное значение придавалось распространению антирелигиозных взглядов у подрастающего поколения.

Традиционно, историю наступления на церковь специалисты начинают с конца 1950-х годов, так как к 1958 году относятся первые крупномасштабные антицерковные меры экономического характера. Однако еще 24 июля 1954 года передовица «Правды» отмечала, что «важнейшую роль в воспитании подрастающего поколения <...> в духе <...> коммунистической идеологии призвана играть наша школа» [13, с. 86]. В статье акцентировалось, что «органы народного образования, учителя, комсомольские организации нередко проходят мимо фактов, когда детям прививаются религиозные предрасудки», подчеркивалась необходимость «весь процесс обучения и воспитания в школе <...> вести с позиций материалистического миропонимания явлений природы и общества», а также с помощью «растущей сети клубов, домов и дворцов культуры, изб-читален и других культурно-просветительских учреждений» [13, с. 86 – 87].

8 мая 1958 года отдел пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам в записке «О недостатках научно-атеистической пропаганды» призывал вернуться к политической линии в отношении церкви, которую задавало Постановление от

7 июля 1954 года «О недостатках научно-атеистической пропаганды и мерах ее усиления» [32, с. 462].

Формальным триггером начала наступления на церковь стала записка зав. отделом писем А. Шмакова «Информация о письмах граждан по религиозным вопросам», поданная на имя председателя Президиума Верховного Совета К. Е. Ворошилова, с которой были ознакомлены все члены и кандидаты в члены Президиума ЦК. В документе констатировался всплеск религиозной активности населения: ходатайства об открытии и регистрации церквей, а также самовольная организация религиозных общин приобрели массовый характер, что свидетельствовало об ослаблении атеистической пропаганды и т. п. Все поступившие материалы были использованы отделом пропаганды и агитации ЦК по союзным республикам для подготовки докладной записки о необходимости усиления антирелигиозной работы. 19 апреля 1958 года ее представили секретарю ЦК Е. А. Фурцевой, курировавшей церковные проблемы.

Масла в огонь добавило и письмо секретарю ЦК М. А. Суслову корреспондентки «Литературной газеты» В. Шапошниковой о повсеместном наступлении Церкви, после ознакомления с которым было созвано совещание ответственных работников отделов пропаганды, науки, школ и вузов, культуры ЦК КПСС, Госполитиздата, ЦК ВЛКСМ и т. д. На совещании обсуждались вопросы реализации антирелигиозного Постанов-

ления ЦК КПСС от 7 июля 1954 года, в том числе издание массового научно-популярного журнала «Наука и религия», звучала критика деятельности Совета по делам РПЦ.

Важнейшим звеном начала атаки на религию было также Постановление ЦК КПСС от 4 октября 1958 года «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам ”О недостатках научно-атеистической пропаганды”». В нем всем партийным, общественным организациям и государственным органам предписывалось развернуть наступление на «религиозные пережитки» советских людей [32].

В вопросах антирелигиозного воспитания у советской школы с начала 1920-х годов накопился значительный опыт. Светский характер образования в СССР был закреплён ещё Декретом СНК РСФСР от 23 января 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» и первой советской Конституцией 1918 года. Согласно Программе РКП (б), принятой на VIII партсъезде в 1919 году, школа должна была стать «орудием коммунистического перерождения общества» [16, с. 205]. В основе школьной политики Наркомпроса в 1920-х годах лежал принцип, который разделяли многие представители советской педагогики: религия при социализме исчезнет быстрее, если о ней перестанут говорить. С окончанием нэпа завершился и период безрелигиозного воспитания в школе. В эпоху «великого перелома» дух «религиозного нэпа» сменился полити-

зацией советской системы народного образования. Широкое хождение имели методические пособия по атеистическому воспитанию [19]. Умеренные позиции по вопросам безрелигиозного воспитания разделяли Н. К. Крупская [14], А. В. Луначарский [15], рупором «левых» стал главный воинствующий безбожник СССР – Е. Ярославский, призывавший увязать атеистическую «работу со всей общеобразовательной и культурно-просветительной работой» [11, 16].

Реализация программы атеистического воспитания представляет одно из белых пятен истории антицерковных «хрущевских» гонений, хотя в последнее время данная проблематика активно изучается на региональном уровне [12, 17, 28, 34]. Реконструкция картины работы с молодежью данного периода представляет определенные трудности с поиском источников. Эго-документы в большинстве своем обходят этот вопрос стороной. Материалы «устной истории» в рамках данной проблематики также малоинформативны, так как бывшие участники-объекты воспитательного процесса в силу особенностей детского восприятия не смогли запомнить учебный процесс детально.

Основой источниковой базы стали материалы периодической печати Владимирской области, а также методические пособия и сборники, содержащие опыт работы школ на территории региона. Советская пресса являла собой централизованный механизм донесения до населения

политической и общественной информации. Эффективность воздействия на читателей достигалась массовостью, однородностью информационных потоков, отсутствием альтернативного мнения, т.е. в условиях информационного вакуума любое массовое сообщение прессы воспринималось некритично. Статьи, восхваляющие успешный опыт воспитания будущих атеистов, регулярно появлялись на страницах местной прессы, что свидетельствует о важности реализации этой программы для власти. Информация печатных СМИ области является одной из самых полных источников по данному вопросу, так как наиболее удачные мероприятия широко освещались и позиционировались как передовые и требующие заимствования и внедрения в практику.

В данной работе мы обратим внимание на методику проведения мероприятий атеистического воспитания, их характер, границы легальности, а также особенности доказательной базы.

Региональная пресса подхватила инициативу центральных партийных органов, широко освещая кампанию по насаждению атеизма и светских обрядов взамен церковных. В периодической печати того времени стало типичным утверждение о том, что «очень важно сформировать у учащихся научно-атеистическое мировоззрение» [8], «атеистическое воспитание является важнейшей частью идеологической работы партии, первостепенной задачей всех организаций и учреждений» [6].

Материалы прессы рассматриваемого периода показывают, что атеистическая работа в школе шла по двум основным направлениям: вкрапление элементов научно-атеистического мировоззрения в содержание отдельных учебных предметов и внеклассные формы работы. В последней можно выделить клубы юных атеистов, практиковавших лекционные формы работы и беседы, атеистические часы вопросов и ответов, выпуск стенгазет и др. Оба направления были подчинены главной задаче: «используя программный материал, изо дня в день убеждать школьников в несовместимости науки и религии» [21].

Основной формой атеистического воспитания было формирование исключительно материалистического мировоззрения на уроках гуманитарных и естественно-научных дисциплин. В статье «За твердые убеждения» отмечается успешный опыт учителей начальных классов школы № 17 города Владимира, которые «при проведении экскурсий в сад и огород показывают учащимся поврежденные листья и отдельные растения. Дети сами находят «виновников»: гусениц, бабочек, и с помощью учителей приходят к выводу, что не «ангел-хранитель» помогает сохранить растения, а правильный уход, труд человека» [5]. Учительница школы № 8 города Муром «тов. Молодкина при изучении темы "Бактерии" на уроке биологии провела с учащимися беседы о вреде религиозных обрядов как источников заразных болезней» [8].

Автор статьи «Мир школьника светел и прекрасен» с удовлетворением отмечал, что в начальной школе № 6 города Муром «С большим интересом для детей прошли пионерские сборы: ”О приметах ложных и приметах верных”, ”Знание создает науку, а невежество – веру в бога”, а также о том, что «в младших классах проводятся инсценировки сказок, басен, рассказов, <...> которые помогают детям раскрыть ложь и обман религиозных суеверий» [27, с. 28].

Для лучшей наглядности и эффективности учителями применялись различные опыты, развенчивающие те или иные церковные чудеса. Учитель физики Собинской средней школы Михаил Владимирович Наумов неоднократно выступал перед учащимися старших классов с лекциями, «опровергающими учения нового и старого заветов православной церкви и пропагандирующими наши научно-технические открытия» [3]. Деятельность предметных кружков по естественно-научным дисциплинам представляла широкие возможности для антирелигиозного воспитания: «в школе № 4 гор. Вязники кружковцы – юные химики – провели вечер: ”Химия опровергает религию» [27, с. 29]. В ходе антирелигиозного вечера в с. Никулино Муромского района учительницей средней школы № 12 по химии К. В. Виноградовой было объяснено происхождение «благодатного огня» путем того, что «палочка, смоченная марганцовкой в смеси с серной кислотой, самовозгорается и зажигает спиртовку. Аналогично

«самовозгорались» в церкви свечи, заранее смоченные фосфором, затем «самовозгорание» жертвенников – на примере мелких деревянных щепок, заранее пересыпанных марганцевокислым калием, с добавлением туда капли глицерина, а также «чудо освящения воды», поскольку ее брали зимой в холод, клали туда серебряный крест, и под воздействием низкой температуры и растворившихся в ней доз серебра мелкие бактерии гибли [20].

Директор ШРМ № 2 города Вязники Т. Ф. Краснова, рассказывая о содержании своей работы, упоминает о прогулках в лес по окончании учебного года или осенью в 6 – 7 классах, являвших «не только отдых, но и своего рода экзамен по биологии для учащихся», в ходе которых в непринужденной беседе «учитель <...> останавливает внимание именно на тех сторонах вопроса, где необходимо подчеркнуть правильность материалистического взгляда на жизнь» [10, с. 29]. Особую роль в воспитании автор отводит школьному лекторию, где «особым успехом пользуются лекции ”Чудесные явления природы и их объяснения”, <...> ”Религия – враг науки”, ”Происхождение религии”, ”В мире новых вещей”, <...>, ”О межпланетных путешествиях”». Регулярно проводились вечера вопросов и ответов в рамках работы кружка. Среди рассматриваемых тем были: «Религия – враг науки», «Суеверия и их происхождение», «Существует ли судьба» [10, с. 29 – 30]. На одном из таких вечеров

читались отрывки из художественных произведений, например, «Гроза» А. Н. Островского, «Ночь перед рождеством» и «Сорочинская ярмарка» Н. В. Гоголя и др. В заключение автор приводит статистику: «за 1959 г. разработано 22 темы лекций. Проведено более 100 бесед».

Учительница биологии Будевической школы Курловского района О. П. Кочеткова отмечала, что «очень наглядно разоблачают религиозные взгляды на неизменяемость растительных организмов опыты, когда дети сами прививают на картофель помидоры, на вишню – рябину и т. д.» [4, с. 74]. Кроме опытов в школе также проводились антирелигиозные беседы и вечера на темы: «Первые космонавты Юрий Гагарин и Герман Титов», «Знание создает науку, а невежество – веру», «От примет – только вред», «Существует ли загробная жизнь?», «История огня». В пособии приведено содержание вечера на тему «Наука и религия», включавшего демонстрацию опытов, доклады колхозников и деятелей науки, а также художественную самодеятельность [4, с. 74].

Учительница средней школы № 14 города Владимира М. Т. Владимирова позаимствовала методическую разработку О. П. Кочетковой, демонстрирующую естественную причину появления множества вредителей на овощных культурах. Обратив внимание детей на громадный урон садам и огородам от вредителей (речь шла о капустнице), М. Т. Владимирова сделала акцент на том, что

«до революции попы учили, что это наказание божье, что единственное спасение от вредителей – молебен с окроплением садов и огородов «святой водой» [4, с. 78]. Далее М. Т. Владимирова говорит о том, что «при разработке темы "Предупреждение инфекционных заболеваний" детям было рассказано о том, как <...> с эпидемиями, свирепствовавшими в России, церковь боролась запрещала, называя их наказанием божьим, посланным народу за грехи» [4, с. 78].

Информация об этом уроке была включена в отчет секретаря парторганизации вышеуказанной школы А. П. Пирамидиной. В отчете есть и другие примеры атеистической пропаганды в рамках уроков и внеклассных мероприятий. В частности, «учительница Соколова Е. М., проходя с учащимися тему "Славянский поселок", сумела ярко и убедительно раскрыть социальные корни религиозных верований у древних славян, показать, что источником их является страх человека перед стихийными силами природы», в результате чего «...человек придумал богов – мнимых "покровителей"» [4, с. 76 – 77]. Учительница географии В. М. Евмененко «знакомит учащихся с наивными представлениями древних людей о божественном происхождении земли, показывает, как люди постепенно пришли к убеждению, что земля имеет форму шара» [4, с. 77]. О примитивности доказательной базы «учителей-материалистов» свидетельствуют не менее наивные опровержения существования Бога, приводимые той же

учительницей: «она рассказала учащимся <...> об изучении людьми космического пространства, где никаких богов и ангелов не оказалось» [4, с. 77].

Атеистическая пропаганда велась и на уроках рисования: «преподаватель Субботин Б. М., <...> раскрывает отрицательное отношение художников XIX века к религии и служителям культа» [4, с. 78]. В качестве примеров приводятся картины В. Г. Перова «Чаепитие в Мытищах»: «Сколько сарказма вложено в эту картину! Церковники наживались за счет народа, пьянствовали, развратничали, пользовались всеми благами жизни, прикрываясь именем несуществующего бога» [4, с. 78 – 79] и И. Е. Репина «Крестный ход Курской губернии»: «учитель обращает внимание школьников <...> на тупое лицо священника, держащего крест, на самодовольное, заплывшее лицо протодьякона» [4, с. 79].

В отчете А. П. Пирамидиной приводится опыт организации внеклассной работы: «в школе был организован атеистический кружок (записалось 36 человек), который стал выпускать газету «Атеистический вестник», а члены этого кружка проводили беседы на следующие темы: «Что такое религия?», «Учит ли религия добру?», «О суеверии, приметах, гаданиях», «Искусство и религия» и др. Помимо кружка в школе имелся «лекторий для родителей, на котором выступали учителя с докладами и лекциями на научно-атеистические темы: «Непримиримость науки и ре-

лигии», «Марксизм-ленинизм о происхождении религии», «О вредности религиозных суеверий» и т. д. [4, с. 79].

Примером внеклассной работы может служить деятельность клуба юных атеистов Григорьевской 8-летней школы Гусь-Хрустального района, «работавших под девизом «Узнал сам – расскажи и докажи другим». Члены клуба оформили стенды «Наука и религия» и «Вокруг света», материалы которых рассказывают о происхождении религии, об ее отношении к науке, войнам, а также материалы о происхождении земли, о полетах в космос, о преобразовании природы советским человеком... Члены клуба проводят беседы с учащимися по атеизму, умело используя имеющуюся в школе выставку репродукций картин художников по этой теме; выпускают стенную газету «Юный атеист», проводят обзоры художественной литературы по этой тематике. С большим успехом прошли здесь вечера: «Чудеса без чудес», «Женщина и религия» и др. Объяснения «чудес» сопровождались демонстрацией опытов» [4].

Передовой опыт атеистической работы в данной школе упоминается и в другом издании. Высоко оценивается работа драмкружка, занятого постановкой пьесы «Надина болезнь», разоблачающей вред суеверий, и систематическое проведение бесед на атеистические темы: «Верные и лживые приметы», «Ложь религии», «Почему мы против религии», которые «сопровождаются демонстраци-

ей диафильмов и химических опытов, разоблачающих различные “чудеса религии”». Среди других форм внеклассной работы в статье указаны научно-атеистические викторины, в ходе которых «учителя показывают несостоятельность религиозных представлений о природе и в обществе, стараются убедить учеников в безграничных возможностях человека, вооруженного современной наукой» [31].

В рамках кампании борьбы с религией во Владимирской области как грибы после дождя появляются так называемые клубы юных атеистов. Рьяная деятельность некоторых из них получила особую похвалу: «Заслуживает внимания работа клуба юных атеистов в восьмилетней школе № 4 гор. Гороховца, общества «Юный атеист» в школе № 9 гор. Коврова, в школах № 14 и 9 гор. Владимира. Члены этих клубов и обществ под руководством учителей проводят беседы и доклады среди детей и верующих родителей, вечера вопросов и ответов, читательские конференции, выпускают стенные газеты, выпускают стенды на научно-атеистические темы» [27, с. 29 – 30].

Подробный отчет о комплексной работе с подрастающим поколением содержится в статье с характерным названием «Воспитываем убежденных атеистов» в газете «Муромский рабочий». Особого внимания заслуживает методика определения характера религиозности школьников. Для этого учителю необходимо сначала выяснить отношение каждо-

го учащегося к религии, состав и род занятий членов его семьи, от кого именно исходит религиозное влияние.

В этой статье мы снова видим пример антинаучных доводов против религии. В 4 классе школьникам рассказывали, как раньше церковники убеждали людей в том, что засуха посылалась в наказание людям за их грехи и «от засухи можно спастись молебном о “ниспослании дождя”». Прекрасно зная, что молитвы здесь не помогут, они «прибегали к достижениям науки – обзаводились барометрами» [21]. Соответственно как только барометры, утверждалось в статье, предвещали дождь, церковники и начинали молебны. Общеизвестно, что сведения об изобретении первого в мире барометра относятся к середине – второй половине XVII века, следовательно, барометр был недоступен в эпоху первого тысячелетия.

Сомнительный сюжет о полете на воздушном шаре рязанца Крякутного в 1731 году использовался для доказательства косности религиозного сознания и препятствий в развитии науки со стороны невежественных представителей церкви. После полета «пошли слухи, что Крякутной занимается с “нечистой силой”, с дьяволом, и смелого воздухоплавателя выгнали из города» [21].

Автором фальшивки о рязанском «воздухоплателе» Крякутном является Александр Иванович Сулакадзев, «известный своими многочисленными фальсификациями древнерусских текстов», как пишет В. Ф. Покровская

[22, с. 634]. Сам факт фальсификации был установлен за 7 лет до публикации данной работы, в результате чего рызанец превратился в немца, принявшего православие, о чем автор аргументированно излагает, полагая, что Сулакадзев пошел на это, «чтобы удивить своих современников сенсационным открытием» [22, с. 635]. Но для иллюстрации «невежества церковников» в данном случае доказательство было целиком притяннуто за уши, чтобы не сказать больше.

Использование сфальсифицированных доказательств на уроке свидетельствует либо о неосведомленности учителя, либо о низком качестве проводимой пропаганды.

Беседа с третьеклассниками о верных и ложных приметах, содержание которой приведено в статье газеты «Муромский рабочий», была направлена на борьбу с суевериями в сознании школьников. К ложным были отнесены следующие приметы: «Черная кошка перебежала дорогу – значит быть неудаче», «Встретить женщину с полными ведрами – значит быть удаче», «Держись за пуговицу – не спросят урок» и др. [21]. Отмечается, что ребята, основываясь на собственном опыте, доказали их нелепость.

В борьбе с религиозными пережитками на помощь учителю приходил и анализ художественных картин, в частности, уже упоминавшиеся работы В. Г. Перова «Чаепитие в Мытищах» и И. Е. Репина «Крестный ход в Курской губернии». О подоб-

ном опыте в 3в классе также рассказано на страницах «Муромского рабочего».

В вышедшем в феврале 1962 года методическом пособии А. Н. Мухина среди форм борьбы с религиозными предрассудками, применимых в школе, отмечены циклы лекций, «громкие читки научно-популярной и атеистической литературы, материалов по атеистической тематике из газет, журналов, особенно из журнала “Наука и религия”», а также групповые беседы и индивидуальная работа с верующими [18, с. 9].

Среди предлагаемых автором примерных тем вечеров «вопросов и ответов» учителя могли опираться на следующие (с прилагающимися планами и списками литературы): на уроках физики, химии, биологии – «Чудеса без чудес» [18, с.16], на уроках литературы и во внеклассной работе – «Искусство в борьбе с религией» [18, с. 18], при работе с родителями – «Помогает ли религия воспитывать детей» [18, с. 19], «Молодежь и религия» [18, с. 21].

Из циклов лекций, указанных А. Н. Мухиным, в работе учителя могли быть полезны следующие: «Борьба за полное преодоление религиозных предрассудков – составная часть коммунистического воспитания трудящихся» [18, с. 44], «Брак, семья и религия» [18, с. 45], «Женщина и религия», «Атеистическое воспитание детей в семье» [8, с. 46], «Атеистическое воспитание детей в школе» [18, с. 47], «Об атеистическом воспитании молодежи» [18, с. 48].

В конце пособия А. Н. Мухин прилагает рекомендательный список художественных (из 8 пунктов, к примеру, «Тучи над Борском», «Чудотворная», «Овод» и др.), естественно-научных и научно-атеистических кинофильмов (из 60 пунктов, например, «Сущность жизни», «Правда о мощах», «Как человек создал бога», «От тьмы к свету» и др.) [18, с. 61 – 62].

Показательный опыт «борьбы педагогов за отдельного человека» содержится в книге П. А. Савкина «Не в молитве радость». По сюжету, в художественное ремесленное училище поступают два брата-близнеца – Донакт и Геннадий Норкины, которые обнаруживают в себе религиозные предрассудки, сформированные под влиянием ортодоксального отца и бабушки. Их мастер – Александр Ильич и секретарь комитета комсомола по фамилии Российский с остальным педагогическим коллективом, в том числе самими учащимися, включаются в борьбу за освобождение братьев Норкиных от «религиозных пут». Вначале автор намечает стратегию борьбы: «План простой. Прежде всего, надо правильно использовать самое мощное и действенное оружие – пропаганду достижений науки и техники, <...> наш спорт» [24, с. 38].

Далее в качестве примера приводится противопоставление «блаженным отцам», ходившим босиком по снегу, закаленных физкультурников, плавающих по зимней Клязьме. Кроме того, «намечались <...> беседы и лекции об освоении космоса, экс-

курсии, опыты, тематические вечера» [24, с. 39].

Основным приемом в работе пропагандистов было всяческое проявление внимания и заботы к тем, кто находился в плену религиозных предрассудков, со стороны коллектива – ученического или рабочего. На это упирали все центральные и местные газеты, цитируя установки ведущих партийных идеологов или руководства страны. Акцент здесь ставился на терпеливом и последовательном разъяснении несостоятельности религиозного мировоззрения, противопоставлении советского образа жизни, изображавшегося светлым, жизнерадостным, динамичным, обычно тяжелой, безрадостной, затворнической церковной жизни.

Герои повести П. А. Савкина действуют вполне в духе этих установок, автор говорит о том, чем реально помогли комсомольцы братьям Норкиным: «Ребята, зная любовь Норкиных к рассуждениям об изобразительном искусстве, <...> нарочито завязывали беседы по теории рисования и живописи, потом неожиданно приглашали их посмотреть телевизионную передачу либо шли в кино» [24, с. 49]. Усилия коллектива вскоре дали свои результаты: «В учебных мастерских и классах Норкины занимались с большим интересом и прилежанием <...> в дневниках все больше стало появляться хороших и отличных оценок. Вечерами братьев можно было встретить в кабинете рисования» [24, с. 49].

Но оказанная помощь не ограничилась одними беседами: «Оба брата были включены в состав санитарной комиссии старостата. Они требовательно осматривали мастерские и классы, завели журнал санитарного состояния <...> Донакта Норкина избрали старостой кружка рисования и живописи. Он <...> готовил материалы для натюрмортов, находил из числа учащихся натурщиков» [24, с. 51]. Таким образом, братья были вовлечены в общественную деятельность училища и преодолели предрассудки.

Есть также в книге П. А. Савкина «пример от противного» – описание того, как не должна выглядеть работа с верующими. Такая модель поведения представлена фигурой инспектора, нагрянувшего в училище. По его мнению, Норкиных надо «гнать в шею из училища – и все будет в порядке» [24, с. 50].

На заверения оппонентов в лице мастера и председателя педсовета, что необходимо «перевоспитывая их в духе атеизма, не оскорбить человеческого достоинства, умело оградить от родительского произвола», инспектор настойчиво повторял, что «гнать их из училища – самая лучшая профилактика» [24, с. 51].

Подводя итог реализации программы антирелигиозного воспитания в школах Владимирской области при Н. С. Хрущёве, можно сделать следующие выводы. Основными направлениями атеистической работы были использование потенциала учебных дисциплин в рамках уроч-

ной деятельности и организация внеклассных мероприятий. При этом роль личностного фактора в процессе преподавания была высока: как успехи, так и недостатки атеистической пропаганды были связаны с уровнем профессионализма конкретного учителя. Учитель был рупором господствовавшей идеологии, заботясь, прежде всего о том, чтобы поведение учащихся, их образ мыслей соответствовали партийному канону, что приводило к определенной унификации мышления. Успех в воспитании юных атеистов во многом зависел от индивидуального подхода к ученику, определения источника религиозного влияния в семье, а также условий возникновения и развития религиозности школьников, что составляло обязанности каждого педагога. Среди самых распространенных методов развенчивания религиозных догматов в школе являлись различные наглядные физические или химические опыты, демонстрировавшиеся на уроках естественно-научного цикла. Доказательную базу атеистического воспитания отличал довольно низкий уровень: апелляция к несостоятельности пословиц, примет, церковных таинств и использование откровенных фальсификаций. Говоря о границах легальности, стоит заметить, что атеистическое воспитание, которое подчас проводилось с использованием оскорбительных эпитетов, мало соотносилось с требованием о недопущении оскорбления чувств верующих, прописанном в программе КПСС 1961 года: «Партия использует

средства идейного воздействия для воспитания людей в духе научно-материалистического миропонимания, для преодоления религиозных предрассудков, не допуская оскорбления чувств верующих» [23]. В целом атеистические мероприятия носили эпизодический характер, и, несмотря на попытки отдельных энтузиастов, система антирелигиозного воспитания так и не была создана. Материалы источников свидетельствуют о локальном опыте, который предполагал заимствование и экстраполирование на территории образовательных учреждений всей области.

В заключение заметим, что, несмотря на все усилия агитаторов-пропагандистов, уровень религиозности населения Владимирской области оставался высоким. Об этом свидетельствует статистика исполнения религиозных обрядов и посещаемости церковных служб. Согласно «Информационному сообщению о посещаемости пасхальных служб в

ряде церквей области» от 24 апреля 1957 г. уполномоченный Совета по делам РПЦ по Владимирской области И. И. Мирский указывал, что «в Успенском соборе г. Владимира молилось до 4 – 4,5 тыс. человек, в кладбищенской Князь-Владимирской церкви – до 1.200 человек, в г. Муроме – до 1.400 – 1.500 человек, г. Коврове – 2000 человек, г. Вязники – 1.500 – 1.750 чел.» [9, с. 84 – 86]. Что касается крещений, то «в 1959 г. было окрещено детей в общей сложности 11991, что составило 39 % от числа родившихся за год в целом по области» [9, с. 85]. На закате хрущевской эпохи «в 1964 г. в области было отмечено до 10 тыс. крещений (43 % от общего числа новорожденных), более 400 молодых людей венчалось в церкви. Было зарегистрировано 2320 захоронений по церковным правилам и 5140 заочных отпеваний, что в общей сложности составило 67 % к общему числу умерших» [9, с. 86].

Библиографические ссылки

1. Беглов А. Л. Церковная история в контексте социальной истории советского периода. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/390148.html> (дата обращения: 10.10.2016).
2. Беглов А. Церковное подполье в 1950 – 1980-е гг.: основные тенденции // Альфа и Омега. 2008. № 53 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravmir.ru/alfa-i-omega/issue/aio-issue-53> (дата обращения 10.10.2016).
3. Богословский В. Школа – проводник научного атеизма // Призыв. – 1963. 12 сент.
4. Боевые задачи школы (из опыта работы школ и школьных парторганизаций) / под ред. С. М. Бальчева. Владимир : Владим. книж. изд-во, 1962. 84 с.
5. Васильева О. Ю. Русская Православная Церковь. XX век / О. Ю. Васильева [и др.]. М. : Сретенский монастырь, 2015. 792 с.

6. Верховошин П. Единым фронтом // Призыв. 1964. 5 марта. № 55 (13491).
7. Гераськин Ю. В. Русская православная церковь, верующие, власть (конец 30-х – 70-е годы XX века) : монография / Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина. Рязань, 2007. 272 с.
8. Григорьева В. За твердые убеждения // Призыв. 1964. 26 сент., № 227 (13671).
9. Зин Н. В., Пухова Е. А., Тихонов А. К. Владимирская епархия в 1943 – 64 гг. : монография / Н. В. Зин, А. Е. Пухова, А. К. Тихонов. Владимир : Изд-во Владим. гос. ун-та, 2007. 128 с.
10. Из опыта работы школ рабочей молодежи Владимирской области : сб. ст. / под ред. С. М. Бальчева. Владимир, 1960.
11. Из стенограммы выступления Е. М. Ярославского о мерах по усилению антирелигиозной работы на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б). URL: http://www.hrono.ru/dokum/192_dok/19281210jaro.php (дата обращения: 10.10.2016).
12. Иошкин М. В., Нестерова А. А., Скребнева А. В. Советская молодежь периода «оттепели» в исследованиях XXI века // Альманах современной науки и образования. 2014. № 2 (81).
13. Коммунистическая партия и Советское правительство о религии и церкви : сб. ст. / сост. Т. С. Панфилова. М. : Госполитиздат, 1961. 112 с.
14. См., например: Крупская Н. К. Об антирелигиозном воспитании (1926); *Ее же*. Об антирелигиозном воспитании в школе (1928); *Ее же*. Антирелигиозное воспитание в школе при советской власти (1929) // Крупская Н. К. Педагогические сочинения : в 11 т. / под ред. Н. К. Гончарова [и др.]. М. : Академия пед. наук, 1957 – 1963. Т. 3. Обучение и воспитание в школе / [подгот. текста и примеч. Э. М. Цимхес]. М. : Академия пед. наук, 1959. 798 с.
15. См., например: Луначарский А. В. Об атеизме и религии : сб. ст., писем и других материалов / ред. А. Ф. Окулов, сост. Л. Р. Дунаевский, В. Д. Зельдович. М. : Мысль, 1972. 509 с. ; *Его же*. О воспитании и образовании. : сборник / под ред. А. М. Арсеньева [и др.]. М. : Педагогика, 1976. 640 с.
16. Лучшев Е. М. Антирелигиозная пропаганда в СССР: 1917 – 1941 гг. СПб., 2016. 354 с.
17. Макарова Д. Ю. Атеистическая пропаганда в СССР в 1954 – 64 гг. (на материалах Курской области) // Известия Саратовского университета. Сер. История. Международные отношения. 2013. Т. 13. Вып. № 3. С. 35.
18. Мухин А. Н. О формах и методах научно-атеистической пропаганды : метод. пособие. Владимир, 1962. 128 с.
19. См., например: Олещук Ф. Школа и воспитание активных атеистов. М. – Л. : Московский рабочий, 1928. 127 с.
20. Парфенов С. Чтобы раскрылись глаза (на атеистические темы) // Призыв. 1964. 19 янв.

21. Паршаченко П. Воспитываем убежденных атеистов // Муромский рабочий. 1964. 7 июня. № 69 (8225).
22. Покровская В. Ф. Еще об одной рукописи А. И. Сулакадзева (К вопросу о поправках в рукописных текстах). Труды отдела древнерусской литературы ИРЛИ АН СССР. Вып. 14, 1958.
23. Программа КПСС 1961 г. // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898 – 1988) / КПСС ; Ин-т Марксизма-Ленинизма при ЦК КПСС ; под общ. ред. А. Г. Егорова, К. М. Боголюбова. 9-е изд., доп. и испр. Т. 10 : 1961 – 1965. М., 1986. С. 170.
24. Савкин П. А. Не в молитве радость. Владимир : Владим. книж. изд-во, 1962. 66 с.
25. Сажин П. Д. Атеизм в теории и практике советской школы 1950-х – 60-х гг. (на примере Горьковской области) // Вестник ПСТГУ 1: Богословие. Философия. 2013. Вып. № 3 (47). С. 118.
26. Сазонов Д. Ренегатство в Церкви: подрыв устоев или очищение? К вопросу церковно-государственных отношений в 60-х гг. XX века. URL: http://www.bogoslov.ru/text/3802579.html#_ftn1 (дата обращения: 11.11.2016).
27. Свитлик В. Мир школьника светел и прекрасен // Блокнот агитатора. 1964. № 11.
28. Соколова М. И. Проблемы атеистического воспитания населения на рубеже 1950-х – 1960-х гг. (на примере Сталинградской (Волгоградской) области) // Известия Волгоградского университета. Т. 18. 2014. Вып. № 16 (143).
29. Федотов А. А. РПЦ в 1943 – 2000 гг.: внутрицерковная жизнь, взаимоотношения с государством и обществом. Иваново, 2005.
30. Фирсов С. Л. Апостасия. «Атеист Александр Осипов» и эпоха хрущевских гонений на Русскую Православную Церковь. СПб., 2005. 288 с.
31. Хашева Т. Беседы атеистов // Ленинское знамя. 1964. 8 мая. № 73 (6812).
32. Шкаровский М. В. Русская Православная Церковь в XX в. М., 2010. 480 с.
33. *Он же*. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939 – 1964 годах). М. : Крутицкое Патриаршее подворье, 2005. 400 с.
34. Шубкин В. М. Атеизация детей и молодежи, проводимая государственно-партийными органами на территории Оренбургской области в период хрущевских религиозных гонений в 1958 – 64 гг. // Сборник статей IV Международной научной конференции «Духовная жизнь российских региональных сообществ: история, традиции, современность». Казань, 2015. С. 205 – 211.

**"RAISING CONVINCED ATEHISTS":
IMPLEMENTATION OF THE ANTIRELIGIOUS SCHOOL EDUCATION
PROGRAM IN VLADIMIR REGION UNDER N. S. KHRUSHCHEV**

The article deals with the implementation of the atheistic school education program in Vladimir region under N.S. Khrushchev. Methods, peculiarities, evidence base and the boundaries of legality of the atheistic schooling were analyzed in the paper, based on the materials of the regional periodical press and teaching methods manuals of Vladimir region.

Keywords: N.S. Khrushchev's anti-religious campaign, atheistic education in school, Vladimir region, the Russian Orthodox Church.

**ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО
КАЗНА В ОБИХОДНОМ ЯЗЫКЕ МОСКОВСКОЙ РУСИ¹**

В статье рассматриваются особенности семантики и употребления существительного *казна* в памятниках русского языка XVI – XVII веков, отражающих обиходный язык времени. Анализ проводится для определения лексикографических приемов представления слова в историческом словаре.

Ключевые слова: семантика, функционирование, значение, оттенок значения, устойчивое словосочетание, семантический синкретизм.

В Санкт-Петербургском государственном университете на филологическом факультете, на базе межкафедрального словарного кабинета им. проф. Б. А. Ларина авторским коллективом составляется «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI – XVII вв.» (далее – СОРЯ). В настоящее время изданы шесть выпусков словаря, седьмой выпуск сдан в печать, идет работа над созданием восьмого выпуска. Под термином «обиходный язык» понимается язык конца XV-XVII вв., который использовался в ежедневном общении людей и нашел отражение в письменных памятниках, созданных на народно-разговорной основе: частной переписке, расспросных речах, официально-деловых и частных деловых документах, записях былин и исторических песен, пословицах, демократической сатире и зарождающейся публицистике, разговорни-

ках, составленных иностранцами. В СОРЯ получает детальное семантическое описание каждое слово и устойчивое выражение, отмечаются все оттенки значения, особенности употребления.

Язык Московской Руси XVI – XVII вв. отражает начальный период формирования национального русского языка. Основными языковыми процессами на лексико-фразеологическом уровне являются постепенный и последовательный распад семантического синкретизма и становление полисемии в лексике, конкуренция внутри лексико-семантических групп и синонимических рядов, равноправное функционирование гипонимов с постепенным выделением гиперонима; формирование фразеологической системы языка, во многих чертах уже близкой к современной.

Цель статьи – анализ особенностей семантики и функционирования

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда: грант № 14-04-0011а «Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI – XVII вв.».

существительного *казна*, одного из наиболее частотных слов в обиходном языке Московской Руси, для определения приемов его лексикографического описания.

Существительное *казна* в обиходном русском языке XVI – XVII вв. имеет несколько значений. Первичным следует признать значение ‘совокупность ценностей, имущества, документов, составляющих собственность государства, государя или церкви’. Например: «Вы же [Курбский] им воздаяние много за сие злодейство даровали есте нашею же землею и *казною*, называючи их ложно слугами» [8, с. 11]; «И твою великого государя *казну* в Пензе переписали и велели на Пензе быть и город и градских жителей ведать да твоего великого государя указу рейтарского строю стольника и полковника Степанова полку Зубова отъютанту Петру Гаврилову сыну Дурову» [6, с. 454].

Наиболее частотно использование существительного в этом значении: А) с определением, указывающим на собственника ценностей и имущества. Данное употребление актуализируется в ряде устойчивых сочетаний: *казна государева (государская, царская, царева)* – наиболее частотное из них, отражающее реалию времени – главного собственника ценностей, например: «И Иван сказал: “У нашего, господине, государя, царя и великого князя, Иван – человек приказной, печатник, да ему же приказана *государева казна* ведати с казначеем с Никитой Фуниковым”»

[12, с. 72]; «А на том дворѣ [на Казенном] *царская казна*: золотая, серебряная, сосуды и бархаты, и объяри, и отласы» [5, с. 59]. Ср. также такие сочетания, как *королевская казна*: «Велит де королевское величество ... из своей *королевской казны* заплатити вам здесь» [13, с. 270] и *святительская казна*: «На позолоту золота пошло 2 золотых, а серебро из ево [патриарха] *святительские казны*» [3, с. 37]; Б) с определением, указывающим на то, в чьем ведении находятся имущество, ценности: *домовая казна, казна церковная (монастырская), земская казна*; В) с определением, указывающим на состав ценностей: *золотая казна, серебряная казна, книгохранительная казна, крепостная казна*.

У существительного *казна* в рассматриваемом значении выделяются три оттенка: первый из них – ‘деньги’: «Ис Ышпанѣи пишут что в Немецкой земли война множится и при дворе накрепко думают что на весну на помочь вскоре послати тристо тысяч *казны*» [1, с. 33]. Для уточнения, что слово используется именно с оттенком значения ‘денежные средства’, употребляется очень частотное словосочетание *денежная казна*.

В обиходном языке XVI – XVII вв. используется деловая формула *делать что-либо (чьей-либо) казною* – ‘делать что-либо на какие-либо (чьи-либо) средства’: «И соемные люди уложили збират пошлину с уголья и тою пошпиною много казны зберетца а *дѣлат тою казною карабли* и спо-

доблят которыми караблями морских разбоиниковъ сократит» [2, с. 20].

Вторым семантическим оттенком, связанным с предыдущим и реализующим первое значение существительного, является оттенок 'деньги, собранные в качестве налога для государственной казны': «Вели, государь, об том грабеже и разоренье свой праведной и милостивой указ учинить, чтоб нам, сиротам твоим, в том грабеже и в разоренье... в недоборной казне и досталь не погинуть» [6, с. 359]. С данным оттенком значения существительное выступает с определением, указывающим на учреждения, с которых собраны деньги для государственной казны – *таможенная казна* и *кабацкая казна*.

В качестве третьего оттенка значения выступает оттенок 'всякого рода имущество, запасы, припасы', например: «Столповые приказшики; чинь ихъ таковъ: приказано имъ смотреть, по человѣку, сѣделную, санную, корѣтную, колымажную казну, и принимать и роздавать овесъ и сѣно, и надсматривать лошадей, и погодно посылаются они, по перемѣнамъ, по приказомъ въ города и въ села, на конские площадки» [5, с. 67].

Словосочетаниями, реализующими данный оттенок значения, являются те, что употребляются с определением, указывающим на различного вида ткани и изделия из них: *полотенная казна*, *ризная казна*, *белая казна*; с определением, указывающим на меха, сданные в государственную казну: *кунная казна*, *соболиная казна*;

с определением, указывающим на разного рода оружие и боеприпасы: *железная казна*, *казна оружейная*, *казна зелейная*, *казна пороховая*, *казна пушечная*.

Вторым значением существительного *казна* является значение 'учреждение, ведающее средствами, составляющими собственность государя': «И им дано государева жалованья за сеунчь у казны: Левонтью Литвинову чарка – рубль шесть алтын четыре денги...; Офонасью Беззубцеву чарка – рубль шесть алтын четыре денги» [4, с. 24]; «А сказывает он, подьячеи Прокофеи Протопоповъ, что де за тот мои товар денегъ ис твоеи, великого гсдря, казны ис Посолского приказу и по се число не выдано, и в тѣхъ денгах за тот взятой товар манит мнѣ со дни на ден» [7, с. 96]. Устойчивое сочетание *Приказ Большой казны* именовало 'правительственное учреждение в России XVII в., ведавшее государственной промышленностью и сбором государственных доходов'.

Третьим, последним значением существительного является 'помещение для хранения предметов, материалов, припасов; кладовая; склад': «В другой казне ...9 самопалов, да 50 ядер железных сносных, да векша железная... да 4 сверлики железных затинных» [14, с. 89]. Словосочетание *городовая казна* имеет значение 'городская кладовая, склад', а *большая казна* обозначало реалию времени – 'кладовую, где хранились принадлежащие царям и государству деньги, вещи, имущество'.

При исследовании особенностей семантики и функционирования существительного *казна* в памятниках обиходного языка XVI – XVII вв. следует учитывать, что отмеченные значения не всегда выступают в контекстах картотеки СОРЯ в «чистом» виде. В ряде случаев существительное сохраняет семантический синкретизм, актуализируя при употреблении одновременно два значения. Например, одновременно могут быть реализованы значения ‘совокупность ценностей, имущества, документов, составляющих собственность государства, государя или церкви’ и ‘помещение для хранения подобных ценностей’: «И кабала на Ваську и отпускная взяты в *казну* и отданы Емельяну Куколеву» [3, с. 165]. Существительное может одновременно вербализовывать также значения ‘совокупность ценностей, имущества, документов, составляющих собственность государства, государя или церкви’ и ‘учреждение, ведающее средствами, составляющими собственность государя’: «В прошлом, государь, году приезжал я, иноземец... и, купя те товары в Ерославле, в таможни объявил и пошлины по указу в твою, великого государя, *казну* сполна заплатил» [9, с. 309].

Как отмечается в инструкции к СОРЯ, «в задачи семантического описания входит выделение значений слова и их частных реализаций – оттенков значения, установление соотношения значений и оттенков в пределах семантической структуры слова, показ характерных употреблений,

указание на отношение данного слова (значения) к другим словам (значениям). При этом используются утвердившиеся в современной лексикографии приемы показа семантики слова» [11, с. 47]. Но в инструкции также говорится о том, что «в некоторых случаях в обиходном языке XVI – XVII вв. лексемы имели широкую семантику, за счет чего могли применяться для характеристики очень широкого круга предметов и явлений. При значении таких лексем ставится помета *синкрет.* (после толкования значения), а само синкретичное значение может быть сформулировано как отсылочное к другим, более конкретным значениям» [11, с. 55 – 56]. В каждом конкретном случае при составлении словарной статьи вопрос о постановке этой пометы решается индивидуально. Так, при лексикографическом описании существительного *вор* подобная помета была признана необходимой [см. 10, с. 22]. В результате проведенного анализа представляется, что несмотря на то что становление полисемии еще не завершилось окончательно, существительное *казна* в интересующий нас период уже можно признать полисемантическим, исследование семантики слова позволяет выделить три основных лексикографических значения. Совмещение разных значений в отдельных случаях можно объяснить экстралингвистической ситуацией, особенностями разговорной речи, которые отражает обиходный язык времени. Постановку пометы «синкрет.» следует при-

знать нецелесообразной. Однако лексикографическое представление существительного в СОРЯ требует показа всех семантических оттенков значения, а также демонстрации типичной сочетаемости слова, адъективных словосочетаний (устойчивых, что также указывает на еще не закончившийся процесс становления полисемии), актуализирующих значение (и оттенок значения) еще во многом на синтагменном уровне. Лексикографическими приемами, служащими достижению данных задач, являются: использование знака оттенка значения («//»), «черты употребления» (горизонтальная черта «—»), а также знака «угла» («>») для обозначения устойчивых сочетаний. Таким образом, структурная схема словарной статьи существительного *казна* в СОРЯ будет выглядеть так:

Казна

1. Совокупность ценностей, имущества, документов, составляющих собственность государства, государственную или церковную

— С определением, указывающим на собственника ценностей и имущества

> Казна государева (государская, царская, царева)

> Казна королевская

> Святительская казна

— С определением, указывающим, в чьем ведении находятся имущество, ценности

> Домовая казна

> Казна церковная (монастырская)

> Земская казна

— С определением, указывающим на состав ценностей, документов

> Золотая казна

> Серебряная казна

> Книгохранительная казна

> Крепостная казна

// Денежные средства (деньги)

> Денежная казна. См. ДЕНЕЖНЫЙ (вып. 5)

> В формуле *Делать что-л. какой-л. (чьей-л.) казною*. Делать что-л. на какие-л. (чьи-л.) средства

// Деньги, собранные в качестве налога для государственной казны

— С определением, указывающим на учреждения, с которых собраны деньги для государственной казны

> Таможенная казна

> Кабацкая казна

// Всякого рода имущество, запасы, припасы

— С определением, указывающим на различного вида ткани и изделия из них

> Полотенная казна

> Ризная казна

> Белая казна. См. БЕЛЫЙ.

— С определением, указывающим на меха, сданные в государственную казну

> Кунная казна

> Соболиная казна

— С определением, указывающим на разного рода оружие и боеприпасы

> Железная казна

> Казна оружейная

> Казна зеленая

> Казна пороховая	3. Помещение для хранения
> Казна пушечная	предметов, материалов, припасов;
2. Учреждение, ведающее сред-	кладовая; склад
ствами, составляющими собствен-	> Городовая казна. Городская
ность государя	кладовая, склад
> Приказ Большой казны. См.	> Большая казна. См. БОЛЬ-
БОЛЬШОЙ (вып. 1)	ШОЙ

Библиографические ссылки

1. Вести-Куранты 1600 – 1639 гг. / изд. подг. Н. И. Тарабасова, В. Г. Демьянов, А. И. Сумкина ; под ред. С. И. Коткова. М., 1972. 346 с.
2. Вести-Куранты 1651, 1652, 1654, 1656, 1658, 1660 гг. / изд. подг. В. Г. Демьянов ; отв. ред. В. П. Вомперский. М., 1996. 223 с.
3. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря / изд. подг. Е. Н. Клитина, Т. Н. Манушина, Т. В. Николаева ; отв. ред. Б. А. Рыбаков. М., 1987. 440 с.
4. Книга сеунчей. 1613 – 1619 гг. // Памятники истории восточной Европы: Источники XV – XVII вв. Т. 1. М. ; Варшава, 1995. С. 19 – 98.
5. Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. 2-е изд. СПб., 1859. 164 с.
6. Крестьянская война под предводительством Степана Разина : сб. док. Т. 2. Ч. 1. М., 1957. 665 с.
7. Московская деловая и бытовая письменность XVII в. / изд. подг. С. И. Котков, А. С. Орешников, И. С. Филиппова. М., 1968. 337 с.
8. Послания Ивана Грозного / подг. текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье ; под. ред. В. П. Адриановой-Перетц. М. ; Л., 1951. 715 с.
9. Русско-шведские экономические отношения в XVII в. / отв. ред. М. П. Вяткин, И. Н. Фирсов. М. ; Л., 1960. 656 с.
10. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI – XVII веков. Вып. 3: Вор – Вящий. СПб. : Наука, 2010. 323 с.
11. Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI – XVII веков. Вып. 4: Гагара – Гуща. СПб. : Наука, 2011. 312 с.
12. Статейный список И. П. Новосильцева // Путешествия русских послов XVI – XVII вв. М. ; Л., 1954. С. 63 – 99.
13. Статейный список П. И. Потемкина // Путешествия русских послов XVI – XVII вв. М. ; Л., 1954. С. 227 – 315.
14. Щеглова Н. А. Технический словарь тульских оружейников XVII – XVIII веков. Изд. второе, испр. и доп. М., 2004. 304 с.

LEXICOGRAPHIC PORTRAIT OF THE NOUN *TREASURY* IN EVERYDAY RUSSIAN OF MUSCOVITE RUS

The article discusses semantics and use features of the noun ‘Treasury’, analyzing the everyday language of the time. The analysis based on the Russian language monuments of the 16th–17th centuries has been conducted to determine the lexicographic techniques of presenting of the word in a historical dictionary.

Keywords: semantics, function, meaning, connotation, collocations, semantic syncretism.

УДК 808.3+ 808.2 : 801

В. А. Глущенко, Е. А. Тищенко

К ВОПРОСУ О МЕТОДЕ ЛИНГВОИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В статье проанализирована структура лингвистического метода. Определена специфика актуализма как метода научных работ по лингвистической историографии. Всесторонне изучены все составляющие онтологического, операционального и телеологического компонентов актуалистического метода. Доказана целесообразность применения метода актуализма в лингвоисториографических исследованиях.

Ключевые слова: лингвистический метод, актуалистический метод (метод актуализма), онтологический, операциональный и телеологический компоненты.

В практике исследований по лингвистической историографии крайне важным является определение методов анализа изучаемого материала. Метод как способ деятельности может быть разным по содержанию, с разными структурными компонентами. Научный метод способствует выполнению целенаправленных познавательных действий, позволяет делать весомые выводы в исследовательской работе.

Известно, что современная наука рассматривает лингвистический метод как сложную единицу. Его структура включает три разнородных компонента: онтологический, операциональный и телеологический [2, с. 67 – 68; 3, с. 116 – 117; 9, с. 294]. Как проявление онтологического компонента научного метода необходимо рассматривать такие средства познания, как принцип и подход. Операциональный компонент метода содержит

совокупность приемов и процедур, а также методику их применения. Телеологический компонент включает цель исследования [2, с. 68].

Важным компонентом методологии познания является актуалистический метод. В специальных науках актуализм выступает под разными названиями: актуализм, метод актуализма, актуалистический метод. По нашему мнению, метод актуализма следует изучать как в целом, так и конкретно в трудах по историографии языкознания. Именно в этом заключается актуальность предлагаемой статьи. Целью исследования является изучение структуры актуалистического метода, его подробный анализ как сложной логической единицы гетерогенного характера.

Эта цель конкретизируется в таких заданиях: 1) проанализировать актуалистический метод как сложную гетерогенную единицу со ссылкой на широкую трактовку лингвистического метода; 2) охарактеризовать операциональный, онтологический, телеологический компоненты актуалистического метода; 3) доказать целесообразность использования метода актуализма в трудах по лингвистической историографии.

В научной литературе (Г. А. Подкорытов [5], Н. П. Французова [8] и др.) актуалистический метод (или метод актуализма) трактуют как общенаучный метод теоретического уровня. Он основан на том, что объекты, которые не стали предметом актуальной деятельности и восприятия, могут быть изучены путем сравнения

их с подобными объектами, которые попали в поле восприятия и деятельности субъекта. Объекты изучают во времени, в развитии, становлении их как определенных систем. Прошлое объекта исследуется на основе его отображения в настоящем.

К трудам по лингвистической историографии термин *актуалистический метод* впервые был применен В. А. Глущенко [2, 9]. Актуалистический метод дает возможность с помощью современных знаний проследить развитие объекта в прошлом и предусмотреть будущее. С позиции настоящего легче понять историческое прошлое. Современное развитое состояние предмета исследователю познать проще, чем его прошлое состояние. Поэтому актуализм – неотъемлемая черта научного познания.

Возникает вопрос, почему знания, добытые при изучении процессов, которые происходят сейчас, можно в определенной степени перенести на процессы, которые происходили в прошлом? Правомерность такой операции основана на закономерностях в развитии предметов объективного мира.

На первый план выдвигается диалектика настоящего и прошлого. Любой объект, который развивается, является итогом его предыдущего развития. Структура той или иной системы содержит в себе (в более или менее трансформируемом виде) свою собственную историю [5, с. 133].

Так как наивысшая степень развития предмета содержит в себе его предыдущие степени, то воссо-

здание в мышлении сущности этой наивысшей степени – в то же время и проявление его истории. Следовательно, изучая настоящее, мы частично изучаем и прошлое. Актуалистический подход к исследованию действительности не означает сугубо логического перенесения знаний из одной исторической эпохи в другую. Здесь следует говорить об изучении одного и того же объекта во времени, об анализе постоянной системы, исследования ее становления и предвидения некоторых тенденций будущего развития.

Актуалистический метод используют в исследованиях широкого круга наук.

Например, этот метод получил широкое применение в геологии: он предусматривает преемственность прошлого и настоящего, тождественность современных геологических процессов с древними. По характеру современных геологических явлений можно с определенной степенью вероятности описать закономерности древних феноменов. Метод актуализма эффективно используют в таких отраслях геологии, как литология, вулканология, тектоника.

Возникновение научного актуалистического метода связано с изучением именно геологических явлений. Термин *актуализм* появился в немецкой геологической литературе во 2-й половине XIX столетия.

В палеонтологии, которая входит в цикл биологических наук, актуалистический метод основан на изучении современных организмов и на реконструкции процессов их захоронения [5, с. 132, 133].

Значительную роль играет актуализм в биологических исследованиях. К выводу о том, что растительность возникла в воде, биологи пришли благодаря анализу явлений, которые наблюдаются в современном растительном мире.

Подобным образом исследуются и исторические события. Актуалистический подход осуществляется как во время изучения исторического материала, который уже существует, так и во время обработки новых данных. Исторические факты воспринимают с позиции современного знания или по аналогии с тем, что происходило в других странах, с другими народами. Это позволяет глубоко проанализировать социальные явления прошлых эпох. Структура исторического исследования имеет определенную схему, согласно которой вычлененные «следы прошлого» поддаются анализу и интерпретации на основе современных знаний о процессах и закономерностях, которые ими руководят [8, с. 173].

Однако необходимо избегать так называемой «ассимиляции прошлого», которая проявляется в модернизации того, что реконструируется как феномен прошлого [4, с. 84].

Бесспорно, верным является утверждение Г. А. Подкорытова о том, что без применения актуалистического метода невозможно существование историографии любой науки [5, с. 138].

На значимость современной оценки достояния прошлого в историографии науки указывал В. И. Вернадский: «Любое научное поколение должно критически складывать исто-

рию науки, и не только из-за того, что изменяются запасы наших знаний о прошлом, открываются документы или находятся новые приемы возобновления прошлого. Нет! Необходимо снова исторически идти в прошлое, поскольку благодаря развитию современного знания в прошлом приобретает значение одно и теряет другое. Каждое поколение научных исследователей ищет и находит в истории отпечаток научных теорий своего времени. Двигаясь вперед, наука не только создает новое, но и неминуемо переоценивает старое, пережитое» [1, с. 112].

Характеризуя актуалистический метод, В. А. Глущенко опирается на концепцию лингвистического метода как сложной логической единицы (гетерогенного характера), которая включает в себя три разнородных компонента: онтологический, операциональный и телеологический. Эта концепция, выдвинутая В. И. Постоваловой [6, с. 24], была раскрыта и обоснована в ряде публикаций В. А. Глущенко [2, 3, 9].

В. А. Глущенко показал, что как проявление онтологического компонента научного (в том числе лингвистического) метода необходимо рассматривать такие средства познания, как принцип и подход. Операциональный компонент метода представляет совокупность приемов и процедур, а также методику их применения. Телеологический компонент содержит цель исследования [2, с. 68].

Моделируя структуру актуалистического метода, исследователь

отметил, что онтологический компонент этого метода содержит принципы историзма, причинности и системности как конкретизацию и проявление принципа общей связи явлений. С точки зрения В. А. Глущенко, эти принципы охватывают важнейшие общие положения теории познания, в пределах которых объект проявляется как система взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов, которые находятся в непрерывном развитии в результате непрерывности причинных цепочек [там же, с. 67]. Эти принципы, по мнению В. А. Глущенко, для актуалистического метода не являются специфическими, они присущи и лингвистическому сравнительно-историческому методу [там же]. Следовательно, в пределах онтологического компонента, как видим, отличий между указанными методами не наблюдается.

Важно, что В. А. Глущенко определил специфику актуалистического метода как метода исследований по лингвистической историографии в сопоставлении со сравнительно-историческим методом, которая заключается в наличии специфических объекта и предмета, а также отличиях в операциональном и телеологическом компонентах [там же].

Как утверждает В. А. Глущенко, операциональный компонент актуалистического метода в трудах по лингвистической историографии может быть представлен как совокупность таких приемов и процедур: анализ источников (лингвистических текстов) и синтез полученных дан-

ных, сравнение, абстрагирование и логическая историко-научная реконструкция, которая занимает центральное место среди приемов и процедур и противостоит «ассимиляции прошлого» [2, с. 67].

Считаем целесообразным обстоятельно рассмотреть приемы и процедуры, которые представляют операциональный компонент актуалистического метода.

Процедура лингвоисториографического исследования является системой конкретных действий, важное место среди которых занимает отбор фактов из первоисточников. Этот отбор осуществляется на протяжении всего научного исследования. Начальный этап связан с выделением и сбором фактов в процессе внешней и внутренней критики источника, сопоставлением его с другими авторитетными сведениями, то есть во время специфических источниковедческих операций. На этом этапе пригодность факта определяется наличием в нем информации, которая касается темы исследования. Так происходит *анализ источников (лингвистических текстов)*.

Отбор фактов на следующем этапе исследования осуществляется уже в зависимости от их ценности и важности для воссоздания целостной картины. Задание отбора на этой стадии заключается в выделении таких фактов, которые можно включить в систему причинных, функциональных, структурных, генетических связей в систему, которая отображает целостность исследования (*синтез полученных данных*).

Значительная роль в актуалистическом исследовании принадлежит *сравнению*, поэтому актуалистический метод иногда называют методом сравнения [5, с. 136 – 137]. Прием сравнения широко используют для реконструкции прошлого в исследованиях по истории языка. Известно, что сравнение – ведущий универсальный прием лингвистического сравнительно-исторического метода [7, с. 11]. Однако применение этого приема в актуалистическом методе как методе исследований лингвоисториографического направления имеет свою специфику. Она заключается в том, что сравниваются не факты определенного языка или родственных языков, а научные интерпретации определенного лингвиста (если наблюдается эволюция его взглядов) и разных языковедов (и шире: школ, направлений) того или другого периода. Сравнение научного наследия разных ученых позволяет рассмотреть их научную деятельность в контексте развития лингвистической науки, выяснить значение научного творчества каждого из них для современного языкознания.

Касательно приема *абстрагирования* отметим, что он заключается в «отвлечении», этот прием дает возможность переходить от конкретных предметов к общим понятиям и законам развития. Он играет важную роль в процессе изучения тех или других интерпретаций языковедов прошлого. Например, определенная трактовка конкретных фактов языка свидетельствует об общем подходе лингви-

ста к языковым явлениям, а в некоторых случаях – и о его мировоззрении.

Важнейшим операциональным элементом в рамках актуалистического метода является процедура *историко-научной реконструкции*. Специфика этой процедуры заключается в том, что цель лингвоисториографа – реконструировать сам процесс познания учеными языковых феноменов. При этом, осознавая основы актуалистического познания, необходимо обратить внимание не только на общность взглядов современных лингвистов и их предшественников, но и на определенные отличия. В трудах по лингвистической историографии общая оценка зависит от того, что нового внесли лингвисты в науку сравнительно со своими предшественниками и какое значение имели их труды для своего времени (а не с

точки зрения современного уровня знаний).

Телеологический компонент характеризует цель лингвоисториографического исследования.

Проведенный анализ актуалистического метода позволяет говорить об актуализме как о методе лингвоисториографических стадий. В то же время стоит указать на специфику этого метода в сопоставлении с лингвистическим сравнительно-историческим методом. В частности, для метода актуализма характерны специфические объект и предмет, а также отличия в операциональном (например, в процедуре реконструкции) и в телеологическом компонентах.

Перспективы дальнейших исследований мы видим в углубленном изучении приемов и процедур актуалистического метода.

Библиографические ссылки

1. Вернадский В. И. Очерки и речи. Петроград, 1922. Вып. 2. С. 112.
2. Глущенко В. А. Гомогенные и гетерогенные теории лингвистического метода // Теоретические и прикладные аспекты исследования языков мира: симпозиум XI (ч. 1) : материалы VII Междунар. конгр. «Мир через языки, образование, культуру: Россия – Кавказ – Мировое сообщество». 14 – 18 окт. 2013 г. Пятигорск : ПГЛУ, 2013. С. 67 – 68.
3. Глущенко В. А., Тищенко К. А. Про актуалістичний метод у лінгвістичних дослідженнях // Науковий вісник міжнародного гуманітарного університету : наук. зб. Серія «Філологія». Одеса, 2015. Вип. 14. С. 116 – 117.
4. Кузнецова Н. И. Наука в ее истории (методологические проблемы). М. : Наука, 1982. С. 84.
5. Подкорытов Г. А. О природе научного метода. Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. С. 132 – 133, 136 – 138.
6. Постовалова В. И. Историческая фонология и ее основания : опыт логико-методологического анализа. М. : Наука, 1978. С. 24.

7. Смирницкий А. И. Сравнительно-исторический метод и определение языкового родства: материалы к курсам языкознания / под общ. ред. В. А. Звегинцева. М. : Изд-во Моск. ун-та, 1955. С. 11.

8. Французова Н. П. Исторический метод в научном познании (вопросы методологии и логики исторического исследования). М. : Мысль, 1972. С. 173.

9. Glushchenko V. Method Structure in Russian and Ukrainian Linguistic Tradition // Collected Articles of the 3rd International Linguistics Conference (Taganrog, Russia) / edited by G. T. Polenova and T. G. Klikushina. Newcastle upon Tyne, 2014. P. 294.

V. A. Glushchenko, K. A. Tyshchenko

METHOD OF LINGUISTIC HISTORIOGRAPHY RESEARCHES

The structure of the linguistic method is considered in the article. The specificity of actualism as a method of linguistic historiography is shown in comparison with the linguistic comparative-historical method. Ontological, operational and teleological components of the method of actualism are studied in detail. The author draws conclusion about expediency of the use of the method of actualism in linguistics history studies.

Keywords: linguistic method, method of actualism, ontological, operational, teleological components.

УДК 801.656

Ю. Б. Орлицкий

СТИХОВАЯ УНИКАЛЬНОСТЬ ИСТОРИЧЕСКИХ ПОЭМ М. ВОЛОШИНА¹

В статье рассматриваются ритмические особенности исторических поэм М. Волошина, созданных по горячим следам революционных событий 1917 г. Впервые предлагается квалифицировать необычный стих этих произведений как вольный белый двусложник с переменной анакрусой, к тому же с нерегулярной цезурой. Эта редкая для русской поэзии форма выбрана поэтом для выражения атмосферы времени радикальных исторических перемен.

Ключевые слова: Волошин, исторические поэмы, стих, свободный стих, трехсложник с переменной анакрусой, цезура, рифма.

¹ Написано при поддержке Гранта РГНФ № 15-34-12003 "Русская революция 1917 г. в литературных источниках (1917 – нач. 1920-х годов)".

Созданные по горячим следам событий 1917 г. поэмы М. Волошина, посвященные персонажам русской истории, неоднократно привлекали внимание исследователей. Обращала на себя внимание и необычная форма избранного для них стиха: так, М. Гаспаров и Т. Скулачева даже предлагали толковать его как свободный [1; 2], а И. Карловский – как опыт приближения к свободному, вольный ямб с рядом отклонений [3].

Между тем в традиции русского стиховедения вполне достаточно инструментов и терминов для описания действительной природы этого стиха во вполне традиционной парадигме и в соотношении не со свободным, а с традиционным силлаботоническим стихом, что, на наш взгляд, более актуально для Волошина, особо не жаловавшего настоящий «европейский» верлибр [3, р. 72 – 73]. Попытаемся уяснить уникальную природу этого ритмического явления, вне всякого сомнения связанного с осмыслением поэтом трагических катаклизмов русской истории как прошлого, так и настоящего.

Принято считать, что обращение к историческим темам и сюжетам – универсальный механизм художественного осмысления актуальных событий и личностей; Волошин в этом смысле исключением не является: события российской истории он постоянно рассматривает в своем творчестве в сопряжении с ходом истории мировой и с ее трагическими катаклизмами, причем делает это как в обобщенно-философском виде («Пу-

тями Каина»), так и в виде непосредственного описания и осмысления конкретных исторических событий.

Известно также, что в 1925 г. поэт предложил порядок издания своих стихотворных произведений, ставший основой всех новейших изданий его поэтического наследия, на него опирались и составители последнего многотомного издания сочинений Волошина. Третьей книгой в нем значится «Неопалимая купина», включающая стихи 1914 – 1924 гг. и имеющая подзаголовок «Стихи о войне и революции» [4, с. 427]. Интересно, что в раннем варианте временные границы книги были еще уже: 1917 – 1919 [4, с. 597], то есть годы, прямо следующие за Октябрьским переворотом.

В качестве самостоятельного четвертого раздела Волошин включил в книгу первую из своих исторических поэм – «Протопоп Аввакум», впервые напечатанную в киевском журнале «Родная земля» в 1918 г.

Известно, что поэт уделял особое внимание стиховой форме этого произведения: так, 25 февраля он писал о нем А. Петровой: «Не могу найти подходящего ритма»; характерно, что чуть более года спустя уже И. Бунин записал по поводу поэмы: «Техника стиха превосходна» [4, с. 539].

В качестве «подобающей» изображению российской смуты техники стиха Волошин выбирает его тип, достаточно редко встречавшийся до этого в русской поэзии: его можно назвать двусложником с переменной

анакрусой, то есть стихом, в котором неупорядоченно чередуются строки двух самых популярных русских метров – ямба и хорей.

Отечественная стиховая традиция знает построенные по этому принципу трехсложники; обычно в качестве примеров этого достаточно экзотического типа силлаботоники приводят стихи Лермонтова («Русалка», «Желание», «Земля и небо») [5, с. 126, 137]², Фета, Вяч. Иванова [6, с. 665]. В. Холшевников справедливо разделяет урегулированные, неурегулированные и вольные трехсложники с переменной анакрусой [там же], а также пишет о двусложниках такого типа: «Смещение ямбов и хореев, то есть двусложник с переменной анакрусой, появляется – и то редко – только в поэзии XX века». (В качестве примеров ученый приводит стихи Асеева и Есенина) [6, с. 44]. Очевидно, и по отношению к этому типу стиха можно говорить о названных трех конкретных его подтипах.

В «Аввакуме» Волошин пользуется в основном вольным двусложником с переменной анакрусой, причем слоговая длина строк поэмы колеблется в достаточно широком диапазоне – от одной до семи стоп.

² Авторы известного метрического справочника по стиху Лермонтова насчитывают их всего четыре и выделяют трехсложники с переменной анакрусой (они называют их «смешанными трехмерниками») из состава силлаботоники, помещая в отдельную группу (так называемую «интервальную систему»).

Еще одно усложнение структуры силлабо-тонического стиха, которое Волошин вводит в своего «Аввакума», – нерегулярное цезурирование примерно половины строк, в результате чего они распадаются на полустихия разных размеров как одного, так и разных метров.

Пример первого – девятая строка первой части:

Гудящие, как вихри косматых светов [7, с. 295],

которую можно представить как сумму разделенных цезурой полустихий трех- и двустопного ямба или как произвольно цезурированную строку пятистопного ямба.

Примеры второго – четвертая и пятая строки:

Видел солнце, разверстое, как кладезь.

Силы небесные кругами обступили тесно [там же].

Первую из этих строк можно представить как сумму разделенных цезурой полустихий двустопного хорей и трехстопного ямба, вторую – как сумму одной стопы хорей и пяти – ямба.

При этом, кроме возникновения ненормативных пауз внутри строк, возникает также интересный дополнительный метрический эффект на их границах: при чтении подряд, без учета конечной паузы, третьей и четвертой строк, можно произнести их как строку шестистопного ямба и следующую за ней строку трехстопного:

В Небесном Иерусалиме:

Видел солнце, // разверстое, как кладезь,

то есть так:

*В Небесном Иерусалиме: Видел
солнце,
разверстое, как кладезь.*

Если же продолжить эту операцию со следующим стихом, можно получить вместо авторского:

*В Небесном Иерусалиме:
Видел солнце, разверстое, как
кладезь.*

Силы небесные кругами обступили тесно –
следующий вариант:

*В Небесном Иерусалиме: Видел
солнце,
разверстое, как кладезь. Силы
небесные кругами обступили
тесно –*

то есть перед нами оказываются три подряд строки вольного ямба: шести-, четырех- и семистопная. Возможно, именно соблазн такой трактовки и позволял Карловскому толковать стих поэмы в целом как преимущественно вольноямбический с рядом отклонений [3, p.74].

Надо сказать, что ситуация усугубляется нерифмованностью стиха, то есть отсутствием дополнительной звуковой маркированности «правильных» границ строк. Однако нельзя забывать, что перед нами стихотворение, в котором автор расставил эти границы, традиционно обозначающие обязательные сильные паузы; возникновение же вариантов чтения, связанных с перераспределением границ строк, является, по-видимому, заложенной в тексте авторской же возможностью его альтернативного чтения, что и можно считать «изобретением» Волошина, существенно усложняющим метрическую структуру поэмы, однако при этом безусловно остающимся в рамках силлабо-тонической системы.

Рассмотрим теперь начальный фрагмент поэмы целиком, указывая после каждой строки описание ее метрической природы:

<i>Прежде нежели родиться – было</i>	<i>X5ж³</i>
<i>Во граде солнечном,</i>	<i>Я2д</i>
<i>В Небесном Иерусалиме:</i>	<i>Я4ж</i>
<i>Видел солнце, разверстое, как кладезь.</i>	<i>X2ж+Я5ж</i>
<i>Силы небесные кругами обступили тесно –</i>	<i>X1ж+Я5ж</i>
<i>Трижды тройным кольцом Сияющие Славы:</i>	<i>X1ж+Я5ж</i>
<i>В первом круге –</i>	<i>X2ж</i>
<i>Облакам подобные и ветрам огненным;</i>	<i>X6м</i>
<i>В круге втором –</i>	<i>X1ж+Я1м</i>
<i>Гудящие, как вихри косматых светов;</i>	<i>Я3ж+Я2ж</i>

³ Здесь и далее используются сокращения, общепринятые в теории стиха: Я – ямб, X – хорей, Дк – дактиль, Ан – анапест, Фм – амфибрахий; цифра после обозначения метра показывает количество стоп (Я5 – пятистопный ямб), буква после цифры – тип окончания (м – мужское, то есть ударное, ж – женское, имеющее на конце один безударный слог, д – дактилическое, включающее два безударных).

<i>В третьем круге –</i>	<i>X2ж</i>
<i>Звенящие и светлые, как звезды;</i>	<i>Я5ж</i>
<i>А в недрах Славы – в свете неприступном –</i>	<i>Я5ж</i>
<i>Непостижима, Трисиянна, Пресвятая</i>	<i>Я6ж</i>
<i>Троица,</i>	<i>X1д</i>
<i>Подобно адаманту, вне мира сущему,</i>	<i>Я3ж+Я2д</i>
<i>И больше мира.</i>	<i>Я2ж</i>

Как видим, практически каждая строка этого отрывка имеет собственную метрическую природу, кроме двух стоящих рядом 11-й и 12-й строк, написанных «правильным» пятистопным ямбом с женскими окончаниями.

Наша схема позволяет увидеть еще одну особенность, не характерную для традиционной силлаботоники – принципиальную неупорядоченность, разноразличность окончаний, хотя большинство все-таки составляют типичные для русского ямба женские.

Уникальные ритмические особенности «Аввакума» Волошин использует и в следующей своей исторической поэме – созданном через три месяца после «Аввакума» «Написании о царях московских». Однако здесь, сохраняя одну из особенностей своего ритмического открытия – совмещение полустроков – Волошин почти отказывается от полиметрии, поэма в основном написана, хотя иногда в ней встречается и хорей; окончания в поэме также принципиально не упорядочены. Вот пример из этой поэмы:

<i>Царь же Федор</i>	<i>X2ж</i>
<i>Был ростом мал,</i>	<i>Я2м</i>
<i>А образ имея постника,</i>	<i>Я1ж+Я2д</i>
<i>Смирением обложен,</i>	<i>Я3ж</i>
<i>О мире попеченья не имея,</i>	<i>Я5ж</i>
<i>А только о спасении душевном.</i>	<i>Я5ж</i>
<i>Таков был Федор-царь</i>	<i>Я3м</i>

[7, с. 269].

Другие исторические циклы и поэмы Волошина оказываются проще и традиционнее по структуре. Так, книга-цикл «Путями Каина», включающая стихотворения 1914 – 1922 гг., написана в основном нерифмованным вольным ямбом – типом стиха, достаточно традиционным для русской и мировой традиции, особенно

применительно к большим формам. Большинство строк цикла при этом написано самым распространенным русским вариантом этого размера – пятистопным, который выступает своего рода доминантой, на фоне которой функционируют шести- и четырехстопные строки, а также набранные «лесенкой» полустроки, легко соби-

рающиеся в пяти- и чаще – шести- дактилические окончания пропадают и сложники; при «собрании» строк остаются только мужские и женские:

<i>Из совокупности</i>	<i>Я2д</i>
	+
<i>Избытков, скоростей,</i>	<i>Я3м = Я6м</i>
<i>Машин и жадности</i>	<i>Я2д</i>
	+
<i>Возникло государство.</i>	<i>Я3ж = Я6ж</i>
<i>Гражданство было крепостью, мечом,</i>	<i>Я5ж</i>
<i>Законом и согласьем. Государство</i>	<i>Я5м</i>
<i>Явилось средоточьем</i>	<i>Я3ж</i>
<i>Кустарного, рассеянного зла:</i>	<i>Я5м</i>
<i>Огромным бронированным желудком,</i>	<i>Я5ж</i>
<i>В котором люди выполняют роль</i>	<i>Я5м</i>
<i>Пищеварительных бактерий. Здесь</i>	<i>Я5м</i>
<i>Всё строится на выгоде и пользе,</i>	<i>Я5ж</i>
<i>На выживаньи приспособленных,</i>	<i>Я5д</i>
	+
<i>На силе.</i>	<i>Я1ж = Я6ж</i>
<i>Его мораль – здоровый эгоизм.</i>	<i>Я4м</i>
<i>Цель бытия – процесс пищеваренья.</i>	<i>Я5ж</i>
<i>Мерило же культуры –чистота</i>	<i>Я5м</i>
<i>Отхожих мест и емкость испражнений</i>	<i>Я5ж</i>

[7, с. 52].

В начатой в 1919 г., а законченной в 1929 г. поэме «Святой Серафим», не вошедшей поэтому в волошинский «план» собрания, поэт выбирает в качестве основного другой, менее распространенный белый двусложный размер – вольный хорей, в котором доминирует тоже пятистопная форма, причем намного решительнее, чем пятистопный ямб в поэме «Путями Каина». Однако в многочисленных вставках и

диалоговых фрагментах этой поэмы также встречаются и ямбические строки (что позволяет и здесь говорить о двусложнике с переменной анакрусой), и стыки метров в середине строки, и предполагающая возможность двоякого прочтения нерегулярная цезурированность; соответственно в указанных фрагментах варьируют и окончания, в повествовательной части в основном женские:

<i>...Был Адам в раю подобен углю</i>	<i>X5ж</i>
<i>Раскаленному. И, вдруг погаснув,</i>	<i>X5ж</i>
<i>Плотен стал и холоден, и черен.</i>	<i>X5ж</i>
<i>Но Христос вернул ему прообраз,</i>	<i>X5ж</i>
<i>Дух Святой вдохнув в учеников.</i>	<i>X5м</i>
<i>– «А что же значит</i>	<i>Я2ж</i>
<i>Быть в Духе, батюшка?» –</i>	<i>Я2д</i>
<i>А Серафим, взяв за плечи:</i>	<i>Я2м+X2ж</i>
<i>«Теперь мы оба в Духе.</i>	<i>Я3ж</i>
<i>Что ж ты не смотришь на меня?»</i>	<i>X4м</i>
<i>– «Не могу смотреть на вас ... От лика</i>	<i>X5м</i>
<i>Точно молнии ... Глаза от боли ломит».</i>	<i>X5ж</i>
<i>– «Не устрашайтесь, Ваше Боголюбие,</i>	<i>Я5д</i>
<i>Теперь вы сами светлы, как я,</i>	<i>Я4м</i>
<i>Ибо тоже в полноте вы Духа Божьего,</i>	<i>X5ж</i>
<i>Иначе вам меня таким не увидеть.</i>	<i>Я6м</i>
<i>Не бойтесь. Смотрите прямо мне в глаза»</i>	<i>Я1ж+Я4м</i>

[8, с. 117].

Созданное в 1929 г. «Сказание об инокке Епифании», которое в определенной степени можно рассматривать как продолжение «Аввакума», вновь написано частично цезурированным вольным белым ямбом с неупорядоченной каталектикой (решительно преобладают женские окончания, но встречаются и мужские, и дактилические: «Очнулся, а рука платком повязана»):

<i>Сказанье о кончине</i>	<i>Я3ж</i>
<i>Страдальца Епифания и прочих,</i>	<i>Я5ж</i>
<i>С ним вместе пострадавших в Пустозерске:</i>	<i>Я5ж</i>
<i>Был инок Епифаний положен в сруб,</i>	<i>3ж+Я2м</i>
<i>Обложенный соломой, щепой и берестам</i>	<i>Я3ж+Я3м</i>
<i>и политый смолою.</i>	<i>Я3ж</i>
<i>А вместе Федор, Аввакум и Лазарь.</i>	<i>Я5ж</i>
<i>Когда костер зажгли, в огне запели дружно:</i>	<i>Я6ж</i>
<i>«Владычица, рабов своих прими!»</i>	<i>Я5м</i>
<i>С гудением великим огонь, как столб,</i>	<i>Я5м</i>
<i>Поднялся в воздухе, и видели стрельцы</i>	<i>Я6м</i>
<i>И люди пустозерские, как инок Епифаний</i>	<i>Я7ж</i>
<i>Поднялся в пламени божественною силой</i>	<i>Я6ж</i>
<i>Вверх к небесам и стал невидим глазу.</i>	<i>Я5ж</i>
<i>Тела и ризы прочих не сгорели,</i>	<i>Я5ж</i>
<i>А Епифания останков не нашли</i>	<i>Я6м</i>

[8, с. 97].

Таким образом, можно заметить, что в своих исторических поэмах конца 1910-х гг. Волошин обращается к уникальному стиховому эксперименту: по сути дела он создает на базе традиционной силлаботоники уникальный вариант вариативного одновременно в двух плоскостях стиха, ямбического по своей основной природе, но допускающего (а возможно, и предполагающего) вариативное чтение, что должно было придать поэме особую экспрессивность, скорее всего – порожденную потрясениями трагическими революционными событиями.

После «Аввакума» стих исторических поэм Волошина постепенно успокаивается, и в 1920-е гг. поэт возвращается к более традиционной ритмической композиции, однако некоторые черты взволнованной, ориентированной на прозаическое повествование речи⁴ (вольность, отсутствие рифмы) в поэмах сохраняются. Все это, по нашему мнению, вполне можно рассматривать как безусловное, хотя и опосредованное влияние событий 1917 г. на самый строй русской стихотворной речи.

Библиографические ссылки

1. Гаспаров М., Скулачева Т. М. Волошин: Свободен ли его свободный стих? // Вчера, сегодня, завтра русского верлибра: VII Московский фестиваль свободного стиха : тез. науч. конф. М. : Московский государственный музей Вадима Сидура, 1997. С. 6 – 7.
2. Скулачева Т. Стих «Путиами Каина» // VIII и IX Волошинские Чтения : материалы и исслед. Симферополь : Крымский архив, 1997. С. 94 – 96.
3. Karlovsky I. Maximilian Voloshin's Vers Libre: Free Verse or Variable Verse? // Formal Methods in Poetics. A Collection of Scholarly Works Dedicated to the Memory of Professor M.A. Krasnoperova. Ed. By Barry P. Scherr, James Bailey, Evgeny V. Kazartsev. Lüdenscheid: RAM-Medienverlag, 2011. P. 71 – 117.
4. Купченко В. Комментарии // Волошин М. Собрание сочинений. Т. 1. М. : Эллис Лак 2000, 2003. С. 425 – 566.
5. Лапшина Н., Романович К., Ярхо Б. Из материалов «Метрического справочника к стихотворениям М. Ю. Лермонтова» // Вопросы языкознания. 1966. № 2. С. 125–137.
6. Холшевников В. Мысль, вооруженная рифмами. СПб. : Филологический факультет СПбГУ; М. : Академия, 2005. 672 с.
7. Волошин М. Собрание сочинений. Т.1. М. : Эллис Лак 2000, 2003. 608 с.
8. Там же. Т.2. М. : Эллис Лак 2000, 2004. 768 с.

⁴ Некоторые безусловные лексические переключки волошинского «Аввакума» и оригинального «Жития» были отмечены нами в более ранней работе [9].

9. Орлицкий Ю. Был же я, как уголь раскаленный (Из наблюдений над стихотворной стилистикой поэмы М. Волошина «Протопоп Аввакум») // Русская поэзия: Год 1918. Даугавпилс : ДГПИ, 1992. С. 56 – 62.

Yu. B. Orlytsky

VERSE UNIQUENESS OF HISTORICAL POEMS BY M. VOLOSHIN

The article examines rhythmic features of the historical poems by M. Voloshin, created immediately after the revolutionary events of 1917. For the first time, it is proposed to classify the unusual verse of these works as a free-white, white, two-syllable with variable anacrusis, and with irregular caesura. This form, rare in Russian poetry, was chosen by the poet to express the atmosphere of the time of radical historical changes.

Keywords: Voloshin, historical poems, verse, free verse, three-syllable with variable anacrusis, caesura, rhyme.

УДК 882(09)

A. B. Марков

УМИЛЕНИЕ: К ИСТОРИИ ПОНЯТИЯ

В работе рассматривается история термина «умиление», одного из ключевых для описания сильных чувств как в аскетической традиции, так и в классической русской литературе. Доказывается, что данный термин не только отражал важные явления культуры, но и частично определил специфику романских переживаний в русской литературе. Данный термин был не просто обозначением бытовых эмоций с помощью возвышенного слова, но обозначал специфические ритуалы социального участия, важные для романского повествования, и поэтому не столько эксплуатировал категорию возвышенного, сколько возвращал ей ключевую для литературного развития нормативность.

Ключевые слова: умиление, история понятий, философия литературы, непереводаемость.

Есть два подхода к изучению истории терминов, истории слов и понятий, которые определяют нашу культуру. Первый подход был разработан в немецкой мысли и получил название «история понятий», Begriffsgeschichte.

Это продолжение историографических традиций Германии, создание фундаментальных, исчерпывающих историй с опорой на тысячи письменных источников. Многотомные истории идей нашли свое продолже-

ние в разработке истории понятий. Недостаток этого метода в том, что берутся по преимуществу официальные письменные источники. В истории понятий изучается работа слова в официальной культуре. Поэтому мы видим не столько реконструкцию содержания слова, сколько исследование норм и правил официальной культуры как наиболее плотного контекста существования слов.

Есть и другой подход, который разрабатывается во Франции, во многих отношениях более гибкий. Это изучение непереводаемых терминов, которые в силу своей непереводаемости в разных странах по-разному определяют социальную жизнь. Тогда слово, оставаясь собой, начинает не отражать культуру, а выражать ее и влиять на нее. Такое слово может быть не только документом, паспортом или свидетельством в культуре, но может определять развитие культуры. Значение корня, семантика слова тогда определяет развитие социальных институтов. Такой подход был заложен Эмилем Бенвенистом в его «Словаре индоевропейских социальных терминов» [Бенвенист, 1995] (в оригинале он называется «Словарь индоевропейских институтов» [Benveniste, 1969]), где он показал, как простые слова, вроде «собственность» и «хозяйство», определили устройство права, экономики и их институциональное сопровождение.

Очевидна продуктивность этого подхода применительно к одному из самых распространенных слов для характеристики предельного эмоцио-

нального состояния, слову «умиление». Известен разрыв между тем, как это слово употреблялось в культуре средневекового типа и как оно употребляется в русской классической литературе. В Средние века умиление (по-гречески *κατάλυξις*) означало дар слез, особую уязвленность, особую чувственность, включающую в себя как покаяние, так и восторг [Марков, 2014].

Дар слез считался одним из важнейших монашеских даров. Монах – это тот, кто может все время проливать слезы, кто постоянно растроган, кто чувствует присутствие Божие и в ком покаяние переходит в радость. Умиление в нашем бытовом употреблении и в употреблении русской классической литературы – это, скорее, безотчетная эмоция. Если умиление монашеское зрячее, то это умиление, скорее – восторг, переживаемый телом. Это и жар в крови от сильных эмоций, и поток слез, сопровождаемый потоком безотчетных чувств. Внешне это может быть похоже на аскетический «дар слез», но если аскетика требует осознания любого движения эмоций, благодаря инструментам покаянной дисциплины, то здесь поток эмоциональных реакций пленяет умиленного, растроганного человека именно своей неуправляемостью.

При начальных наблюдениях кажется, что такое словоупотребление в русской литературе – обычный способ секуляризации церковной терминологии, произведенный русским романтизмом, имитировавшим язык немецкого пиетизма, в соедине-

нии с отдельными моментами галантной культуры. Многие слова, употребляемые в аскетике как одиозные, стали пониматься с точностью до наоборот как поэтически привлекательные, такие как «прелесть» и «сладострастие», вообще вся лексика, употребляемая для обозначения обманчивых состояний и расслабленности. Тяга русского романтизма к переводу готовых сюжетов привела к тому, что данные состояния стали восприниматься не как ассоциирующиеся с некоторыми персонажами, а как требующие эмпатии любого читателя. Каждый должен дышать «прелестью», когда мир дышит «сладострастием», и тогда сама эта чувственность будет тем напряженнее, чем более она индивидуальна.

Но такие наблюдения над культурными приоритетами не обладают той филологической точностью, которая необходима, чтобы делать даже предварительные выводы о значении слова и его работе в ключевых текстах культуры. Поэтому важно рассмотреть как соотношения этого сильного «умиления» с эстетической категорией возвышенного, которая означает именно потрясение, меняющее реальность или меняющее человека изнутри, так и нормативность этого «умиления» для описания не только индивидуальных психических переживаний автора или героя или лирического героя, но и ключевых для системы образов или системы сюжетного развития реакций.

Это слово было одним из ключевых в «Детстве» Льва Толстого. Все

помнят, как в начале герой описывает свое пробуждение, встречу с Карлом Ивановичем как «потоки слез». Здесь оказываются разделены покаяние и восторг перед внешностью. С одной стороны, герой-повествователь Льва Толстого кается, что плохо думал о своем немце-наставнике, а с другой стороны, он умилен, потому что видит его улыбку, видит, насколько человек может быть добр и насколько мир может быть добр к нему самому. Здесь Лев Толстой уже подходит к этому состоянию аналитически, различая разные ноты, разные градации состояния. Слезы, которые льются при воспоминании о постыдном поступке, – это качественно другие слезы, чем те, которые льются при восторге. Если дар непрерывных слез должен был быть единым, должен был преобразовать изнутри сознание монаха, здесь мы уже видим эмоциональную аналитику, в которой именно стыд должен разрешаться слезами. Слезы возникают не только потому что ты изумлен, но потому что ты восторгаешься правильностью мира, присутствием в нем красоты. Подобие такого катартического плача мы встречаем и раньше, скажем, в «Моцарте и Сальери» Пушкина: Сальери восторгается величию «Реквиема» Моцарта и при этом плачет от того, что злонамеренные мысли в нем продолжают присутствовать даже после того, как он совершил злонамеренный поступок. Такое умиление интересно тем, что оно вполне аскетично, так как подразумевает самоотчет в своих мыслях, но только его итогом

становится не покаяние (ни Сальери, ни герой Толстого не каются в своих мыслях, напротив, «портятся» дальше по ходу действия), а переживание восторга как нормативного чувства, которое хоть как-то объединяет человечество поверх просветительской критики человеческой природы как злонамеренной.

Именно это качество унаследовали такие великие европейские почитатели Толстого, как Марсель Пруст, который подобрал слово *tendre, tendresse* – буквально «нежный», «нежность» (от латинского *tener* – нежный на ощупь, то есть идея «трогательности», выражаемая другим французским словом *toucher, touchant*, заложена и в это слово) – для перевода этого слова, для уяснения его смысла. Обычно у нас это слово переводят уже как «растроганность» – особые слезы, как чувства, которые человеческая душа высказывает по отношению к миру, когда мир начинает казаться цельным и доброжелательным. Сложные переводы понятий в культуре и «обратные переводы» (мы употребляем это выражение в широком значении, которым наделил его А. В. Михайлов [Михайлов, 2000]) обеспечили настоящий всемирный триумф умиления, и, например, известный иконописный тип Богоматери «Умиление» (призывающая к покаянию, требующая покаянного настроения и ставящая покаяние условием восприятия догматов) стал переводиться на европейские языки именно этим *tendresse, tendrezza* по-итальянски, т.е. «нежность». И конечно, здесь

имеется в виду не только сентиментальный смысл нежности, но и духовный смысл покаяния, который сменяется радостью. О. А. Седакова указала на то, что такой перевод канонического названия стал и одним из проводников русской культуры: слово, извлеченное из институциональных рамок аскезы и покаянной дисциплины, оказалось носителем образности, которая воспринимается по преимуществу как «русская» [Седакова, 2008, с. 16], наравне со словами «тихий», «милый», «тоска», «печаль» и другими, образующими «русскую» философию неперевоаемых эмоций.

В ходе работы над исследованием, как такое употребление контекстуально насыщенного слова стало инструментом аналитики эмоций в классической русской литературе, был изучен весь, по возможности, доступный корпус текстов, прежде всего на основе «Национального корпуса русского языка» (ruscorpora.ru). Удалось отметить три этапа развития значения этого в русской литературе.

Первым автором, который стал говорить о восторге растроганности как специфическом изводе чувства возвышенного, был Ломоносов, высказавший такую идею, что Россия – страна равнинная. Россия не дает такого восторга природных ландшафтов, как Италия. Поэтому чувство восторга должно быть внутренним. Именно оно, по Ломоносову, двигало Петром I, когда он задумывал Петербург, именно оно является главным

цивилизаторским чувством. В этом чувстве Ломоносов стремился подчеркнуть деятельную сторону ощущений, а не только созерцательную. Если европейское понимание восторга, или экстаза, или переживания возвышенного – это созерцательное чувство, чувство философов и знатоков искусства, то Ломоносов, выступая как преобразователь, как апологет и пропагандист дела Петра I, настаивал на том, что нужно по-настоящему восторгаться не только созерцательно, но и деятельно. Настоящее умиление – это то, что ведет к действию, требуя дополнить недостатки природы настоящими, возвышенными образами искусства. Так и формируется начальная диспозиция испорченной природы, в которой есть место злонамеренности и прекрасного искусства, которое вызывает умиление даже у злодеев и тем более должно вызвать умиление и у нас.

Следующим этапом понимания стали переводы на русский язык и переработки Винкельмана, знаменитого основателя искусствознания, и подвергшаяся влиянию Винкельмана искусствоведческая критика, которой учили в художественных училищах. Винкельман, пропагандист античной красоты как одновременно гармоничной и изумительной, предложил по-новому воспринимать античные памятники. До этого они воспринимались сюжетно, в рамках тех моралистических и педагогических моделей, которым были подчинены основанные на античных мифах нарративы. Прежде всего, глядя на античные

скульптуры, вспоминали мифы, сюжеты, и трагические переживания относились к сюжетам. Сюжет до Винкельмана должен был вызвать некое единое чувство, и как таковое умиление не требовалось, потому что моральные рамки были достаточными для того, чтобы посмотреть на природу извне и понять задачи ее моралистических преобразований.

Винкельман переходит от синтеза к анализу и требует, чтобы мы обращали внимание на детали и в каждой мелочи видели смысл, видели аллегория. Значимым оказывается не только сюжет, который изображает античная скульптура, но и каждый указующий палец, каждая деталь, каждый штрих, каждая складка. Именно детализация делает классическую скульптуру частью нашего жизненного опыта, того романа жизни, который проживаем мы сами. Богатый человек может поставить скульптуру в доме благодаря своему художественному вкусу и тем самым пережить значимость детали. Тем самым, умиление начинает относиться уже не к цельному переживанию сюжета, а к рассмотрению отдельных деталей, к детализации, нюансированию чувств. Но это еще не было нюансированием, которое мы встречаем у Пушкина или Льва Толстого. Это была, скорее, технология, увязанная с потреблением искусства, использованием его в быту или в дизайне. Винкельман – пропагандист, как бы мы сказали, античного дизайна, а не античной культуры как таковой.

Третьим этапом стала риторика начала XIX века. Это, прежде всего, риторика Кошанского, по которой учился Пушкин (о значении этого текста в русской культуре [Файбышенко, 2010]). И, конечно же, многие свои эстетические суждения Пушкин заимствовал оттуда, из своих школьных лет. Когда, например, Пушкин говорил, что вдохновение – это способность к живому схватыванию впечатлений, то была переработка тезиса Кошанского о том, что настоящий ритор должен обладать сразу двумя качествами: с одной стороны, он должен быстро сопоставлять непохожие идеи, видеть сходство в непохожих вещах, а с другой стороны, он должен сразу же эмоционально реагировать на получившееся сходство. Он должен уметь и строить метафоры и сразу же умиляться полученному результату. Быть первым экспертом, и только тогда он завоеует слушателей. Если он сам не расплачется в результате правильно, технологично построенного текста, то и на слушателя это не возымеет никакого эффекта.

Многое, что мы узнаем в соданиях гения Пушкина – все это «над вымыслом слезами обольюсь», знакомые нам строки со школьной или студенческой скамьи – это гениальная доработка того, что было сухо и схематично сказано у Кошанского. Более того, образ «Пророка» у Пушкина как ритора, пребывающего при этом в состоянии предельной растроганности, тоже восходит к этому изображению ритора как жреца и

жертвы искусства одновременно [Марков, 2016].

В результате получилось, что именно Пушкин, который стал сопоставлять умиление с разными физическими состояниями, находя в умилении сходство и с восторгом, и с любовью, и с жаром в крови, играть на сложной клавиатуре между телесными и душевными чувствами, между телесными и интеллектуальными переживаниями – именно он создал предпосылки к такой тонкой нюансированной клавиатуре умиления, которую мы видим в «Детстве» Льва Толстого. Когда умиление аналитично, когда мы плачем над каждой деталью и над каждой мелочью, когда это не общее настроение, а умение познавать себя в любой момент. Знать, где ты невиновен, а где ты виновен. Знать, где мир к тебе благожелателен, а где ты, наоборот, одаряешь мир своей гениальностью.

Все это унаследовала позднейшая русская культура. Занимаясь XX веком, мы находим неожиданные подтверждения того, что именно риторическая традиция – от Ломоносова до Кошанского – была значима для такого понимания умиления. Что это не фантазийный произвол авторов, а наследие великой аналитической культуры, наследие риторического психологизма. Например, заглянув в последний труд русского великого поэта-символиста и филолога Вячеслава Ивановича Иванова, комментарий к Псалтири [Псалтирь, 1950], можно увидеть, как он часто воспроизводит ту же логику.

Например, Иванов все время комментирует, что Псалтирь писалась как восторг, при том, что закон ровен и равен для всех и, вроде бы, должен быть воспринят как простая общая норма. Но Иванов воспринял пушкинское представление о том, что общая норма может быть и частью испорченной природы, и потому закон восторга вовсе не противоречит нормативным социальным законам, напротив, все низкое в социальной жизни как продолжающее испорченную природу должно быть дополнено возвышенной мечтой в виде слез умиления. Закон Библейский, пишет Иванов, толкуя 50-й псалом, всегда требует возмездия, всегда требует компенсации. Но возникает царь Давид, которому невозможно отомстить за его грех, раз он царь и судья, над ним нет судьи земного. Иванов в своих рассуждениях воспроизводит именно ситуацию автономного субъекта, примерами которого были и Сальери, и герой «Детства» Толстого. Исполнение закона останавливается, возникает область какого-то другого закона.

Этот закон Иванов называет восторгом и умилением. Он подводит читателя к тому, что именно тогда появилась лирическая поэзия почти пушкинского типа. Что принцип «и орлу, и сердцу девы нет закона» – что этот принцип даже не пушкинский, а давидовский. Что не получить возмездие за преступление, а написать покаянный 50-й псалом, это и значит, что царь на радости такой отпустил себя домой.

В своих интерпретациях Вячеслав Иванов показывает царя Давида не как свидетеля, не как просто инструмент в руках Божьего вдохновения, а как настоящего лирика, который умеет быстро сопоставлять, подбирать головокружительные и при этом умиляющие метафоры. Например, небо в псалмах сравнивается с шатром. Небо на шатер похоже только формой, но этот образ, согласно Вячеславу Иванову, умиляет, потому что сразу же говорит о творении рук Божьих, руках Божьих, милости Божьей. Небо оказывается не только образом возвышенного, как изумляющее своей высотой и мощью, но и образом умиления, как трогательно вышедшее из рук Бога. Мы сразу испытываем умиленное переживание – как Лев Толстой при улыбке Карла Ивановича. Бог непосредственно поработал над небом, милостиво, и мы можем это пережить, заплакав о несовершенстве нашей природы в сравнении с совершенством не нормативного, а уникального.

Все эти представления о риторическом остроумии как основе умиления, о том, что умиление может быть по поводу деталей и остроумного их соединения, и что в конце концов оно регулирует поэтому не только монашескую жизнь, но и вполне светскую жизнь человека, у которого обычно меняются настроения и меняется быт – всё это и было переизобретено русской литературой в споре с просветительской мизантропией и как часть прислушивания к вести, не подлежащей порче. Возвышенное как

переживание риторика сменилось умилением как позицией доверчивого к откровению пророка. Новая аналитика возвышенного, превращенная в аналитику индивидуальных слез, была увековечена Львом Толстым, а благодаря Прусту и другим поклонникам Льва Толстого стала одним из важнейших вкладов русской культуры во всемирное духовное наследие.

Библиографические ссылки

1. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов : пер. с фр. М. : Прогресс-Универс, 1995. 456 с.
2. Benveniste E. Le Vocabulaire des institutions indo-européennes. Paris : Minuit, 1969.
3. Марков А. В. Перечисление рыб [Электронный ресурс]. URL: <http://syg.ma/@alieksandr-markov/pieriechislenie-ryb> (дата обращения: 16.09.2016).
4. Марков А. В. Умиление: к бохумскому докладу [Электронный ресурс]. URL: <http://gefter.ru/archive/11124> (дата обращения: 26.10.2016).
5. Михайлов А. В. Обратный перевод. Русская и западноевропейская культура: проблемы взаимосвязей. М. : Языки русской культуры, 2000. 848 с.
6. Псалтирь. Рим : Ватиканская типография, 1950 [коммент. В. И. Иванова].
7. Седакова О. А. Словарь трудных слов из богослужения. М. : ГЛК Ю.А. Шичалина, 2008. 432 с.
8. Файбышенко В. Ю. Риторическое воспитание и новая субъективность // Антропология субъективности и мир современной коммуникации : сб. ст. М. : Рос. ин-т культурологии, 2010. С. 83 – 103.

A. V. Markov

AFFECTION: THE HISTORY OF THE CONCEPT

The paper considers the history of the term "affection", one of the key words for describing strong feelings both in the ascetic tradition and in classical Russian literature. It is proved that this term not only reflected important cultural phenomena, but also partially determined the specifics of novel experiences in Russian literature. This term was not simply a designation of everyday emotions with the help of an exalted word, but it denoted specific rituals of social participation, important for novel narrative, and therefore not so much exploited the category of the sublime as it returned it normativity which is key for literary development.

Keywords: affection, history of concepts, literature philosophy, untranslatability.

ОБ ОДНОЙ НЕИЗВЕСТНОЙ СТУПЕНИ ПРИЗНАНИЯ ИСТИННОСТИ

Статья посвящена предмету как одной из ступеней признания истинности, которая связана с другими ступенями. У предмета конкретные элементы, конкретная структура и конкретная твердость. Его формирование, определяемое единством объективных условий и субъективного фактора, характеризуется конкретными закономерностями. Все эти особенности отражаются в основанных на нем действиях.

Ключевые слова: признание истинности, предмет, субъект, объект, элемент, структура, твердость, формирование, действие.

Введение. Известно, что признание истинности приобретенных сведений делает возможным их использование в активном отношении людей к миру. Оно образуется шестнадцатью ступенями, из которых четыре непосредственно ориентируют на определенные действия. Особенности таких ступеней и связанных с ними действий зависят от соотношения их предметов с целью и базисом осмысления субъекта. Так ступень, чей предмет полностью соответствует цели и полностью соответствует базису осмысления, обладает для него единством ценности и правильности. Ступень, чей предмет полностью соответствует цели и частично соответствует базису осмысления, обладает единством ценности и правдоподобия. Ступень, чей предмет частично соответствует цели и полностью соответствует базису осмысления, обладает единством полезности и правильности. Ступень, чей пред-

мет частично соответствует цели и частично соответствует базису осмысления, обладает единством полезности и правдоподобия. Первая называется очевидностью, вторая верой, четвертая мнением. Каждая характеризуется своей мерой изученности [4, с. 98 – 99].

Третья ступень внимания исследователей пока не привлекает. Поэтому характеризуется не только невыявленностью своих особенностей, но даже отсутствием названия. Тем самым задерживается адекватное представление всего относящегося к признанию истинности в целом. Преодолеть этот недостаток возможно при таком же отношении к ней, какое испытывают три другие ступени отмеченной группы. А поскольку соответствие их предметов цели и базису осмысления субъекта движется здесь по убывающей, и ступень, о которой идет речь, оказывается на порядок выше мнения [4, с. 100 – 101], постольку с некоторой долей условно-

сти ее целесообразно назвать **предмнением**. Далее на основе того, что известно о признании истинности, делается попытка установить исходные особенности этой ступени.

О теоретической основе установления особенностей предмнения. Из единства между целью статьи и средством, намеченным к использованию для ее реализации, следует, что такая основа включает, как минимум, следующее.

Признание истинности относится к субъективной стороне познания. Оно заключается в выводе, который субъект делает на определенных основаниях, что сведение истинно и способно составить информационную модель его действий. Признание истинности сведения и его подлинная истинность – не всегда тождественны. Сведение, признаваемое истинным, может оказаться и ложным. Признание же истинности сведения определяется для субъекта потребностью иметь информационную модель, направляющую его действие. Признанию истинности противоположно сомнение в ней. А поскольку действия людей направлены в будущее, а сами они находятся в настоящем, постольку достаточного доказательства истинности таких сведений непосредственно в процессе действий у них нет. Таким образом, признание ими истинности сочетается с определенной долей сомнения.

Признание истинности испытывает воздействие со стороны типа познания, в котором складывается: обыденного, практического, научного,

художественного. В первом оно может быть недостаточным для дальнейших действий, а его ступень – носить расплывчатый характер. Субъект в этом случае не отдает себе отчет насколько признает истинность приобретенного сведения и на какой ступени совершает это. Во втором и факт признания истинности, и ступень последнего осознаются субъектом более четко. Но лишь применительно к ограниченной цели: изменить конкретное явление, находящееся в определенных пространственных и временных условиях. В третьем то и другое предполагает предельно четкое осознание. Но здесь многое зависит от науки (фундаментальной, прикладной, естественной, гуманитарной, технической), объекта изучения, цели и соответственно изучающего субъекта. В четвертом, составляющем моделирование человеческих действий, то и другое ограничивается потенциальностью. Для субъекта достаточно осознание того, что некоторое сведение может признаваться истинным и признание его истинности может иметь определенную ступень. Соответствующие особенности присущи и его действиям, основанным на признаваемых истинными сведениях как информационных моделях. Действия, основанные на том, что получено в обыденном познании, достигают цели чаще всего через пробы и ошибки. Действия, основанные на том, что получено в практическом познании, достигают ее через предельное суживание объекта. Действия, основанные на сведе-

нии, полученном в научном познании, достигают ее на основе всеобщности последнего, но при условии, что оно действительно адекватно отражает объект. Наконец, действия, основанные на том, что получено в художественном познании, достигают цели вследствие того, что и признание их истинности, и ступень, на которой это происходит, в данных условиях возможны.

Каждая ступень признания истинности накладывает на этот феномен, как целое, свои отпечатки. Они отражают соотношение между мерой признания истинности сведения и мерой сомнения в его истинности. Само же соотношение в каждом случае определяется соотношением соответствия сведения цели и соответствия сведения базису осмысления.

У каждой ступени свой субъект, объект и предмет. Субъект это – тот, кто признает истинность приобретенного сведения, т.е. направляет на него свое признание. В зависимости от условий им может быть либо индивид, либо общность. Соответственно и феномен – ступень признания истинности оказывается либо индивидуальным, либо общественным. Объект составляет явление, отображенное в сведении. Он может быть реальным либо воображаемым. Предмет образуется самим сведением, признаваемым истинным. Его объем способен варьировать в широком диапазоне – от простейшей фразы до сложнейшей теории.

Ступени признания истинности складываются из элементов. Особен-

ности последних зависят от своеобразия феноменов, которые ими образуются. Связь между элементами составляет структуру каждого феномена. Единство элементов и структуры образует его содержание и определяет границы распространения.

Все ступени признания истинности формируются на основе взаимодействия объективных условий и субъективного фактора. Этот процесс протекает в двух направлениях. Одно предполагает выявление меры соответствия сведения цели. Другое – выявление меры его соответствия базису осмысления. В зависимости от соотношения обеих мер, каждая ступень приобретает свою качественную определенность. Но под воздействием некоторых внешних и внутренних причин движение в обоих направлениях может испытывать разлад механизмов и завершиться неадекватными результатами.

Ступени признания истинности обладают твердостью, обеспечивающей положительность психического состояния субъекта и свободу его действий, основанных на содержании сведения, признаваемого истинным как информационной модели. Твердость определяется различными предпосылками, которые объединяются в три группы. Одна касается пути приобретения сведения, которое признается истинным: исследования либо коммуникации. Другая – меры соответствия сведения цели. Третья – меры его соответствия базису осмысления. Мера самой твердости зависит от соотношения между мерой при-

знания истинности сведения и мерой сомнения в его истинности.

Ступени признания истинности взаимосвязаны. Поэтому не исключена их деформация. Последняя может касаться меры признания субъектом соответствия сведения своим цели и базису осмысления, а значит и меры свободы своих действий, основанных на сведении, как информационной модели, и вытекающей отсюда меры положительности психического состояния.

Таковы в общем наиболее значительные составляющие теоретической основы решения намеченной задачи. Естественно, что в его процессе они могут дополняться. Но помимо их учета намеченная задача нерешаема [1, с. 45 – 54; 2, с. 129 – 135; 4, с. 101 – 104].

О сущности предмнения. Как отмечалось, предмнение это – признание истинности сведения, которое частично соответствует цели субъекта и полностью соответствует его базису осмысления. Подобно всякому признанию такого рода оно обладает своими объектом, субъектом, предметом, элементами, структурой, твердостью.

Объектом предмнения служит явление, которое считается реально существующим, воздействующим на окружающее и нуждающимся в преобразовании. Субъектом – индивид, либо группа, которые считают объект реально существующим, воздействующим на окружающее и нуждающимся в преобразовании. Но при этом они представляют себе не весь набор действий, из которых должно

сложиться преобразование, а лишь отдельные из них. В зависимости от пределов субъекта, предмнение может быть индивидуальным либо общественным, причем последнее подчас способно охватывать сознание широких объединений, в том числе социальных, профессиональных, этнических и т.д. Предмет предмнения складывается из собственно сведения, признаваемого истинным. Он частично соответствует цели субъекта (преобразовать объект) и полностью соответствует его базису осмысления (в том числе представлению, что объект может существовать и нуждаться в преобразовании) и таким образом характеризуется единством полезности и правильности. Первая обеспечивает возможность достичь отдельные фрагменты цели, но не всю ее. Вторая составляет основание считать, что объект существует и нуждается в преобразовании.

Элементы предмнения это – то, из чего оно, в качестве ступени признания истинности складывается. Они обнаруживаются на основе единства полезности и правильности, как основных свойств его предмета.

Одним из искомых элементов оказывается **убежденность в полезности предмета предмнения** – убежденность, не являющаяся абсолютной, а сочетающаяся с определенной долей сомневаемости в полезности. Причина в том, что она подтверждается либо опровергается непосредственно в действии, направленном на достижение цели и основанном на предмете предмнения как информационной мо-

дели. Поэтому избавиться от такого сочетания возможно только после завершения действия. Но информационная модель последнего становится тогда ненужной.

Другим искомым элементом является **констатация правильности предмета предмнения**. Причем, подобно первому элементу она также не обладает абсолютностью, а сочетается с определенной долей сомневаемости в правильности предмета предмнения. И причина этого – та же.

Взаимосвязь двух элементов подводит субъекта к действиям, основанным на предмете предмнения. Поэтому субъект не имеет оснований сомневаться в возможности истинности последнего. Тем самым первый и второй его элементы обуславливают существование третьего. Им оказывается **несомневаемость в возможности истинности предмета предмнения**.

Убежденность в полезности (а не ценности) предмета предмнения сдерживает его распространение в сознании. Констатация правильности, напротив, способствует такому распространению. Несомневаемость в возможности истинности связана с обеими тенденциями, ибо вытекает из их единства. Эти тенденции взаимно уравнивают друг друга, обеспечивая существование предмнения как более или менее целостного и стабильного феномена.

Все элементы характеризуются твердостью, проявляющуюся через определенность их свойств. Иначе говоря, чем такие свойства определеннее, тем они тверже. При этом

твердость каждого элемента имеет свои детерминанты.

Так у убежденности в полезности предмета предмнения ею вступает стремление субъекта к реализации цели – реализации, основанной на таком предмете как информационной модели. У констатации правильности предмета предмнения – согласованность с базисом осмысления субъекта. У несомневаемости в возможности истинности предмета предмнения – согласованность между двумя предыдущими элементами. От единства твердости всех элементов зависит твердость предмнения в целом, которая также проявляется через определенность его свойств.

Учитывая отмеченные особенности элементов предмнения, обнаруживаем особенности его структуры, составляющие которой объединяются в три (по числу элементов) группы. Одна образуется связями убежденности в полезности предмета предмнения с констатацией его правильности и несомневаемостью в возможности его истинности. Другая – связями констатации правильности с убежденностью в полезности и несомневаемостью в возможности истинности. Третья – связями несомневаемости в возможности истинности с констатацией правильности и убежденностью в полезности. Сопоставление содержания этих групп показывает следующее.

Воздействие первого элемента на второй и третий может понизить степень убежденности субъекта в их наличии. Воздействие второго эле-

мента на первый и третий может понизить степень убежденности субъекта в наличии первого и повысить степень его убежденности в наличии третьего. Воздействие третьего элемента на первый и второй может повысить степень убежденности субъекта в наличии обоих.

О формировании предмнения.

Как известно, причастность субъекта к касающемуся его процессу может быть целенаправленной и нецеленаправленной. В первом случае субъект принимает в процессе определенное участие. Во втором – процесс совершается помимо него. Далее в связи с заданностью объема настоящего материала рассматривается только целенаправленный вариант формирования предмета предмнения. Его направленность видна на основе содержания того, что формируется – совокупности элементов и структуры рассматриваемого феномена. При этом, как показывает единство цели субъекта, его базиса осмысления и совершаемых им действий, формирование затрагивает все формирующееся одновременно. Однако его дальнейшее рассмотрение носит поэтапный, последовательный характер, ибо отразить все этапы сразу невозможно.

Поскольку предмнение включает убежденность в полезности своего предмета, констатацию его правильности, несомневаемость в возможности его истинности, а также структуру как связь между этими элементами, постольку оно может считаться сформировавшимся после того, как субъект констатирует появ-

ление всего отмеченного. Причем, подобно формированию всякого общественного явления, это предполагает единство объективных условий и субъективного фактора. Первые, как известно, включают совокупность того, что к началу формирования уже имеется налицо и способствует этому процессу. В данном случае речь идет, прежде всего, о цели субъекта, его базисе осмысления, исходном сведении, которым располагает субъект и которому предстоит стать предметом предмнения. Второй выражает способность субъекта к действиям, через которые предмнение формируется. К его составляющим относятся прежде всего осознание субъектом объективных условий как того, что порождает необходимость в информационной модели планируемого действия, представление содержания последнего, способность различать возможное и невозможное.

Единство объективных условий и субъективного фактора обеспечивает процессуальную выраженность формирования предмнения, включающую конкретные операции. Одна из них предполагает установление наличия или отсутствия убежденности в полезности исходного суждения. Оно включает соотнесение последнего с целью субъекта. Если результатом становится их полное либо нулевое соответствие, то убежденность в полезности исходного суждения исключается. Если соответствие оказывается частичным, безотносительно к его количественной выраженности, то искомая убежденность может считаться имеющейся налицо.

Однако возможен так называемый разлад механизма проводимой операции. Его следствие может быть двояким. Либо сложившаяся убежденность в полезности исходного суждения, будучи таковой в действительности, субъектом не признается. Либо, субъект оказывается убежденным в такой полезности, хотя на деле она отсутствует. В любом случае субъекту приходится отказаться от намеченного действия. На основе особенностей составляющих объективных условий и субъективного фактора рассматриваемого процесса, а также цели, ради которой предмнение формируется, видно, что этот разлад порождает, как минимум, следующие причины.

1. Неадекватность постановки субъектом своей цели, в частности, ее направленность на невозможное. Если при этом исходное сведение отображает реальный процесс, то оно отбрасывается как расходящееся с целью.

2. Неадекватность отражения в сознании субъекта условий достижения цели. Если в исходном сведении отображается реальный процесс, а условиям приписывается то, что в них отсутствует, то первое отбрасывается как не соответствующее последнему.

3. Недостаточная способность субъекта к оперированию правилами логики. Вследствие этого – недостаточная корректность его умозаключений.

4. Неспособность субъекта к строгому разграничению возможного

и невозможного. Недостаточно обособленное расширение границ первого и суживание границ последнего.

5. Совершаемое извне чувственно-эмоциональное воздействие на субъекта. В результате субъект испытывает чрезмерные радость, удовольствие, подавленность, страх и т.д., влекущие сдерживание его мыслительных действий и расхождение их результатов с подлинным положением.

Другая операция предполагает формирование констатации правильности исходного сведения. Она представляет собой соотнесение последнего с базисом осмысления субъекта. Ее результатом должно быть установление их полного соответствия. При установлении других количественных показателей последнего складывание предмнения исключается.

Как и в предыдущей операции здесь возможен разлад механизма, ведущий к неадекватному результату. На основе особенностей, с одной стороны, объективных условий и субъективного фактора, а с другой, соотносимых феноменов, видим, что его порождает, прежде всего, следующие причины.

1. Искаженное представление субъектом особенностей феномена соответствия. Либо – отнесение к ним того, что в них отсутствует, либо – игнорирование того, что в них наличествует.

2. Искаженное представление субъектом содержания своего базиса осмысления. В частности, причисление к нему того, чего в нем нет, либо – игнорирование того, что в нем есть.

3. Недостаточная способность субъекта к оперированию правилами логики. Как следствие этого – недостаточная корректность его умозаключений.

4. Недостаточная способность субъекта к разграничению возможного и невозможного. Необоснованное расширение границ первого и суживание границ второго.

5. Испытывание субъектом чувственно-эмоционального воздействия извне. Появление у него положительных либо отрицательных эмоций, не соответствующих мыслительным действиям. В результате – торможение последних и складывание в сознании недостаточно обоснованных образов.

Если по завершении обеих операций субъект приходит к выводу, что каких-либо отступлений от правил не допустил, то получает основание считать первый и второй элементы сложившимися. Третья операция, направленная на формирование несомневаемости в возможности истинности исходного сведения, как видно из взаимосвязи элементов целенаправленно не совершается. Несомневаемость в возможности истинности исходного сведения складывается нецеленаправленно на основе появления убежденности в его полезности и констатации его правильности, а также на основе взаимодействия между ними. Иначе говоря: формирование первого и второго элементов предмнения есть вместе с тем формирование и третьего его элемента. Естественно, что в последнем не исключены отрицательные

следствия разлада механизма, имевшие место при формировании двух предыдущих элементов. С одной стороны, они могут содержать в снятом виде то, что неотделимо от формирования убежденности в ценности исходного сведения и констатации его правильности. С другой – приобрести то, что связано с нецеленаправленным формированием несомневаемости в возможности истинности исходного сведения. Именно вследствие нецеленаправленности последнего такое приобретение оказывается менее заметным нежели то, которое связано с формированием первого и второго элементов. В этом заключается одно из выражений его неблагоприятного влияния на дальнейшие действия субъекта, чью основу составит предмет будущего предмнения.

Что до формирования структуры предмнения, то на основе всего отмеченного в нем обнаруживается следующее. По своей направленности оно неотделимо от формирования элементов, ибо совершается в процессе последнего. Его порядок таков, что при наличии первого элемента структура еще отсутствует. При наличии первого и второго – а следовательно и третьего, ибо он складывается по мере складывания обоих – существует полностью. Соответственно и ее изменения, в том числе приводящие к появлению упомянутых систем, возможны только на основе полного существования. Сами же системы образуются в зависимости, с одной стороны, от цели субъек-

екта и, при возможности, ее количественной выраженности. С другой – от количественных выраженностей элементов.

Как отмечалось, формирование предмнения основывается на единстве объективных условий и субъективного фактора. То и другое имеют место на протяжении всего процесса. Однако степень их осознания на различных этапах последнего может быть различной. Наиболее высока она при целенаправленных действиях субъекта, ориентированных на формирование первого и второго элементов. Наименее – при формировании того, что целенаправленности не предполагает.

Наконец, разлады механизмов, связанные с формированием первого и второго элементов, а также их следствий, косвенно затрагивают и формирование всего остального. Но применительно к нему их осознание может быть чрезвычайно малым, либо вообще отсутствовать.

О предмнении как основе действий. Предмнение выступает в данном случае ступенью признания истинности информационной модели, направляющей действия – прежде всего познавательные, совершаемые на определенных ступенях (чувственной и логической), в определенных направлениях (исследования и коммуникации), объединенные в определенные типы (обыденный, практический, научный, художественный) и преобразовательные (реальные и воображаемые). Как следует из предыдущего, к их особенно-

стям относится, во-первых, **ограниченность**. Они направлены на достижение не всей цели, а лишь отдельных ее составляющих, ибо их информационная модель в качестве предмета предмнения обладает для субъекта не ценностью, а только полезностью, обусловленной меньшей мерой познания, которой познаваемый (познанный) объект мысленно наделяется им. Чтобы действия полностью достигли цели, нужна информационная модель – предмет более высокой ступени признания истинности, в частности очевидности либо веры.

Могут, правда, возразить, что отдельных действий эта особенность не касается, сославшись на возможность расширения их информационных моделей с помощью фантазии. Речь идет прежде всего о действиях, связанных с обыденным и художественным познанием, а также с воображаемым преобразованием. Но такое возражение было бы безосновательным, ибо информационная модель, будучи расширенной, в том числе с помощью фантазии отражает более высокую меру познания объекта и становится тем самым предметом уже не предмнения, а упомянутой выше более высокой ступени признания истинности.

Во-вторых, **характер и мера свободы**, которую субъект чувствует в процессе их совершения и которая, в конечном счете, обусловлена мерой познания объекта – мерой, воплощающейся затем в содержании информационной модели воздей-

ствия на него. При этом речь идет об обоих ее аспектах: негативном («свободе от» как независимости от внешних принуждений) и позитивном («свободе для» как способности принимать решения со знанием дела). Так мера «свободы для» совпадает здесь с мерой «свободы для» действия, основанного на информационной модели – предмете очевидности и оказывается на порядок выше меры «свободы для», основанного на информационной модели – предмете веры и предмете мнения. Однако мера «свободы от» оказывается на порядок ниже меры «свободы от» действия, основанного на информационной модели – предмете очевидности и предмете веры. Совпадает же она с мерой «свободы от» действия, основанного на информационной модели – предмете мнения.

В-третьих, **своеобразие психического состояния субъекта при их совершении.** Известно, что психическое состояние есть единство ментальных особенностей человека, сложившихся применительно к определенному пространству и определенному времени – единство, которое, с одной стороны, непосредственно детерминируется особенностями его психики, а, с другой – непосредственно детерминирует особенности его отношения к себе и к миру. При этом, поскольку психика есть вид отражения, постольку психическое состояние имеет и опосредованную детерминанту. Она складывается из единства окружающих явлений и вызываемых ими потребностей своего носителя – единства,

затрагивающего его бытие и отражающегося в его психике [3, с. 24 – 25]. При этом динамика психического состояния фиксируется по степени его благоприятности для конкретных действий. Переноса все это на обсуждаемый вопрос, обнаруживаем следующее. Степень благоприятности психического состояния в общем совпадает здесь со степенью благоприятности психического состояния, порождаемого действиями, которые основаны на информационных моделях – предметах мнения. В частности – может иметь дополнения, зависящие от особенностей свободы, чувствуемой субъектом. Так, совпадение степени «свободы для», которую чувствует субъект при действиях, основанных на информационной модели – предмете очевидности, может, по крайней мере косвенно, способствовать возрастанию степени благоприятности психического состояния. Что до степени «свободы от», то вследствие совпадения своей степени со степенью «свободы от» действий, основанных на информационной модели – предмете мнения, то она какому-либо возрастанию степени благоприятности психического состояния не способствует. Поэтому чего-либо нового здесь нет.

Заключение. Как ступень признания истинности информационной модели действия предмнение уступает очевидности и вере. Но оно предпочтительнее мнения. При возможности выбора целесообразно использовать именно его. Это способно повысить меру свободы действий субъек-

екта и меру благоприятности его психического состояния.

Содержание статьи основывается на результатах соотнесения предмнения с очевидностью, верой и мнением. Кроме них, признание истинности имеет другие ступени, с ко-

торыми предмнение также предполагает соотнесение. Но для него нужны дополнительные основания, которые пока недостаточны. Поэтому не исключено, что в будущем некоторые положения, представленные здесь, могут потребовать корректировки.

Библиографические ссылки

1. Андриюшенко М. Т., Александрова О. С. Признание истинности: в чем его предел? // Философия и общество. 2003. № 2. С. 43 – 62.
2. Андриюшенко М. Т. Очерки по теории познания. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2005. Ч. 2. 157 с.
3. Андриюшенко М. Т. Психическое состояние и вера. Владимир : Изд-во ВлГУ, 2009. 215 с.
4. Андриюшенко М. Т. Познанность: от традиционного видения к нетрадиционному // Вестник ВлГУ. Социальные и гуманитарные науки. 2015. № 4 (8). С. 94 – 105.

М. Т. Andrjuschenko

AN UNKNOWN STEP OF RECOGNITION OF TRUTH

The article studies Pre-opinion as a step of recognition of truth, which is connected which other steps. Pre-opinion has concrete elements, concrete structure, and concrete hardness. Its formation is based on unity of objective conditions and subjective factor. These peculiarities are reflected in action, which is based on them.

Keywords: recognition of truth, pre-opinion, subject, object, element, structure, hardness, forming, action.

УДК 17+16/236+299+293

Н. И. Петев

РЕЦЕПЦИЯ ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИХ ОБРАЗОВ И ПРАВСТВЕННАЯ РЕФЛЕКСИЯ

Статья посвящена рассмотрению процесса рецепции эсхато-апокалиптических символов, присущих многим религиозным концепциям, а также последующей нравственной рефлексии индивидуума. Данный вопрос рас-

смотрен в рамках нравственной парадигмы. Проведён сравнительный анализ различных апокалиптических систем, которые имеют различные по своему появлению время и место в истории человечества. Образы и символика онтологического разрушения бытия имеют особую специфику, что усложняет или делает невозможным точную и однозначную их дефиницию.

Ключевые слова: рецепция, апперцепция, нравственная рефлексия, мораль, символы, образы, «Откровение» Иоанна Богослова, Регнарёк, апокалиптика, эсхатология.

Прежде чем описать особенности рецепции и нравственной рефлексии индивидуума, связанные с эсхатологическими образами, необходимо обратиться непосредственно к специфике самих апокалиптических текстов. Рассматривая текст «Откровения» Иоанна Богослова, можно отметить три присущие ему особенности. Во-первых, это высокая степень символичности и аллегоричности текста. Во-вторых, архитектоника «Откровения» кажется несистематичной и неструктурированной. В-третьих, Апокалипсис Иоанна Богослова имеет нравственный примат. Все эти три особенности также присущи остальным эсхато-апокалиптическим системам в разной степени, учитывая специфику каждой.

А. Мень рассматривая «Откровение», отмечает, что оно представляет собой «символическое изображение сущности исторического Процесса» [9, с. 323]. Отметим, что и другие эсхато-апокалиптические учения также представляют собой интерпретацию онтологического движения бытия, и как итог, разрушение его архитектоники (в основном материального). Одними из ярчайших концепций являются учения о конеч-

ном существовании мира у зороастрийцев и Регнарёке скандинавских племён.

Возвращаясь к вопросу о специфике «Откровения» Иоанна Богослова, стоит акцентировать внимание на том, что данный текст включает в себя многообразие символики, семантики, криптограмм, аллегорий и другого с целью поразить воображение индивидуума картиной [9, с. 323 – 324]. Дело в том, что язык имеет определённые ограничения. Как отмечает М. Бахтин: «Единое и единственное бытие-событие и поступок, ему причастный, принципиально выразимы, но фактически это очень трудная задача, и полная адекватность не достижима, но всегда задана» [1, с. 31]. Многообразие символики, которая присутствует в эсхатологических текстах, обладает конкретным внутренним содержанием, однако ввиду сложности когнитивной апперцепции индивидуумом, оно имеет символический коррелят. Р. Генон отмечает, что «символика как таковая поистине “интуитивна”, и вполне естественно, что в силу этого она несравнимо более пригодна, нежели язык, к тому, чтобы служить точкой опоры для интеллектуальной

и сверхрациональной интуиции» [3, с. 252]. Что касается символизма в тексте, то здесь возникают сложности трактовки, так как единства слова нет, и его появление в контексте предполагает смысловое многообразие, хотя и истинное значение имманентно присутствует в нём [19, с. 79-80].

Данное рассуждение касается не только христианской концепции онтологического разрушения мироздания, но и иных эсхатологических картин. Например, текст «Старшей Эдды», описывающий последнюю битву добра и зла, имеет определённые символические элементы¹. Отметим, что апокалиптический контекст встречается не только в «Прорицании вёльвы», непосредственно описывающий гибель мира, но и в других сагах и песнях, где можно найти упоминание либо намёк на данный феномен². Эсхатологический

¹ Например, описание трепещущего Иггдрасиля [6, с. 34] символизирует хаос и приближение эсхатологического разрушения архитектоники бытия. Также символична фраза «треснут щиты» [там же, с. 33]. Она репрезентует одну из основных идей Регнарёка – разрушение единства. Можно предположить, что в данном контексте речь идёт о щите как символе дома или племени (аналогия с геральдическим щитом), то есть вражда поглощает каждого, даже если они когда-то были одной семьёй или верными друзьями, теперь они могут быть заклятыми врагами.

² «Речи Гримнира» есть описание, в котором сказано, что корни Иггдрасиля грызут змеи, ствол гниёт, а листву объедают олени [там же, с. 89 – 90]. Змеи – это зло и грех, которые поражают основу мироздания, т. е. корень Мирового Древа.

символизм также присущ религиозным концепциям индейцев Месоамерики. Здесь символы связаны с жертвоприношением и жертвенностью, которые предполагают поддержание баланса космических сил и сохранения бытия³. Тем не менее, несмотря на свои специфические элементы и символы, описание эсхатологического разрушения бытия схоже с христианской и исламской концепциями.

Гниющий ствол указывает на то, что яд зла проник во все сферы бытия и все миры, которые само древо и символизирует, и разлагает его. Очень интересна символика оленей. Дело в том, что символизм оленя по своему внутреннему содержанию имеет положительный характер, символ божественного (например, у кельтов). Можно предположить, что данный символ говорит о том, что и сами боги своими действиями ведут мир к гибели. Х. Гербер отмечает, что боги были несовершенны и обречены на смерть, они смирились со злом, которое присутствует среди них, и часто поступались своими ценностями [4, с. 289].

³ «Символ Пятого Солнца, то есть нынешней эпохи, является лицо солнечного бога Тонатлиу. Его язык, изображённый в виде обсидианового ножа, жадно вытянут наружу, указывая на потребность в насыщении человеческой кровью и сердцами. Лицо его покрыто морщинами, что указывает на преклонный возраст, а сам он заключён в символ оллина, обозначающий движение» [2, с. 193]. Кроме того можно отметить символическое значение двух календарей майя – тцолкин и хааб, – олицетворяющих одновременно образ шестерёнок часов, где люди и боги – движущийся механизм, и также два жернова, которые перемалывая жертвы, питают богов. Обе интерпретации отображают идею сохранения баланса космических сил и вселенной в целом.

Что касается вопроса построения текста, то необходимо отметить, что хотя элементы текста и кажутся несогласованными, но такая специфика характеризуется сакральным субстратом этого текста. Например, архитектура «Откровения» указывает на экстатическое состояние Иоанна Богослова в тот момент, когда он получает откровение, которое подобно сновидению [14, с. 75]. Особенность «Откровения» – это одна картина в другой⁴, что отсылает читателя к идее сакральности «Апокалипсиса». Анализируя Регнарёк в «Старшей Эдде», можно заметить некую недосказанность, резкие переходы от сюжета к сюжету, что характеризует «Прорицание вёльвы» как сакральный текст, так как Один получил прорицание именно как апокалиптическое откровение, то есть как общую картину будущего. При этом в обоих вышеописанных случаях отсутствуют онтологические рамки времени и пространства. Апперцепция и рецепция эсхатологических концепций создаёт нуминозную картину, которая в дальнейшем влияет на акты-поступки человека, в том числе и его мысли.

Третий аспект, который мы отметили выше – внутреннее содержание текста – имеет нравственный примат. Дело в том, что каждая апо-

⁴ Соединение нескольких текстов внутри одного дела делает все целое композиционно несколько тяжеловесным и рыхлым: одни мысли повторяются многократно, другие же только намечаются и не развиваются в дальнейшем [18, с. 24].

калиптическая концепция предполагает причиной онтологической деструкции именно нарушение законов, правил и утрату ценностей, установленных в период генезиса. И законы, и правила, и нравственные ценности – моральная основа бытия. Эсхатологический коррелят учений и теорий указывает на их особую важность для индивида именно в конкретный момент его экзистенции, здесь и сейчас. Эти элементы нравственности имеют имплицитный характер, поэтому требуют вычленения из общего контекста. При этом обязательно нужно учитывать момент нуминозного в транскрибированном тексте⁵.

Тексты эсхатологических учений сами по себе представляют собой один монолитный символ⁶, который есть «соответствие между всеми уровнями реальности, связывающее их друг с другом и простирающееся, стало быть, от естественного до сверхъестественного» [3, с. 253]. Это в равной степени относится и к отдельным символам, однако весь текст есть один монолитный образ, который формирует картину бытия. Рецепция человеком такого всеобъемлющего феномена индивидуальна ввиду ограниченности когнитивных спо-

⁵ Это необходимо по той причине, что не всякое явление сводится к морали [12, с. 12]. Есть иные моменты и феномены, не сводимые ни к морали в человеческом понимании, ни к его гносеологическому опыту.

⁶ Яркий пример «Откровение» Иоанна Богослова, сам текст символ конечности бытия. Это «философия конца» [13, с. 15].

собностей и эмпирических данных, а также глубины имеющихся знаний. Поэтому интерпретация одного и того же текста может быть кардинально разной в зависимости от интуитивных ощущений и эмпирических данных (сравнительный метод)⁷.

Ввиду подобной специфики текста возникает проблема анализа и толкования отдельных символов. Вычленение их из текста и интерпретация как отдельных элементов не только не приносит положительных результатов, но может привести к заблуждению и ошибке. Понять каждый образ и символ можно лишь в контексте, неотделимо от целого [18, с. 67]. В ином случае репрезентация индивидуумом может быть слишком абстрактной и бессодержательной, или, что ещё хуже, происходит формирование и рецепция идей, которые не соотносятся с общим контекстом.

Необходимо отметить, что эсхато-апокалиптические тексты носят характер «écriture». Они «живут» отдельно от автора, независимо от него [18, с. 39]. Ярким примером является «Откровение» Иоанна Богослова. Что касается таких апокалиптических систем, как Регнарёк скандинавских плёмен или гибель мира индейцев Месоамерики, то эти концепции необходимо рассматривать в парадигме мифологемы, которая как таковая не может иметь автора, ввиду

⁷ «Ибо интуиция обретает надёжность лишь на основе удостоверяющего ее сравнения, поскольку без него она может оказаться фантазией; сравнительный же не обеспечивает единства» [18, с. 156].

того что корни её глубоки и она является творением и достоянием всего народа. Хотя носителями и являлись избранные лица, но тем не менее генезис мифологии нельзя приписать кому-то конкретному.

Образы эсхатологических концепций, особенно имеющие апокалиптический коррелят, универсальны. Они не поддаются однозначной детерминации или дефиниции. Подобно добру и злу, которые символы презентуют в тексте, они одновременно просты и неразложимы на отдельные элементы, но в то же время, имея трансцендентное значение, сложны для понимания⁸. Составные элементы (атрибуты) необходимы для эффективной апперцепции, репрезентации и рецепции внутреннего содержания индивидуумом. Р. Генон отмечает, что символику необходимо видеть в универсальном проявлении, так как она не имеет исторического происхождения [3, с. 253 – 254].

Ввиду такой особенности символы часто представляются как некие абстрактные и недетерминированные «тени». Но в действительности всё кардинально противоположно данному суждению. Дело в том, что человек способен чётко воспринять только определённое количество об-

⁸ Например, добро невозможно чётко определить, так как это понятие простое и его невозможно разделить на составные части для дефиниции [11, с. 63 – 64]. Подобное относится и к образам, его истинное значение раскрывается в целом, его элементы не отображают внутреннее содержание в целом. Хотя и немаловажны для целого.

разов, однако «если количество образов превышает это число, то образы начинают смешиваться; а если количество образов сильно превышает число образов, способных отчетливо образоваться одновременно, то они все совершенно смешиваются между собой» [16, с. 98 – 99]. Поэтому символы имеют такую форму, которая была бы доступна для каждого, несмотря на множество своего внутреннего содержания. Это указывает не на их несостоятельность, а скорее на ограниченность индивидуума. Образы и их атрибуты, как бы это парадоксально не казалось, абстрактны только ввиду ограниченности человека и одновременно своей собственной всеобщности.

Отметим, что у каждого человека есть своя определённая система ценностей. Она включает в себя личностные, социальные, абсолютные и другие ценности. В целом их можно разделить на объективные и субъективные [8, с. 34]. Кроме того, у каждого индивидуума свои психологические и гносеологические установки. Всё это влияет на его перцепцию и апперцепцию окружающего мироздания, а также на последующую рецепцию. Особенностью человека является репрезентация наиболее близкого для него представления, поэтому, когда на него действует множество символов или их комплекс, при ассоциации будет возникать та идея, которая чаще впечатляла человека [16, с. 99]. Аналогично происходит и с эсхато-апокалиптическими символами. Всеобщность символов позво-

ляет каждому индивиду найти именно те, которые наиболее близки именно ему. При этом такая всеобщность не сопутствует потере ценностного вектора символики.

Символ, проникая в сознание человека, реконструируется в соответствии с особенностями самого индивиду. Иными словами, символ в целом, а также его атрибуты интерпретируются в соответствии с набором установок⁹. Стоит отметить, что рецепция символизма, так как символы имеют нуминозный характер, не рациональна. Их невозможно понять разумом, на них можно только указать иными путями [12, с. 18]. Это сфера интуитивно-чувственных знаний, которые возможны только в случае переживания опыта в «самом себе». Всё это вызывает проблему интерпретации символов, так как моменты нуминозного, которые переживает индивидуум при встрече с «совершенно иным», не рациональны, и поэтому невозможны чистые научные знания [12, с. 41]. Транспозиция интуитивных данных в научные – сложный процесс, часто вообще невозможный, ввиду лингвистических ограничений человека, а также необходимости научной дефиниции информации. Из вышесказанного можно предположить, что символы эсхато-апокалиптических концепций являются своеобразными архетипами. Они позволяют индивиду погру-

⁹ Один толкователь отметит в символе психологический субстрат, другой – исторический, третий – нравственный и т. д.

зиться в себя, то есть совершить восхождение к «зародышу» личностной ценности, а также к центру, где бытие организует себя [19, с. 20].

По завершении процессов апперцепции на подсознательном уровне индивидуума происходит рецепция символов. Даже если отсутствует непосредственный контакт с текстом образы остаются на бессознательном уровне. Их пробуждение может быть вызвано каким-либо актом или ситуацией. Актом может являться не только действие, но и мысль [1, с. 8]. Отметим, что в сознании возникает не сам образ, а внутренняя нагрузка, которую он содержит¹⁰. Самое интересное, что воздействие символики в последующей аналогичной ситуации может быть сильнее, чем при первом непосредственном контакте или апперцепции. Б. Спиноза отмечает, что «представление воображения есть идея, в которой душа созерцает вещь как бы присутствующей, но которая, однако, указывает более состояние человеческого тела, чем природу внешней вещи» [16, с. 222].

Дело в том, что некие условия способствуют более интенсивной аналогии, которая связана с внутренним приматом символов. Эсхатапокалиптические образы связаны с моральной проблематикой, поэтому символика имеет нравственный суб-

страт. Парадигма возникающих аналогий находится в сфере вопросов добра и зла. Отметим, что нравственные установки, проникая в сознание, постепенно становятся частью его рефлексии, то есть ответной реакцией на внешний раздражитель.

Та или иная ситуация требует от индивидуума ответной реакции. Эсхатологическая символика вызывает интуитивную рефлекторную реакцию, так как происходит столкновение нравственных установок индивида с отрицательными и положительными ценностями, которые имплицитно присутствуют в тексте. Отрицательная символика вызывает и стимулирует отвращение к тому, что олицетворяет собой всё аморальное (зло, грех, порок, нарушение клятвы, умаление ценностей и т. д.). Дело в том, что «каждая вещь, насколько от нее зависит, стремится сохранить свое существование» [16, с. 130] и душа будет воображать то, что содействует ей, а если присутствует то, что производит обратный эффект, то она будет всячески стараться избавиться от этого образа [16, с. 135 – 136]. Поэтому отрицательные образы вызывают стремление избавиться от них, ввиду их деструктивного характера по отношению к индивидууму.

Сложнее обстоит дело в дефиниции ценностного вектора образов в тексте. Особенно это отягощается тем, что, несмотря на связь между добром и эстетическим понятием прекрасного [11, с. 296], апокалиптические отрицательные образы могут

¹⁰ Возможно, сам художественный образ может быть отсечён, ввиду того что сознание детерминирует его вторичным по сравнению с идеей, которую символ содержит.

обладать характеристиками эстетических идеалов. Например, скандинавский бог Локи: «Локи пригож и красив собою, но злобен нравом и очень переменчив» [17, с. 31]. Или образ Антихриста в «Откровении» Иоанна Богослова: «Он будет внешне весьма привлекателен и обворожителен» [10, с. 500]. Кроме того, ангел Люцифер был самым прекрасным из всего ангельского войска. Всё это говорит о том, что эстетического описания недостаточно для ценностной детерминации образов. Для чёткой детерминации необходим глубокий анализ. Однако стоит сделать ремарку: образы, носящие положительную ценность, также обладают красотой, но красотой иной сферы – духовной. Роль отрицательных образов немало важна, именно они, являясь антагонистами добра, способствуют рецепции моральных ценностей¹¹.

Необходимо отметить, что особый процесс рецепции моральных ценностей происходит в сознании индивида, имеющего индифферентные нравственные установки. Естественно, что нет индивидуума, который полностью сохранял бы нравственную нейтральность, однако феномен «сомневающихся» или «не определившихся» имеет место быть¹². Выбор человека зачастую определя-

¹¹ Существование некоторых хороших вещей зависит от познания того, что есть зло [11, с. 314].

¹² Каждый человек склонен больше к моральному или аморальному поведению, однако это не исключает возможности изменения как в лучшую, так и худшую сторону.

ется не тем, как много он знает, а как логически он рассуждает при наличии имеющейся информации [15, с. 350]. Ввиду этого человек может приходиться к неверным выводам и совершать некорректные поступки, особенно если у него нет чёткой структурированной нравственной системы (установки). В процессе рецепции эсхатологической символики происходит аннигиляция положительных и отрицательных образов, которая приводит к становлению новой системы ценностей. Ее архитектоника зависит от особенностей и специфических качеств, а также установок индивидуума. Однако этиологическая направленность этого процесса заключается в становлении человека как нравственно ответственного индивида. К сожалению, это не исключает и обратного эффекта, а именно возникновения девиантного образа мышления и поведения, причина которых кроется в установках индивидуума, неверных выводах и интерпретации символики и текста, в отсутствии необходимых знаний и подготовки и т. д.

Следующее, на что необходимо обратить внимание – это ситуация, при которой индивидуумом перевозносятся отрицательные образы, имеющие негативную нравственную нагрузку. Это происходит ввиду специфических качеств подобных образов:

1. Эти символы яркие и запоминающиеся, так как олицетворяют собой образ «ужасного», а согласно идее контраст-гармонии Р. Отто: чем страшнее, тем более притягательно [12, с. 59].

2. Зло больше привлекает внимание, так как в общей онтологической системе его меньше [7, с. 306]. Иными словами, оно привлекает внимание тем, что выделяется из общей тенденции.

3. Мимикрия и маскировка. И. А. Ильин отмечает, что зло легче проникает в душу, прокладывая и увлекая, чем ломая и насилуя, и зачастую надевает личину добра для более лёгкого внедрения [5, с. 78].

4. Утилитарный характер. Все эсхато-апокалиптические символы, имеющие в себе отрицательное ценностное содержание, предполагают тенденцию преобладания материальных благ над духовными.

Отрицательные образы ведут к разложению ценностной системы индивида.

Положительные символы, кроме функции становления ценностной системы, также способны производить корректировку нравственной деривации. Они способствуют осмыслению

внутреннего содержания отрицательных образов, пресекая стремление к негативному и вызывая рефлекторное неприятие и отвращение.

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что образы и символы эсхато-апокалиптических текстов являются стимуляторами становления и корректировки системы нравственных и иных ценностей индивидуума. Их специфика позволяет воздействовать на подсознание, а затем на сознание человека. Это выражается в нравственной ответственности за поступки, действия и мысли человека. Несмотря на многозначность символов и их специфическое описание в тексте, внутреннее содержание является доступным для индивида через интуитивное восприятие и логический анализ. Процесс рецепции символики часто зависит от индивида, что не исключает некорректной интерпретации, поэтому необходима подготовка для корректной апперцепции и толкования.

Библиографические ссылки

1. Бахтин М. М. Собрание сочинений. В 7 т. Т. 1. М. : Русские словари, 2003. 956 с.
2. Белов Н. В. 2012. Апокалиптические пророчества мая. Минск : Харвест, 2009. 256 с.
3. Генон Р. Кризис современного мира. М. : ЭКСМО, 2008. 784 с.
4. Гербер Хелен. Мифы Северной Европы. М. : Центрполиграф, 2008. 346 с.
5. Ильин И. А. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 5. М. : Русская книга, 1996. 608 с.
6. Исландский Эпос. Старшая Эдда / пер. А. Корсуна. СПб. Азбука-классика, 2008. 464 с.
7. Лейбниц Г. В. Сочинения. В 4 т. Т. 4. М. : Мысль, 1989. 554 с.
8. Матвеев П. Е. Моральные ценности. Владимир : Изд-во Владим. гос. ун-та, 2004. 190 с.

9. Мень, А. Библиологический словарь. М. : Фонд имени Александра Меня, 2002. Т. 2. 558 с.
10. Моленко О. Богословские вопросы. Апокалипсис. Пророчества. М. : Памятники исторической мысли, 2007. 800 с.
11. Мур Джордж Эдуард. Принципы этики. М. : Прогресс, 1984. 327 с.
12. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2008. 272 с.
13. Прот. Булгаков Сергей. Апокалипсис Иоанна. М. : Отрада и утешение, 1991. 151 с.
14. Прот. Фаст Геннадий. Толкование на Апокалипсис. Красноярск : Енисейский благовест, 2004. 496 с.
15. Ролз Дж. Теория справедливости. Новосибирск : Изд-во Новосиб. ун-та, 1995. 513 с.
16. Спиноза Б. Этика. М. : АСТ, 2001. 336 с.
17. Стурлусон Снорри. Младшая Эдда. СПб. : Наука, 2005. 139 с.
18. Шлейермахер Ф. Герменевтика. СПб. : Европейский Дом, 2004. 242 с.
19. Юнг К. Г. Душа и миф. Шесть архетипов. М. : Совершенство, 1997. 384 с.

N. I. Petev

THE RECEPTION OF ESCHATOLOGICAL IMAGERY AND MORAL REFLECTION

The article considers the process of reception of eschato-apocalyptic symbols common for many religious concepts, as well as subsequent ethical reflection of an individual. This issue is discussed in the framework of the moral paradigm. The author employs comparative analysis to study various apocalyptic systems that have appeared in different time and places of the human history. Images and symbolism of the ontological destruction of existence have a particular specificity, which complicates or makes it impossible to define them precisely and unambiguously.

Keywords: reception, apperception, moral reflection, morality, symbols, images, the Revelation of St. John the Divine, Ragnarek, the apocalyptic, eschatology.

УДК 2-1

Е. И. Аринин

ФИЛОСОФИЯ РЕЛИГИИ, ИДЕНТИЧНОСТЬ И СОЦИАЛЬНЫЕ ОБЩНОСТИ ВЛАДИМИРСКОГО РЕГИОНА

Изучение "конфессий", т.е. социальных общностей Владимирского региона, которые объединяют верующих граждан по признаку отношения к той или иной "религии", необходимо для развития научного исследования регио-

нального религиозного многообразия. Анализ возникновения и особенностей становления межконфессиональных взаимоотношений в различных исторических обстоятельствах показывает четыре формы: "византийскую", "просвещенную", "советскую" и "современную".

Ключевые слова: Владимирский регион, верующие, конфессии, правовые нормы.

Изучение "конфессий", или социальных общностей Владимирского региона, которые объединяют верующих граждан по признаку отношения к той или иной "религии", является закономерным этапом развития научного изучения исследователями регионального религиозного многообразия. Необходим анализ возникновения и особенностей становления межконфессиональных взаимоотношений в различных исторических обстоятельствах, где важную роль играло и играет положение религиозных объединений в системе государственной вероисповедальной политики, тех терминов, которые регламентируют отношения верующих и власти. Важную роль в таком формировании играли события, во первых, "крещения Руси", во вторых, эпохи Просвещения и, в третьих, 1917 года, поскольку именно они положили начало радикальному "штурму небес", теоретически обоснованному большевистской концепцией "отмирания религии" при "коммунизме".

В самом общем смысле необходимо отметить, что согласно академической электронной базе данных "Национальный корпус русского языка" и этимологическим словарям только в эпоху Просвещения, т.е. в XVIII – XIX веках, в наш язык входят

те термины, которые включены в название нашего издания и к которым мы сегодня привыкли – "религия" (1705), "исповедание" (1717), "верующий" (1762), "вероисповедание" (1816) и "конфессия" (1918). До XVIII века и с эпохи крещения Киевской Руси в официальных документах была принята "византийская модель" описания религиозного многообразия в государстве, восходящая к законодательным нормам средневекового "Кодекса Феодосия" ("Codex Theodosianus", 438), где население христианской империи считалось объединенным "правоверием" (т.е. приверженцами "истинной вѣры", которую княжеские, царские или императорские элиты трактовали как "законъ грѣчкый" из "Цесарюграду") [6]. Этой "эйкуменической общности" противопоставлялись "безбожные еретики" и "суеверные язычники", заслуживающие смертной казни [9].

Важно отметить несколько периодов в формировании "христианского сообщества", когда изменялось понимание норм единства, начавшегося с деяния князя Володимѣрь Святославичъ, крестившего, согласно одной из летописных версий, Киев и "роуьскаа земля" (988), войдя в общение с "благовѣрьнии земли Гречьскѣ" и "Вселенским Патриархатом" ("Оѡкоуменикѡ

Πατριαρχεῖο Κωνσταντινουπόλεως") в Константинополе. В этот период осваивается "владимирская земля", строятся "города", т.е. укрепленные княжеские ставки в Муроме (862), Владимире (990) и Суздале (999). Крещение "роусьскаа земля" позднее восторженно описывалось митрополитом Иларионом, автором "Слова о законе и благодати" (1037 – 1050) и сподвижником Ярослава Мудрого как присоединение общества, жившего ранее "звериньскимъ образомъ", к глобальной культуре и цивилизации небывалого прежде братства "христианских народов" могущественной и единой тогда "Кафолической Церкви" ("Καθολικῆς Εκκλησίας"/"Ecclesia Catholica") [16].

Идеалом этого периода была евхаристическая общность княжеского двора и подданных в качестве "верных" ("христиан") "благодатному благочестию", противопоставленному "иноверию" ("языци", одержимых "идольскимъ мракомъ" и "тьмой служения бесовского", "еретиков" и приверженцам "закона Моисея", принятому в IX веке элитой соседнего с Русью Хазарского каганата). Каганат эту политическую реформу принял в результате своего легендарного "выбора веры" под влиянием иудеев, бежавших от преследований из Византии, боровшейся за "чистоту веры" своих подданных, что, однако, как считает ряд исследователей, связано не столько с "ортодоксальным иудаизмом", сколько с широко понимаемой "авраамической традицией народов Писания", общей для после-

дователей Моисея, Иисуса и Мухаммеда, конфликтовавших тогда между собой как "Ραχ Christiana" и "Ραχ Islamica". Именно "закону Моисея" Иларион противопоставляет "благодать", исходящую от "благовѣрнии земли Гречьскѣ", которая выступала в том контексте не только как "вероисповедание", но и как универсальная "причастность к цивилизованному человечеству", "высокой" интеллектуальной и творческой культуре, начавшейся от Адама, но усиленной до "нормы" в империи Константином Великим, Феодосием и Юстинианом в соответствии с принципом *"одно государство, одна вера, один закон"*.

Смерть Ярослава в 1054 году совпала с расколом "Καθολικῆς Εκκλησίας"/"Ecclesia Catholica" на "Великую Церковь Христову" ("ἡ Μεγάλη τοῦ Χριστοῦ Ἐκκλησία") Константинополя и "латинство" Рима ("Ecclesia Catholica Romana"), вызвавшим многовековой геополитический конфликт, называемый иногда "Великой схизмой между Востоком и Западом", породившей необозримый поток полемической литературы. На этой исторической основе сформировался феномен "конфессионального эксклюзивизма" или "конфессиоцентризма", особенно усилившийся в эпоху Реформации (1517 – 1648), когда каждое из отделившихся сообществ стало обвинять другие в "ереси", провозглашая только себя "истинным христианством", что нашло одно из первых отражений в семантике текста "Повести временных лет" (1073 – 1118), где представ-

лено значительно более детальное описание "иноверцев" в сюжете этого "выбора веры", выделяющем наряду с маргинальными "язычниками" и "еретиками" еще и представлявших "государственные исповедания" тех, кого именовали "болгаре вѣры бо-хъмичи" (мусульман), "нѣмци от Ри-ма, послани от папежа" (католиков) и "жидове козаръстии" ("хазары") [14].

На практике это конфессио-нальное единство сопровождалось столетиями "междоусобных войн" между князьями семейства Рюрико-вичей, связанных тесным династиче-ским родством с европейскими "ка-толическими" монархами. В XII веке усилиями Андрея Боголюбского и Всеволода Большое Гнездо, оставив-шими о себе память удивительными храмами, вошедшими в перечень все-мирного культурного наследия ЮНЕ-СКО, Владимир становится политиче-ским центром Северо-Восточной Руси. Новым испытанием стали столетия XIII – XIV веков, когда эти земли вошли в "Рах Mongolica" ("Их Мон-гол улус", "Татарию", "Великое Мон-гольское государство", "Золотую Ор-ду"), где ханы стали выдавать "ярлы-ки" на "великое княжение Владимир-ское", признанное центром регио-нальной политической власти над "русинами", где с 1299 по 1325 год находилась кафедра митрополита Киевского и всея Руси.

В дальнейшем центр политиче-ской и духовной власти переместился в Москву, а в литературе появляется термин "сияющее благочестие" в качестве устойчивого поэтического

наименования "Церкви Христовой" как "традиции Московского правове-рия" [5]. Возможно, это началось с 1454 года, когда кафедра влиятельно-го епископа Сарского и Подонского (1261 – 1454), который и сегодня по традиции в качестве "Митрополита Крутицкого и Коломенского" являет-ся "Патриаршим Наместником", т.е. вторым по значимости лицом в Мос-ковском Патриархате, была перене-сена из Сарай-Бату, столицы слабе-ющей "Золотой Орды", в подмосков-ные Крутицы, ближе к новому центру политической силы.

Тексты второй половины XV века отражают бурные геополитиче-ские реалии эпохи заключения "Фло-рентийской унии" (1431 – 1449), учреждения московской автокефаль-ной митрополии (1448) и турецкого захвата Константинополя (1453), ко-гда "Великая Церковь Христова" и "Вселенский Патриархат" оказались подданными Османской империи, нового могущественного центра "Рах Islamica", превратившись в предста-вителей не единственно господству-ющей как некогда (393 – 1453), но только терпимой для "иноверной" власти этноконфессиональной общ-ности "millet-i Rûm" ("римской об-щины", "общины ромеев") [1]. В ка-честве особого "конфессионалима", обозначающего исключительно кня-жеское и царское "христианство Москвы", собственно "Вѣру" как царское исповедание, в этот период элитами отбирается термин "право-славие", входящий наряду с терми-ном "сияющее благочестие" в широ-

кое употребление с конца XVI – начала XVII века [10]. На этом геополитическом фоне "грекам" как "православным" начинают противопоставляться "окаянная латыня" и "фрязи" ("франки") [8]. Вместе с тем они же привлекались и для строительства Московского кремля в конце XVI в., напоминая о чем сохранилось в названиях современных подмосковных населенных пунктов (Фрязино, Фряново, Фрязево).

XVI век стал последним, когда город Владимир был разорен Казанскими и Крымскими татарами под предводительством хана Магмет-Гирея в 1521 году. Вместе с тем после взятия Казани (1552) и вплоть до наших дней "сияющее благочестие" Москвы перестало быть единственной влиятельной "вѣрой" этого нового геополитического центра в Европе. Московское царство, удвоившее свою территорию за это столетие, принимает эсхатологическую идею "translatio imperii" и своего особого избранничества в качестве концепции "Москва – третий Рим" (1524), добиваясь учреждения патриаршества (1589) и почетного статуса "Московского Патриархата". Все это происходит на глобальном фоне бурной эпохи "Reformatio" (1517 – 1648) в Европе, принятия «Confessio Augustana» (1531), утверждения принципа «*cuius regio, eius religio*», закрепленного «*Pax Augustana*» ("Augsburger Reichs- und Religionsfrieden", 1555), и учреждения особой политической общности славян – "Республики", государства «*Rzeczpospolita*» («*Królestwo*

Polskie i Wielkie Księstwo Litewskie», 1569), претендовавшего, наряду с Московским царством на роль преемника властителей "роусьскаа земля" Рюриковичей.

В этом политическом центре королевский двор и большинство населения принадлежали к «Римской вѣре» («Римскому набоженству», «Римской релѣ») и на протяжении целого поколения придерживались политики веротерпимости в соответствии с духом и буквой первого в мировой истории «Акта Варшавской конфедерации» («*Akt konfederacji warszawskiej*», 1573), включенного в список ЮНЕСКО «Память мира» («*UNESCO Memory of the World Register*») [2]. В этом документе впервые в мировой истории были представлены в качестве рядоположенных и равноправных "religionis christianae", "dissidentes de religione", люди "greckiej wiary" и приверженцы "jedno rzymskiego kościoła".

Этот нормативный порядок был нарушен в результате прихода к власти короля Сигизмунда III, который был сторонником буквы и духа «*Concilium Tridentinum*» (1545 – 1563), стремившийся привести "схизматиков" (людей "Грецкого набоженства" Киевской Митрополии) из юрисдикции константинопольской "Великой Церкви Христовой" ("ἡ Μεγάλη τοῦ Χριστοῦ Ἐκκλησία") в юрисдикцию "Ecclesia Catholica Romana". Так возникла особая юрисдикция "Ecclesia Ruthena unita" ("Ruski Kościół Unicki", "Руська Унійна Церква", "Русская Унияцкая Царква", "униаты",

"Русская Униатская Церковь", "грекокатолики" и т.п.), учрежденная в результате "Брестской унии" (1596), при этом сохранявшая "народные обычаи благочестия".

XVII век запомнился продолжением борьбы за "роусьскаа земля" между Москвой и Варшавой в трагический период "Смутного времени" (1598 – 1613), когда "владимирская земля" стала территорией братоубийственных сражений, голода и разорений, а Владимир, Муром и Суздаль переходили из рук в руки. Со второй половины столетия существенным для религиозных отношений в регионе и всей стране стали события, вызванные "греческим проектом", стремившимся освободить Константинополь от иноверцев, воссоединившись с "греками", ради чего решили устранить исторически возникшие различия в традициях, что вызвало последствия, получившие в официальных документах того времени наименование "безбожной ереси раскола" (1651 – 1685).

XVIII век стал эпохой "бюрократической" революции, когда имперскими чиновниками "сияющее благочестие" стало именоваться "религией", т.е. как вероисповедания других государств Европы. В XIX веке утверждается канцелярское деление религий на "грекороссийское христианство" (включая "единоверие"), "раскольнические секты", "идолопоклонников" и "иноверные исповедания", о присутствии которых подаются специальные ведомости с отчетами по "Форме № 25" ("О раскольниках по различным их толкам") и "Форме № 26" (Об иноверцах).

Начало XX века в России стало эпохой утверждения норм вероисповедальных свобод, когда в 1903 – 1917 годы был предпринят целый ряд известных законодательных инициатив [19]. Утверждается новая семантика, где противопоставляется уже не столько "вѣра" и "нечестивое безбожие" (или "иновѣрие"), сколько "сердце" ("совесть") личности ("личная религиозность"), с одной стороны, и "казенное благочестие", с другой [15]. Этот период иногда описывают как короткий "золотой период" дискриминировавшихся ранее в Российской империи религиозных сообществ, особенно, старообрядцев [22]. Вместе с тем уже 23.01.1918 публикуется программный "Декрет об отделении церкви от государства и школы от церкви", согласно которому "каждый гражданин и гражданка получают право исповедывать по своему убеждению любую религию, поскольку религиозные действия не сопровождаются контрреволюционными и уголовно наказуемыми деяниями", а кроме того "каждый гражданин и гражданка получают право не исповедывать никакой религии" [13]. Новым "господствующим исповеданием" становится "верность революции", противопоставляемая "контрреволюционным вылазкам врагов народа", к которым все чаще начинают относить специально выделенную социальную группу – "верующих граждан всех культов" (1929) [12].

В этой группе эмпирические феномены "шаманское камлание" и "православная литургия" были, вопреки идеям Дж. Фрезера, отожд-

дествлены как частные формы "культур", а "анимизм" и "тринитарное богословие" – как частные формы особого "религиозного мировоззрения", противопоставляемого "научному мировоззрению строителей коммунизма", поскольку первое опиралось не на "прогрессивные научные знания", а на "отмирающую веру в сверхъестественное". Фактически делалась попытка редукции "религиозного" к "волшебному". Вместе с тем в истории СССР, как отмечал М. В. Шкаровский, можно выделить целый ряд периодов в отношениях власти к религии и религиозным организациям (1917 – 1920, 1921 – 1928, 1929 – 1938, 1939 – 1943, 1943 – 1948, 1948 – 1953, 1953 – 1958, 1958 – 1964, 1965 – 1988, 1988 – 1991), которые "во многом совпадают с переломными этапами в истории государства и общества", однако "курс правительства в определенной степени менялся и внутри выделенных временных промежутков", при этом "до сих пор в историографии отсутствует достаточно разработанная аргументация смены курса религиозной политики" [20].

В эти годы начинается радикальный "штурм небес", наглядные образы которого были представлены, к примеру в "Антирелигиозной азбуке" (1933) [4]. Началось конструирование нового "воображаемого общества" тех, кто верил, что "...скорая победа коммунизма опирается на неудержимое стремление трудящихся к организации ими самими без всяких царей, господ и богов всего общественного производства", при этом

"успех зависит исключительно от их твердой решимости и железной воли, которая крепнет с каждым днем и с каждым новым предательским ударом, наносимым международными бандитами" [11].

В 60-е годы XX века изменяется отношение к религии в среде творческой интеллигенции, которая становится "верующей" [3]. Начинаются публикации исследований С. С. Аверинцева, М. М. Бахтина, Д. С. Лихачева, Ю. А. Лотмана, С. А. Токарева и других, открываются массовые туристические маршруты по старинным городам ("Золотое кольцо" и т.п.), появляются "писатели-деревенщики", а братья Стругацкие в своем знаменитом романе "Понедельник начинается в субботу" (1965) утверждали, что "каждый человек — маг в душе", оппонировав знаменитому тезису Тертуллиана, что "каждая душа – христианка" [17]. Наиболее ярким кинематографическим событием этих лет стал фильм А. Тарковского "Андрей Рублев" ("Страсти по Андрею", 1966, 1971) [18]. В. В. Библихин отмечал, что уже "в 1973 году мы знали, что военные политические стратеги планируют скинуть марксизм и взять на идеологическое обеспечение армии православие" [7]. Определенный итог попыткам описания фундаментальной неопишуемости динамичного и полиморфного "многообразия верующих" в позднем СССР подвел М. Н. Эпштейн, иронично показавший, что те или иные формы "религиозности" возникают и исчезают практически ежедневно, и соответственно, их невоз-

можно отследить и зафиксировать ведомствами "государственной безопасности" [21].

Сегодня отечественное академическое сообщество встало перед фактом того, что, с одной стороны, социологически выявлен в обществе "проправославный консенсус", для которого именно Русская Православная Церковь (Московский Патриархат) воспринимается не столько как "религиозное объединение", но как непосредственная причастность к единственно правильному бытию, к единству "Красоты, Истины и Блага", т.е. к универсальной, величественной, сильной и яркой форме подлин-

ного благочестия. Одновременно, с другой, для религиозоведческих (психологических, социологических, исторических, антропологических и т.п.) подходов к исследованию религии, в том числе и православия, очевидно, что прежняя историческая лексика, порой возрождаемая в некоторых "медиа", когда вероисповедания делили на "правильное", которому противопоставляли "иностран-ные", "иноверные" и "сектантские", не только утратила свою актуальность, но и несет в себе нарушение конституционных прав наших сограждан, что совершенно недопустимо.

Библиографические ссылки

1. History of the Ecumenical Patriarchate [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchate.org/patriarchate/history> (дата обращения: 21.02.2016).
2. Poland - The General Confederation of Warsaw [Электронный ресурс]. URL: http://web.archive.org/web/20080520235227/http://portal.unesco.org/ci/en/ev.php-URL_ID=7748&URL_DO=DO_TOPIC&URL_SECTION=201.html (дата обращения: 30.03.2016).
3. Аверинцев С. Обращение к Богу советской интеллигенции в 60 – 70-е годы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.evangelie.ru/forum/t41879.html> (дата обращения: 10.10.2016).
4. Антирелигиозная азбука [Электронный ресурс]. URL: <http://aquatek-filips.livejournal.com/210201.html> (дата обращения: 18.05.2016).
5. Белякова Е. В. Первые опыты русской церковной историографии // Факты и знаки. Исследования по семиотике истории. Вып. 1. М. : Языки славянских культур, 2008. С. 219 – 221.
6. Вера / Словарь русского языка XI – XVII вв. / гл. ред. С. Г. Бархударов. М. : Наука, 1975. Вып. 2. С. 79 – 80.
7. Владимир Бибахин. Для служебного пользования [Электронный ресурс]. URL: <http://inigo.ru/wp-content/uploads/2014/12/Владимир-Бибахин-«Для-служебного-пользования».pdf> (дата обращения: 04.12.2016).
8. Кириллин В. М. «Чужое» в древнерусских сказаниях о Ферраро-Флорентийском соборе [Электронный ресурс]. URL: <http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1187849> (дата обращения: 16.08.2016).

9. Кодекс Феодосия «О язычниках, жертвоприношениях и храмах» / пер. с лат. и коммент. М. А. Ведешкина // Научные ведомости Белгородского государственного университета. 2013. № 27. С. 38 – 47.

10. Колосов В., Павлова Т. К этимологии терминов "православие" и "православные" [Электронный ресурс]. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Linguist/Article/kolos_etim.php (дата обращения: 06.09.2016).

11. Красиков П. Женщина, религия и коммунизм // Революция и церковь. Ежемес. журн. № 2 (февр.) / Издание Народного Комиссариата Юстиции. М. : 17-я Гос. тип. (бывш. Кушнерева), 1919. С.1.

12. О религиозных объединениях. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР, 8 апреля 1929 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://sssr.regnews.org/doc/xw/n0.htm> (дата обращения: 15.11.2016).

13. Письмо об отношении к религиозным обществам // Революция и церковь. Ежемес. журн. № 2 (февр.) / Издание Народного Комиссариата Юстиции. М. : 17-я Гос. тип. (бывш. Кушнерева), 1919. С. 38.

14. Повѣсть временныхъ лѣтъ черноризца Федосьева монастыря Печерьскаго, откуда есть пошла Руская земля <...> и хто в ней почаль пѣрвѣе княжити, и откуда Руская земля стала есть [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4869> (дата обращения: 30.11.2012).

15. Рейсмер М. А. Государство и верующая личность. М. : ЛИБРОКОМ, 2011. 428 с.

16. Слово о законе и благодати митрополита Илариона [Электронный ресурс]. URL: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4868> (дата обращения: 27.09.2016).

17. Стругацкие А. и Б. Понедельник начинается в субботу // Будущее, XX век. Исследователи: фантаст. романы. М. : Эксмо, 2009. С. 86 ; Душа – по природе христианка? [Электронный ресурс]. URL: <http://foma.ru/dusha-po-prirode-xristianka.html> (дата обращения: 15.11.2016).

18. Такахаси С. «Андрей Рублев» А. Тарковского: Интерпретация русской истории в контексте советской культуры // АСТА SLAVICA IAPONICA. 2011. № 29. С. 65 – 86.

19. Фёдоров В. А. Временное правительство и его вероисповедальная политика [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravenc.ru/text/155432.html> (дата обращения: 25.08.2016).

20. Шкаровский М. В. Русская православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939 – 1964 годах). М. : Изд-во Крутицкого подворья. Общество любителей церковной истории, 2005. С. 8 – 9.

21. Эпштейн М. Н. Новое сектантство: типы религиозно-философских умонастроений в России. 1970 – 1980-е годы. М. : Лабиринт, 1994.

22. Юрьева С. Золотой век старообрядчества [Электронный ресурс]. URL: <http://www.blagovest-media.ru> (дата обращения: 02.11.2016).

**THE PHILOSOPHY OF RELIGION, IDENTITY
AND SOCIAL COMMUNITY OF VLADIMIR REGION**

The study of "confessions", or social communities of the Vladimir region, which unite religious citizens on the basis of their attitude to one or another "religion", is necessary for the development of a scientific study of regional religious diversity. Analysis of the emergence and peculiarities of the formation of interfaith relationships in different historical circumstances shows the four forms: "Byzantine", "Enlightened", "Soviet" and "Modern".

Keywords: Vladimir region, believers, confessions, legal norms

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АНДРЮШЕНКО Михаил Трофимович – доктор философских наук, профессор кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.
vladspk@gmail.com

АРИНИН Евгений Игоревич – доктор философских наук, профессор зав. кафедрой философии и религиоведения Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.
eiarinin@mail.ru

ГАЛКИН Тимур Олегович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, археологии и краеведения Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.
Skell1986@mail.ru

ГЛУЩЕНКО Владимир Андреевич – доктор филологических наук, профессор зав. кафедрой германской и славянской филологии Донбасского государственного педагогического университета.
sdpunauka@ukr.net

ДАРЬИНА Татьяна Сергеевна – студентка 3-го курса Гуманитарного института Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.
Skell1986@mail.ru

ЕГОРОВА Галина Сергеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.
birdsflighigh1@gmail.com

ЗИНОВЬЕВА Елена Иннокентьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета.
e.i.zinovieva@spbu.ru

ЛОМОНОСОВ Михаил Дмитриевич – студент 5-го курса исторического образования Педагогического института Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.
birdsflighigh1@gmail.com

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

МАКЕЕВ Дмитрий Алексеевич – доктор исторических наук, профессор кафедры Всеобщей истории Педагогического института Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.
lapshina.nni2012@yandex.ru

МАРКОВ Александр Викторович – доктор филологических наук, профессор зам. декана факультета истории искусств Российского государственного гуманитарного университета.
markovius@gmail.com

ОРЛИЦКИЙ Юрий Борисович – доктор филологических наук, профессор ведущий научный сотрудник лаборатории мандельштамоведения Российского государственного гуманитарного университета.
ju_b_orlitski@mail.ru

ПЕТЕВ Николай Иванович – кандидат философских наук старший преподаватель кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета им. А. Г. и Н. Г. Столетовых.
eyanideemo@mail.ru

ТИЩЕНКО Екатерина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры германской и славянской филологии Донбасского государственного педагогического университета.
k.a.tyshchenko@gmail.com